

ISSN 2345-1734 (Print)
e-ISSN 2345-1742 (PDF)

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала
«Русин»

2017, 1 (6)

Association Rus'
Tomsk State University

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала

«Русин»

2017, 1 (6)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Библиотека журнала **Русь**

ОСНОВАН В 2015 Г

Редакционная коллегия:

главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия),
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
(Молдова)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
(Украина)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24,
кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Rusin

Journal Library

~~Established in 2015~~

Editorial Board

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia),
Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Moldova, Transnistria)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Editor's address: Association "Rus". ap. 1A, 24, M. Kogalniceanu Str., Chisinau, MD 2001,
Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Суляк С.Г. Борец за единство русского народа	5
<i>Sulyak S.G.</i> <i>Borec za edinstvo russkogo naroda [A Fighter for the Unity of the Russian People]</i>	
Будилович А.С. Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная	14
<i>Budilovich A.S.</i> <i>Putevye zametki o doline Srednego i Nizhnego Dunaya [Travel notes on the valley of the Middle and Lower Danube]</i>	
Будилович А.С. К читателю	53
<i>Budilovich A.S.</i> <i>K chitatelyu [To the Reader]</i>	
Будилович А.С. Галицко-русская политика последних лет	69
<i>Budilovich A.S.</i> <i>Galitsko-russkaya politika poslednikh let [Galician Russian politics of the last years]</i>	
Будилович А.С. Червонорусская эмиграция	82
<i>Budilovich A.S.</i> <i>Chervonorusskaya emigratsiya [The Red Russian emigration]</i>	
Будилович А.С. О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии	100
<i>Budilovich A.S.</i> <i>O zadachakh slavyano-russkoi arkheologii po otnosheniyu k oblastyam i narodnostyam nyneshnei Vengrii [On the objectives of Slavic-Russian archeology concerning regions and nationalities of present-day Hungary]</i>	
Будилович А.С. Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни ...	109
<i>Budilovich A.S.</i> <i>Sovremennyy mad'yarizm v perspektivakh ugro-slavyanskoj istorii i zhizni [Modern Magyarism in the perspectives of a Ugro-Slavic history and life]</i>	
Будилович А.С. Холмская Русь и поляки	128
<i>Budilovich A.S.</i> <i>Kholmsskaya Rus' i polyaki [Rus' in the Lands of Kholm and the Poles]</i>	
Егорова К.Б. Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому	155
<i>Egorova K.B.</i> <i>Pis'ma D.N. Verguna k P.A. Kulakovskomu [The Letters of D.N. Vergun to P.A. Kulakovsky]</i>	

УДК 94(47) + 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/1

БОРЕЦ ЗА ЕДИНСТВО РУССКОГО НАРОДА

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Резюме

А.С. Будилович (1846-1908) - известный русский славист и филолог - был не только выдающимся ученым. Он был публицистом, общественно-политическим деятелем, отстаивавшим идеи единства славянского мира и триединого русского народа. Во время своих зарубежных поездок он побывал в Австро-Венгрии, где посетил регионы, населенные русинами (Закарпатье, Буковина). В своих многочисленных статьях он поднимал вопрос о тяжелом положении русинов Австро-Венгрии и российской Холмщины. Холмская Русь в то время находилась в составе принадлежавших России польских территорий.

Ключевые слова: А. Будилович, Австро-Венгрия, Россия, Карпатская Русь, русины, русские, Буковина, Галиция, Подкарпатская Русь (Закарпатье).

A FIGHTER FOR THE UNITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

S.G. Sulyak

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

A.S. Budilovich (1846-1908), the well-known Russian Slavist and Philologist, was not only an outstanding scholar but also a publisher, a social political figure who promoted the idea of a united Slavic World and for the tri-unity of the Russian people. During his trips abroad he visited Austro-Hungary where he traveled to those regions which were populated by Rusins (Transcarpathia and Bukovina). In his numerous articles he raised the question about the difficult situation of the Rusins in Austro-Hungary and in the Russian Lands of Kholm. At the time, Rus' in the Kholm Lands was within the Polish territories of Russia.

Keywords: A. Budilovich, Austro-Hungary, Russia, Carpathian Rus', Rusins, Russians, Bukovina, Galicia, Subcarpathian Rus' (Transcarpathia).

Антон Семёнович Будилович родился 24 мая (5 июня) 1846 г. в с. Комотово Гродненского уезда Гродненской губернии в семье сельского священника, у которого было 7 сыновей и 7 дочерей.

Во время польского восстания 1863-1864 гг. повстанцы угрожали его отцу смертью (Кулаковский 1909: 101-104). Поэтому неудивительно, что, родившись и проведя детство в многонациональном крае, где православные продолжали испытывать давление со стороны поляков, он сформировал к последним негативное отношение.

По окончании Виленской духовной семинарии в 1863 г. А. Будилович поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Закончил его в 1867 г., получив золотую медаль за конкурсное сочинение «О литературной деятельности М.В. Ломоносова», и остался при университете для подготовки к профессорскому званию по славянской филологии под руководством профессоров И.И. Срезневского и В.И. Ламанского. С 1869 по 1872 г. он - приват-доцент и доцент славянских наречий в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1871 г. защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского XIII слов Григория Богослова, по рукописи Императорской публичной библиотеки XI в.». В 1875-1881 гг. работал ординарным профессором Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В 1878 г. в Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях», получив степень доктора славянской филологии. В 1881-1892 гг. - профессор кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета. Здесь в 1892 г. он стал редактором ежемесячного журнала «Славянское обозрение» (выходил ровно год).

В 1882 г. Будиловича избрали членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, с 1901 г. он являлся почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. С 1885 г. - тайный советник. В 1892-1901 гг. - ректор и профессор кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Императорского Юрьевского университета. В 1899 г. стал заслуженным профессором. С 1901 г. - член Совета Министерства народного просвещения. В том же году А. Будилович переехал с семьей в Петербург. В 1905 г. он был назначен председателем Особого совещания по вопросам об образовании инородцев. В 1907-1908 гг. стал редактором-издателем газеты «Московские ведомости» (Булахов 1976: 42; Климаков 2014: 7-25; Смо-

Антон Семенович Будилович и Адольф Иванович Добрянский-Сачуров в 1898 г.

лин 2003: 106; Славяно-филы 2009: 80-81; Иванов 2008: 71-73; Фомичева 2013: 53-236).

В 1867 г. Будилович принял участие в Славянском съезде, проходившем в Москве, где познакомился с проблемами славян Австро-Венгрии, в т. ч. и русинов. В 1869 г. он вступил в Санкт-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета, с 1871 по 1872 г. был его секретарем, позже - товарищем председателя (Фомичева 2013: 46-48, 55).

В 1872 г. Санкт-Петербургский университет направил А. Будиловича в двухлетнюю заграничную командировку. Он посетил Германию, Австро-Венгрию, Румынию, Сербию, Черногорию, европейскую часть Турции. Командировка охватывала и славянские земли Австро-Венгрии. Особое внимание ученый уделил Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании, Подкарпатской Венгрии и Хорватии. Он познакомил общество с «зарубежными нашими братьями карпаторусами» (Грот 1909: 1100).

В Будапеште он познакомился с видным деятелем русинского возрождения А.И. Добрянским и его семьей (Грот 1909: 1100-1101). Стой поры почти каждое лето проводил в имении Добрянского (Кулаковский 1909: 113). В 1876 г. Будилович женился на его дочери Елене Адольфовне (Грот 1909: 1104). Вторая дочь А. Добрянского Ольга Грабарь стала видным деятелем галицко-русского движения (Кулаковский 1909: 113).

В 1903 г. Будилович создал и возглавил в Петербурге новое «Галицко-русское общество», которое «поставило своей целью поддерживать сознание единства русских галичан со всем русским на-

родом и заботиться о связях с Червонной Русью, столь мало известной у нас» (Кулаковский 1909: 122).

Во время революционных событий 1905-1907 гг. он стал членом «Русского собрания», а в 1906 г. начал издавать «Украины России» (Иванов 2008: 72).

А.С. Будилович опубликовал более трехсот статей в различных периодических изданиях: журналах «Славянское обозрение», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский филологический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения» «Беседа», газетах «Русь», «Новое время», «Московские ведомости», «Известия Славянского благотворительного общества», «Русское обозрение», «Украины России» и др. Более подробно о А.С. Будиловиче и его работах см.: (Суляк 2017).

В данном номере «Библиотеки журнала “Русин”» печатаются некоторые незаслуженно забытые сегодня, но не потерявшие актуальности статьи А.С. Будиловича:

1. Будилович А.С. Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Т. 176. С. 132-174.

Статья представляет собой часть отчёта о командировке за границу (1872-1873 гг.) для подготовки к профессорскому званию магистра славянской филологии. В командировке Будилович побывал в Германии, Австро-Венгрии, Румынии, Сербии, Черногории, европейской части Турции. Посещая славянские земли Австро-Венгрии, он побывал в Буковине и Подкарпатской (Угорской) Руси, где познакомился с историей и положением русинов (Будилович 1874).

2. Будилович А.С. К читателю // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 1. Январь. С. 1-18.

В каждом номере основанного А. Будиловичем в 1892 г. журнала «Славянское обозрение» он публиковал редакционную статью «К читателю» на актуальные политические темы. Упоминает он и о «червонорусских братьях»: «Разделенные в политическом отношении между Галичиной, Буковиной и Угрией, они осуждены вследствие того развиваться под чуждыми влияниями, а именно: первые - под давлением поляков, вторые - немцев и румынов, третьи же - мадьяр» (Будилович 1892а: 4).

3. Будилович А.С. Галицко-русская политика последних лет // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнал. 1892. Т. 2. Май-август. С. 416-427.

В данном материале автор знакомит читателей с книгой галицко-русского историка и общественного деятеля Н.И. Антоневиича (1840-1919) «Галицко-русская политика» (Львов, типография Ставропи-

гийского института, 1891). Эта книга сразу после выхода в свет была конфискована австрийской цезурой. Автор выступает за единство русского народа и против украинофильства и союза с поляками (Будилович 1892b).

4. Будилович А.С. Червонорусская эмиграция // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 31. Сентябрь. С. 15-34.

В статье анализируются причины массовой эмиграции русинов в Америку и сопредельные регионы Российской империи. Автор приходит к выводу, что эмиграция спровоцирована внутренней политикой Австро-Венгрии, в результате которой русины были лишены экономических, политических, религиозных и иных прав и свобод (Будилович 1892с).

5. Будилович А.С. О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896. / под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 264-269.

В своем выступлении на X археологическом съезде в Риге А. Будилович затронул вопрос о насильственной ассимиляции невенгерского населения Венгрии, о переписывании там истории и «затирании» славянского фактора в истории страны. Он предлагает активизировать изучение славян Венгрии силами российских ученых.

Тема фальсификации истории актуальна и в наше время, когда в большинстве стран СНГ и бывшего социалистического лагеря в угоду политике переписываются национальные истории, «корректируется» историческая память населения. История становится одним из основных направлений продолжающейся информационно-психологической войны. Показательна в этом плане принятая в Республике Молдова в качестве официального учебного курса «История румын», в котором оказались «забыты» все наработки молдавской и румынской историографии. Этот курс отрицает, вопреки очевидному, вклад славян в создание Валашского и Молдавского княжеств, участие русинов в этногенезе молдаван.

6. Будилович А.С. Современный мадьяризм в перспективах угрославянской истории и жизни // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1902. Октябрь. № 1. С. 2-13.

В данной работе автор рассуждает об усилении «мадьяризации» невенгерского населения Венгрии. Он считал, что все усилия правительства ассимилировать национальные меньшинства Венгрии обречены на провал, учитывая, что венгерское население уступает им по численности, а сами немадьярские народы Венгрии в культурном плане могут опираться на соседние страны (Будилович 1902).

7. Будилович А.С. Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). СПб.: тип. «Россия», 1907. 49 с.).

Город Холм был основан Даниилом Галицким и стал при нем столицей Галицкой Руси. После смерти последнего представителя рода Даниила Галицкого Юрия II Болеслава и войны за галицко-волынское наследство край (в то время уже удельное княжество) отошел Польше и вошел в состав Русского воеводства. По Венскому договору 1815 г. вся Холмщина стала частью Царства Польского Российской империи. Будучи в составе России, проживавшие в крае русины продолжали подвергаться полонизации и окатоличиванию.

А. Будилович упоминал, что в мае 1906 г. «Галицко-русское благотворительное общество» обратилось к Николаю II с петицией, в которой просило выделить из состава Варшавского генерал-губернаторства «русские уезды Люблинской и Седлецкой губернии и о присоединении этого края к юго-западным областям, как это было всегда раньше, вплоть до разделов Польши» (Будилович 1907). Выделение Холмской губернии из Люблинской и упраздненной Седлецкой губерний Царства Польского произошло уже после смерти А. Будиловича - в 1912 г. Официально же губерния начала существовать через год. После Первой мировой войны данная территория отошла к Польше.

Как вспоминал Б.А. Дедицкий (1827-1909, галицко-русский общественно-политический деятель, писатель, журналист, редактор газеты «Слово»), А. Будилович «по русско-национальной принадлежности» представлял собой «тип настоящего всерусина: родом бо он наднеманский белорус из священнического сословия; женьтьбою австро-угорский русин, бо зять славного угроруса бл. п. А. Добрянского из Чертежа, а шурина нашего галицкого русина Юл. Геровского в Черновцах, у которых обох то в Угорской то в Галицкой Руси проживал в время училищных ферий; а по званию он сперва проф. в Варшаве, далее ректор Юрьевского университета на Белоруси, а с г. 1902 член Совета Министерства народного просвещения и вероисповеданий в Петербурзе. Отже он по роду, то по сродству, то по званию во всех частях Руси такой "наський", такой свой, що на прим. в Львовском процесу Наумовича и Ольги Грабарь, яко шурина сей последней, был цитован в обвинительном акте ц. к. прокуратора Клеборн-Гиртлера мнимым соучастником мнимого Hochverratha против Австрии» (Дедицкий 1908: 85).

ЛИТЕРАТУРА

Будилович 1874 - *Будилович А.С.* Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Т. 176. С. 132-174.

Будилович 1892а - *Будилович А.С.* К читателю // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 1. Январь. С. 1-18.

Будилович 1892б - *Будилович А.С.* Галицко-русская политика последних лет // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 2. Май-август. С. 416-427.

Будилович 1892с - *Будилович А.С.* Червонорусская эмиграция // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 31. Сентябрь. С. 15-34.

Будилович 1899 - *Будилович А.С.* О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896. / под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. С. 264-269.

Будилович 1902 - *Будилович А.С.* Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1902. Октябрь. № 1. С. 2-13.

Будилович 1907 - *Будилович А.С.* Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). СПб.: тип. «Россия», 1907. 49 с.

Булахов 1976 - *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1976. Т. 1. 320 с.

Грот 1909 - *Грот К.Я.* Памяти Антона Семеновича Будиловича // Исторический вестник. 1909. Т. СХV. С. 1097-1022.

Дедицкий 1908 - *Дедицкий Б.А.* Своежизньевыи записки Богдана А. Дедицкого. Ч. 1. Где-що до истории саморозвития языка и азбуки Галицкой Руси. Львов: Печатня Ставропигийского ин-та, 1908. 93 с.

Иванов 2008 - *Иванов А.А.* Будилович Антон Семенович / Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 71-73.

Климаков 2014 - *Климаков Ю.В.* Предисловие / Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 5-27.

Кулаковский 1909 - *Кулаковский П.А.* А.С. Будилович (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XXII. 1909. Август. С. 100-125.

Славянофилы 2009 - Славянофилы. Историческая энциклопедия. / Сост. и отв. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 736 с.

Смолин 2003 - Смолин М.Б. Будилович Антон Семенович / Святая Русь. Большая Энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. Гл. редактор, составитель О. А. Платонов, составитель А. Д. Степанов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 106.

Суляк 2017 – Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166-181. DOI: 10.17223/18572685/48/11

Фомичева 2013 - Фомичева О.А. Деятельность А.С. Будиловича (1846-1908) в национальных регионах Российской империи: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013. 283 с.

REFERENCES

Budilovich, A.S. (1874) Putevye zametki o doline Srednego i Nizhnego Dunaya [Travel notes on the valley of the Middle and Lower Danube]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 176. pp. 132–174.

Budilovich, A.S. (1892) K chitatel'yu [To the Reader]. *Slavyanskoe obozrenie*. 1. pp. 1-18.

Budilovich, A.S. (1892) Galitsko-russkaya politika poslednikh let [Galician Russian politics of the last years] *Slavyanskoe obozrenie*. 2. pp. 416-427.

Budilovich, A.S. (1892) Chervonorusskaya emigratsiya [The Red Russian emigration]. *Slavyanskoe obozrenie*. 3. pp. 15–34.

Budilovich, A.S. (1899) O zadachakh slavyano-russkoy arkhologii po otnosheniyu k oblastyam i narodnostyam nyneshney Vengrii [On the objectives of Slavic-Russian archeology concerning regions and nationalities of present-day Hungary]. In: Uvarova, P.S. (ed.) *Trudy desyatogo arkhologicheskogo s'ezda v Rige* [Proceedings of the Tenth Archeological Congress in Riga]. Moscow: G. Lissner i A. Geshel. pp. 264–269.

Budilovich, A.S. (1902) Sovremennyy mad'yarizm v perspektivakh ugro-slavyanskoy istorii i zhizni [Modern Magyarism in the perspectives of a Ugro-Slavic history and life]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 1. pp. 2–13.

Budilovich, A.S. (1907) *Kholm'skaya Rus' i polyaki. Tri stat'i professora A.S. Budilovicha* [Rus' in the Lands of Kholm and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich]. St. Petersburg: Rossiya.

Bulakhov, M.G. (1976) *Vostochnoslavyanskije yazykovedy* [East Slavic linguists]. Vol. 1. Minsk: Belarus State University.

Grot, K.Ya. (1909) Pamyati Antona Semenovicha Budilovicha [In memory of Anton Semenovich Budilovich]. *Istoricheskiy vestnik*. 115. pp. 1097–1022.

Deditskii, B.A. *Svoezhit'evyi zapiski Bogdana A. Deditskogo. Ch. 1. Gde-shcho do istorii samorozvitiya yazyka i azbuki Galitskoi Rusi* [Personal Everyday Notes of Bogdan A. Deditskii. Part 1. Some notes about the history of the natural

development of the language and alphabet of Galician Rus']. L'vov: Pechatnya Stavropigiiskogo in-ta, 1908. 93 p.

Ivanov, A.A. (2008) Budilovich Anton Semenovich [Budilovich Anton Semenovich]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundreds. The Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 71–73.

Klimakov, Yu.V. (2014) Predislovie [Foreword]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii. pp. 5–27.

Kulakovskiy, P.A. (1909) A.S. Budilovich (Nekrolog) [A.S. Budilovich (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 22. pp. 100–125.

Platonov, O.A. (ed.) (2009) *Slavyanofily. Istoricheskaya entsiklopediya* [Slavophiles. A Historical Encyclopedia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Smolin, M.B. (2003) Budilovich Anton Semenovich [Budilovich Anton Semenovich]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Svyataya Rus'. Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda. Russkiy patriotizm* [Holy Russia. The Great Encyclopedia of the Russian Folk. Russian Patriotism]. Moscow: Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii. pp. 106.

Sulyak, S.G. A.S. Budolovich i Kapatskaya Rus [A.S. Budilovich and Carpathian Rus]. *Rusin*. 2017. 2 (48). DOI: 10.17223/18572685/48/11

Fomicheva, O.A. (2013) *Deyatel'nost' A.S. Budilovicha (1846–1908) v natsional'nykh regionakh Rossiyskoy imperii* [The activity of A.S. Budilovich (1846–1908) in the national regions of the Russian Empire]. History Cand. Diss. Moscow.

Суляк Сергей Георгиевич – доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sulyak Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47) + 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/2

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О ДОЛИНЕ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ДУНАЯ*

А.С. Будилович

Резюме

Статья представляет собой часть из отчета А.С. Будиловича о заграничной командировке 1872-1873 гг. Он посетил Германию, Австро-Венгрию, Румынию, Сербию, Черногорию, европейскую часть Турции. Командировка охватывала и славянские земли Австро-Венгрии. Особое внимание ученый уделил Буковине, Молдавии, Валахии, Трансильвании, Подкарпатской Венгрии и Хорватии. Он познакомил российское общество с русинами Буковины и Угорской Руси.

Поездка имела важное значение и для личной жизни ученого. Он познакомился с видным деятелем русинского возрождения А.И. Добрянским и его семьей. Впоследствии Будилович женился на его дочери Елене.

Ключевые слова: А.С. Будилович, славяне, русины, Австро-Венгрия, Буковина, Угорская Русь.

TRAVEL NOTES ON THE VALLEY OF THE MIDDLE AND LOWER DANUBE**

A.S. Budilovich

Abstract

The article presents part of A.S. Budilovich's account about his travel abroad in 1872-1873. He visited Germany, Austro-Hungary, Romania, Serbia, Montenegro and the European section of Turkey. The trip also took in the Slavic lands of Austro-Hungary. Special attention was given to Bukovina, Moldavia, Wallachia, Transylvania, Subcarpathian Hungary and Croatia. He acquainted Russian Society with the Rusins of Bukovina and Hungarian Rus'. The tour had significant meaning for him personally. He

---

* Извлечено из отчёта командированного за границу для приготовления к профессорскому званию магистра славянской филологии А.С. Будиловича.

** Drawn from the travel account abroad for the preparation of a Masters of Slavic Philology and Professorship by A.S. Budilovich.

became acquainted with the prominent figure of the Rusin Revival, A.I. Dobriansky, his family and later with his daughter Elena.

Keywords: A.S. Budilovich, Slavs, Rusins, Austro-Hungary, Bukovina, Hungarian Rus'.

Совершив несколько этнографических экскурсий из г. Черновиц по окрестным селениям Надпрутской долины, я отправился (29 августа 1873 года) на юг, в Придунайские княжества, с целью хотя бегло ознакомиться с общественными и народными отношениями этих стран, с их главнейшими центрами, с движением их литературы и науки. На почву румынской, или волошской народности я вступил в г. Сучаве, а оставил ее в Мармарошском Сиготе, посетив по очереди Яссы, Галац, Бухарест, Брашево¹, Сибин², Колошвар³, Дебрецин. Затем я пробыл несколько недель в среде наших ближайших заграничных соплеменников, угорских русских, в их городах: Сиготе, Гуште, Мукачеве, Унгваре, Бардееве, Пряшеве и в некоторых деревнях Землинской и Шаришской жупаний. Наступили затем осенние месяцы, не совсем удобные для деревенских экскурсий, вследствие чего я предпочёл провести их в городах. Рассчитывая найти что-нибудь поучительное и для себя на Венской всемирной выставке, я отправился в Вену и имел возможность более или менее внимательно изучить интересовавшие меня (археологические и этнографические) отделы. Из Вены я еще раз посетил Прагу, где собрал некоторые данные для характеристики современного общественного и экономического положения Чехии, Моравии и австрийской Силезии, а равно и некоторые другие материалы этнографического и историко-литературного характера. Из Праги я отправился затем в Пожун⁴, а оттуда в Пешт, где оставался более полутора месяца (4 декабря 1873 – 25 января 1874 г.), совершив оттуда две небольшие экскурсии - в Вышеград и в некоторые центры Словенской земли (Турчанский св. Мартин, Кляштор под Зниовым, Зволян, Банская Быстрица). Наконец, в конце января месяца я перебрался из Пешта в хорватский Загреб. Таким образом, вторую половину 1873 года я посвятил преимущественно изучению территории, населения и истории следующих стран: Буковины, Молдавии, Валахии, Семиградья, Венгрии (Подкарпатской) и Хорватии. Не могу сказать, чтобы знакомство мое с этими странами и теперь, после путешествия в них, было особенно полное и обстоятельное. Для этого необходимо было бы на каждую из них отдельно посвятить, по крайней мере, полгода времени. Мне же пришлось ограничиться лишь самым существенным - в знакомстве с положени-

¹ Кронштадт.

² Германштадт.

³ Klauseburg.

⁴ Pressburg.

ем, отношениями и историей вышеназванных стран и их населения, отложив изучение частных до другого, более благоприятного случая. Притом в настоящем очерке я могу представить лишь краткие беглые намеки на то, что будет развито в подробном описании моего путешествия, которое я надеюсь издать впоследствии.

Русское население Буковины составляет до 250 000 душ, хотя статистическим показаниям центральных австрийских комитетов, равно как и показаниям народных переписей, верить абсолютно невозможно, потому что эти переписи всюду почти и притом довольно систематически направлены на преуменьшение (хотя кажущееся) населения славянского в пользу всякой другой народности - немецкой, мадьярской, итальянской, румынской. Единственное в этом отношении исключение составляют поляки, которых местная статистика не только не преследует, но даже заметно покровительствует им - за счёт русских. Вообще же можно сказать, что русский элемент даже статистикам внушает наиболее забот и заставляет их постоянно прибегать к разным приемам - конечно, фиктивного лишь - его ослабления. В Буковине это совершается с помощью румынского элемента, в Венгрии - с помощью мадьярского, отчасти даже словенского. Как бы то ни было, русское население в Буковине составляет абсолютное большинство. Границы его трудно определить, потому что они не идут по одной определенной линии, а, напротив того, во многих местах прорывают этнографическую черту румынов и смело врезаются в глубь их народной территории. Оттого ни Прут, ни Серет не могут быть названы пограничной русско-румынской рекой. Есть острова русские и за Серетом, на Сучаве, даже под самой Кирли-Бабой, на крайнем юго-западе провинции близ границы Семиградья. Я расспрашивал местных старожилов о том, в которую сторону раздвигается область народная, и почти все уверяли меня, что это совершается в пользу народности русской и на счёт румынской. Это тем замечательнее, что румынская народность является здесь привилегированной в сравнении с русской. В руках румынов находится большая часть крупных поземельных участков. Они имеют преобладающее влияние и в светских, и в духовных управлениях, потому что и немцы, влиятельные в местной администрации, гораздо нежнее относятся к богатой «панской» народности румынской, чем к бедной мужицкой - русской. Румыны имеют несколько гимназий, русские - ни одной. Даже в семинарии духовной, где русские решительно составляют большинство, русские ученики должны учиться на румынском языке, должны учиться на румынском языке проповедовать впоследствии в русских приходах! И, несмотря на все это, русская народность в Буковине ширится, а румынская - убывает.

Что касается народного типа, то нужно различать здесь три элемента русского населения.

Самый многочисленный из них - гуцульский. Этот горный тип встречается не только в горных и пограничных с румынами частях Галиции и Буковины, но и в закарпатском (венгерском) Мармароше. В этом типе замечается сильная примесь крови волошской. Не в одном только высоком росте, смуглом лице, стройной осанке и гордых приемах отражается эта примесь южной крови, но и в costume, в песне, в музыке, в обстановке быта, в языке гуцула. Уж одна женская юбка в виде двух связанных платков (спереди и сзади) достаточно свидетельствует о румынской «моде» у гуцульских красавиц в Буковине, в округе Коломыйском и в комитете Мармарошском. Столь же родственны между собой оригинальные мотивы музыки гуцульской (коломыйка) и волошской. Замечательно, что те же мотивы составляют особенность и цыганской музыки, господствующей как в Придунайских княжествах, так и в Венгрии собственно мадьярской. Один русский путешественник выразил мне свое удивление по поводу странного сходства музыки цыганской с персидской. Не принесли ли цыгане этой музыки из Азии (Индии, Персии), и не послужили ли румыны лишь распространителями этих мелодий в среде прикарпатских горцев? Кажется, что и евреи хлебнули из этого музыкального источника. Танцы гуцульские и волошские тоже очень сходны⁵. Даже «дипломатическим» языком у гуцулов при плясках служит волошский (как в цивилизованных обществах - французский)! На волов своих гуцул тоже кричит по-волошки (но относительно лошадей и собак я встречал в Буковине применение немецкого языка, как «международного дипломатического»: *vorwärts, gückwärts* и т.д.). Подобно румыну, гуцул предпочитает кукурузу всякой другой пище. Мамалыга, плачента - любимые его блюда. Какая-то затем поистине волошская беззаботность и легкомыслие отличают гуцула⁶. Конечно, в этой последней области трудно решить, где оригинал, а где копия: русские ли от волохов или волохи от русских заимствовали свою лень, беспечность и страсть к пьянству. Или это признак их общей принадлежности к «ориенту», к «греко-славянскому» культурному миру? Несомненно только, что и мадьяры в этом отношении - наши «восточные» братья. Только у них эта лень еще величественнее, а беспечность еще первобытнее.

Было бы, однако, несправедливо все общее в типе и быте рус-

⁵ Называются они, например, кордия, сербин, аркан, козак, коломыйка или русский танец.

⁶ Но гуцулки гораздо солиднее, трудолюбивее, скромнее волошек. На них держится общественный порядок гуцульского края.

ских и волохов приписывать одностороннему влиянию вторых на первых. Еще могущественнее, без сомнения, было влияние первых на вторых, что и отразилось не только в современном языке волохов, но и в массе волошских исторических памятников, писанных на русском языке. Ниже еще будет речь об этом; теперь же заметим лишь факт чрезвычайного сходства между русскими и румынами, и притом так, что подоляне русские похожи на молдаван, а горцы (гуцулы) - на волохов в собственном смысле, или «мунтян».

С другой стороны, очень вероятно, что большую долю гуцулов составляют обрусевшие волохи. Это видно, между прочим, из географической номенклатуры карпатских жилищ гуцулов. Волошский язык запечатлелся в названиях гор и равнин на всем почти протяжении Карпат, но преимущественно в южной, гуцульской их части. Нет сомнения, что одним из важнейших деятелей в этой совершившейся здесь русификации румынов был церковнославянский богослужебный язык, лишь недавно вытесненный румынским. Нет сомнения, что и другие элементы народные присоединились к образованию этого любопытного гуцульского типа, но важнейшим, основным долженствовал быть волошский. В исторических изысканиях о том, когда, в каком веке совершилось образование этого типа, когда и как он вошёл в Буковину, поселился и все далее в ней распространился и распространяется, пускаться здесь не стану, так как это вопрос мало еще разъясненный. Буковина была, между прочим, полем борьбы Польши с Турцией, что не могло не отразиться и на населении этой области. Оно прежде было очень малочисленно и углублено в горы. Но со времени присоединения к Австрии область быстро населилась и развилась. Вероятно, в это уже время преимущественно расширилось в Буковине и гуцульское её население. Как бы то ни было, в настоящее время это самый сильный из элементов местного населения, разрастающийся, несмотря на все неблагоприятные условия. К вышеизложенным соображениям о румынской основе гуцульского типа можно привести еще одно обстоятельство, не лишенное своего значения. Все, можно сказать, буковинские гуцулы суть православные, а не униаты. Зовут же они себя и волохами⁷, но не русскими: русский в Буковине означает униата. Почему это? Потому, что волох действительно еще упорнее в православии, чем русский. Хотя в Семиградье есть и румыны-униаты, но в Буковине таковых почти нет: все буковинские униаты⁸ суть позднейшие (после

⁷ Волохами, но не румынами. Про румын же один русский крестьянин сказал: «У них вера московская, а язык цыганский».

⁸ Местная власть и здесь, как всюду, поддерживала унию. Довольно характерно, хотя и неумышленно выразился один не совсем безграмотный униат, ответив на вопрос: какой ты веры? – «Я цесарский католик»!

Иосифа II) выходцы из Галиции. Но число таких униатов-русских в Буковине очень незначительно: для униатской пропаганды оказалась в Буковине почва равно неблагоприятная как между волохами, так и между гуцулами.

Кроме этих двух частей русского населения Буковины - гуцулов и галицких переселенцев-униатов, есть там еще третья, незначительная по числу, но важная по идеям, какие она представляет, и по энергии своих членов. Это липоване, то есть великорусские раскольники, имеющие здесь, в Белой Кринице, свою митрополию - не только для Буковины, но и для всего русского староверческого мира.

Я не стану распространяться здесь о религиозном направлении и значении этих белокриницких раскольников. Скажу только о той репутации, какой они тут пользуются между другими элементами населения. Каких-нибудь 5 000 душ в трех-четырёх деревушках, а сколько труда, какую деятельность умеют они развить в стране! Своей особой специальностью считают они земляные работы. И действительно, значительная часть дорог и мостов, рвов и каналов - не только в Буковине, но и в смежных частях Галиции - произведены этого горстью «мужиков-инженеров». В последнее время они ходят на работы и в Бессарабию. Говорят они на чистейшем великорусском языке; живут строго, честно и зажиточно; на людей других народностей и исповеданий смотрят с недоверием, но и вместе с каким-то высокомерным сознанием своего превосходства. В последнее время между ними образовалась партия, желающая возвратиться в Россию, примириться с землей своих предков; но митрополит и его штат очень неблагоприятно относятся к этой мысли, боясь потерять свое «папское» влияние по удалении их из своего белокриницкого Рима. Примирение с этими упрямыми людьми очень подняло бы авторитет России между другими заблудшими её детьми, например липованами в Молдавии и некрасовцами в дунайских плавнях и Добрудже. Известно, что этим турецким теперь русским принадлежат в настоящее время плавни, то есть гирлы Дуная. В 1853-1854 годах они составляли авангарды турецких войск; но теперь я замечал в разговорах с некоторыми из них недовольство своим положением и как бы тоску по родине своих отцов.

Впоследствии в Яссах, Галаце и Бухаресте мне пришлось встретить еще другой вид русского раскола, именно скопцов; но те производят впечатление уже другого рода. Конечно, и они не потеряли русской сметки и находчивости; они трудолюбивы и бережливы, зажиточны и трезвы. Но уродство физическое кладет и на духовную их сторону какое-то темное, злое пятно. На гладком, равнодушном их лице читаешь невольную какую-то затаенную злобу, подавленное страдание и как бы презрение к себе и к людям. В Придунайских

княжествах, вероятно, наберется до 1000 приверженцев этой мрачной секты. Большая их часть занимается извозчичьим промыслом в больших городах. Лучшие рысаки в обеих румынских столицах, самые изящные экипажи, блестящая сбруя принадлежат этим русским скопцам. Мне случалось слышать, что общество румынское потому и смотрит сквозь пальцы на вскрывающиеся по временам безобразия этой секты, что боится потерять несравненных своих кучеров-извозчиков. А кто бывал в Яссах и Бухаресте, тот знает, какую громадную роль играет в жизни этого легкомысленного общества катанье по Corso или шоссе...

Скажу теперь несколько слов об интеллигенции буковинских русских. К сожалению, как и во многих других славянских землях, она далеко не соответствует своему народу - ни по количеству, ни по качеству. Особенно падает этот упрек на русское духовенство Буковины. Других интеллигентных русских сословий здесь и быть не может. Помещики - почти все румыны либо немцы, евреи и армяне. Между чиновниками хотя и есть русские, но они должны соображаться со своими начальниками, преимущественно немцами. Между учителями тоже есть русские, но они должны преподавать либо на немецком, либо на румынском языках и таить свои народные чувства. Духовенство могло бы быть более заботливым о нравственных потребностях своего народа. Нужно вспомнить, что нигде почти в Австрии духовенство не представляется столь обеспеченным материально, как в Буковине. Прежде богатства буковинского духовенства были еще значительнее. Иосиф II, закрыв здесь двадцать один монастырь (из 25), наложил руку и на церковные имущества. Из имуществ этих образован был так называемый *Studien und Religions-Fond*, который в Буковине и в настоящее время представляет до 11 миллионов в капиталах и до 10 миллионов в имениях (особенно леса, составляющие почти половину всех лесов Буковины). Как ни плохо управление этим фондом, все же духовенство буковинское получает с него более 700 000 флоринов. Имея в виду, что сумма эта распределяется на духовно-религиозные потребности народа менее чем в полмиллиона душ, можно понять, что положение православного духовенства Буковины довольно обеспеченное. Лучшим доказательством этого служит нововоздвигаемая в Черновцах резиденция православного епископа, ныне митрополита Буковины и Далмации. Это одно из громаднейших и красивейших, но вместе с тем одно из самых дорогих зданий Австрии. Более миллиона издержано уже из сумм религиозного фонда Буковины на сооружение этого здания, а оно еще далеко не окончено. Странно видеть такую расточительную роскошь в резиденции православного владыки полумиллиона (но с Далмацией все-таки менее миллиона) душ! Уже

одна эта резиденция может служить достаточным указанием как на богатства буковинской церкви, так и на неумение ее пользоваться этим богатством...

Не из одного источника слышал я также о жадности некоторых, другие говорят - очень многих православных священников Буковины. Эта жадность при исправлении треб бывала даже поводом к соращению православных буковинцев в унию, духовенство которой гораздо безупречнее в этом отношении. Что касается развития народного сознания в большинстве русского православного духовенства в Буковине, то недостаточность его видна уже из того, что в его среде чрезвычайно распространено употребление немецкого языка. Это не только дипломатический, но и семейный язык значительной части русского священства Буковины. Нельзя отрицать, что есть и теперь уже несколько дельных и ревностных патриотов в среде как духовной, так и светской интеллигенции русской в Буковине, но это исключения, хотя приятные, но, к сожалению, довольно редкие. В этом отношении даже Галиция гораздо выше Буковины. Есть в Черновцах, правда, клуб «Русская беседа». Прежде было даже две: гражданская и ученическая; потом они слились воедино; но особенного оживления в местную общественную русскую жизнь они не внесли. Отношение интеллигенции румынской к русской (в Буковине) довольно верно можно охарактеризовать размерами основного фонда черновицких «бесед»: румынской, с одной стороны, и русской - с другой. Фонд первой доходил до 50 000 флоринов, а второй - едва до 1500 флоринов.

Что касается влияния, какое может иметь октроированное недавно австрийским министерством иерархическое соединение Буковины с Далмацией, то оно едва ли будет вредно народным интересам славян буковинских или далматинских. Как ни противоестественна эта административная комбинация, она, однако, оказалась более неприятной румынам, чем славянам. Первые предпочли бы союз церковный с любой страной румынской, например Семиградьем и Молдавией, так как мысль о сближении разрозненных частей «великой Дакии» занимает не последнее место в голове румынских патриотов. Естественным же центром тяготения церкви буковинско-русской был бы восток, если бы этому не препятствовали многие обстоятельства внутренние и внешние. Во всяком случае, нельзя отрицать, что природа, и страны, и население приковали Буковину к славянскому востоку еще более, чем к волошскому югу, не говоря уже о задунайской Германии. Сюда, на восток, текут все реки Буковины; сюда направлены все ее торговые пути; сюда стремятся инстинкты населения. Каждое лето масса буковинских горцев спускается в соседнюю Подолию, Бессарабию и далее до Днепра

и Черного моря на заработки. Лишь немногие из русских Буковины ходят в Молдавию.

Во всяком случае, эта небольшая, но интересная область во многих отношениях заслуживает внимания русских ученых. Своими преданиями, своим населением, своими интересами она связана с соседними областями Южной России. От западных центров науки она слишком удалена и в прямом, и в переносном (нравственном) смысле. Оттого она очень мало еще исследована как в физическом, так и в историческом отношении. Существующие описания Буковины⁹ не выходят за пределы кратких популярных очерков, особенно в исторических и археологических своих отделах. История буковинских монастырей исследована отчасти львовским ученым О.А. Петрушевичем; но, к сожалению, лишь незначительный ее отрывок был напечатан в одном исчезнувшем уже теперь черновицком периодическом издании. Очень было бы желательно побудить г. Петрушевича обнародовать продолжение своего труда; он обозрел и архивы буковинских монастырей, вследствие чего труд его должен быть очень важен для истории Южной Руси политической и религиозной, с Приднестровьем и Припрутьем. Мне удалось рассмотреть еще один рукописный труд о Буковине, именно этнографическое описание одной ее части (Бергомет над Прутом и соседние селения), со сборником песен, пословиц и т. д., составленное г. Купчанко и находящееся ныне в распоряжении Киевского отдела Императорского Русского географического общества. Этот сборник включает немало интересных данных, но он обнимает лишь незначительную часть русской Буковины. Здесь я решаюсь высказать убеждение, что в интересах науки русской этнографии, было бы очень желательно, чтобы Русское географическое общество обратило свое внимание на этнографическое изучение и закордонных частей русского племени, то есть на русское население Галиции, Буковины и Восточной Венгрии. Это тем важнее, что значительная, а именно подгорная часть этого населения доныне осталась на довольно патриархальной ступени общественного развития и потому представляет в живом виде много исчезнувших уже везде черт древнерусского быта, нравов, обрядов, поверий и т. д. Немалую в этом отношении услугу оказало русской науке Московское общество истории и древностей изданием сборника народных песен галицких, а отчасти буковинских и венгерско-русских И.Ф. Гловацкого. Но область эта неистощима и неисчерпаема в научном отношении. Между тем в последнее

⁹ Например, *Bendella: Die Bukowina*, 1845; *Bukowina, Heimathskunde Czernowitz*, 1872; *Bukowina, Bericht d., Czernowitzer Handels und Gewerbe Kammer*, 1873; *Simiginowicz-Staufe*, *Bodenplastik der Bukowina*, Kroustadt, 1873.

время, после многих изменений в общественных и народных отношениях австрийских народов (с 1848 года), старые условия быта сильно потрясены даже в самых недоступных культурным влияниям ущельях Карпатских гор. Пути сообщения, школы открыли туда доступ новым элементам, новым идеям: в Галиции преимущественно польским, в Буковине – немецким и румынским, а в Венгрии – мадьярским. Поэтому с каждым днем понемногу гибнет здесь народная русская старина в быте и понятиях, гибнет, следовательно, драгоценный материал для этнографа, археолога и историка. Было бы очень поэтому желательно, чтобы наши этнографические южнорусские экспедиции распространялись по возможности и на подкарпатские области русского племени.

Перехожу теперь к соседней южнорусам и во многом чрезвычайно им родственной народности румынской, или волошской.

Границ строго определенных эта народность не имеет. Правда, что некоторые румынские мечтатели определяют эти границы реками Днестром, Тисой и Дунаем, но на пространстве, обнятом этой линией, живёт несколько миллионов нерумынов, во многих случаях более или менее сплошными массами, как, например, мадьяры в Бихарском, Аразском, Чанадском, Ченградском, Бекешском и т. д. комитатах; сербы в западном Банате, русские в Мармароше, Угочском, Сутмарском, Заболотском комитатах, в Коломыйском округе, Северной Буковине, в низовьях и гирлах Дуная. Даже внутри их собственной территории есть значительные острова инородцев, например острова зикских секляров, затем брашовских, сибинских и быстрицких саксов в Семиградье. Значительную часть городского населения в Молдавии составляют евреи, а в Валахии – болгары. Города же придунайские представляют пеструю смесь всех почти восточных и некоторых западных народов. Стоит пройти по площадям и набережным Галаца, чтобы составить себе понятие о разнокалиберной смеси толкущихся здесь народов. Рядом встречаете вы тут и греческий фес, и турецкий тюбан, и румынскую овчинную шапку, и швабский цилиндр, и еврейскую мыцку. Такое же смешение в языках, в лицах, в нравах.

Румынская народность представляет чрезвычайно любопытное этнографическое явление. Тут повторяется то, что замечается и между евреями: противоречие между языком и бытом, формой и содержанием. Кто назовет еврея немцем, несмотря на все то, что он говорит в семье и в общественных отношениях на немецком как на родном языке? Столько же трудно назвать романцем волоха, хотя говорит он на одном из романских наречий. В самом деле, что общего с западными соплеменниками своими имеет этот волох? Что его роднит с ними: вера ли, общественный ли строй, характер или

быт? Зайдите в его церковь. Правда, теперь вы уже не услышите звуков славянского языка, но увидите еще всюду славянские буквы, ибо и Куза не в состоянии был вытеснить кириллицу из церковного употребления, даже при румынском языке. А если икона подревнее, то непременно вы прочтете на ней славянскую надпись. Взгляните на этот купол, который возвышается над вами, на эти стены, разукрашенные оригинальной живописью, на стиль этих зданий, на характер этой живописи: разве это романский запад? Пройдитесь по любому волошскому городу, конечно, не немецкому только, по улицам Ясс, Галаца, Бухареста, присмотритесь к этому раскидистому простору, к этим то грязным, то пыльным улицам, к постройке этих одноэтажных пёстрых домиков с плоскими крышами: разве это не наш родной привольный, но безалаберный восток, тот же восток, который преследует вас всюду, где живет славянин, грек, турок, волох, мадьяр? Войдете вы в волошскую деревню, посмотрите на эту деревянную «архитектуру», на эти соломенные крыши, присмотритесь к домашней утвари, к их хозяйственным приборам, к узорам их тканей, прислушаетесь к мотивам их песен, приглядитесь к характеру их плясок и сколько найдете во всем этом поразительно сходного со славянским, особенно же с малорусским! Та же поэзия и та же беспечность; то же добродушие и то же отсутствие самообладания; те же величавые приемы и та же неповоротливость в обращении; та же верность своим религиозным преданиям и суеверие столь же невежественное. Даже белые украинские быки с бесконечными рогами также неизбежны в каждом почти волошском селе. Только лицо несколько смуглее, жестикуляция живее, кровь жарче. К торговле и ремеслам волох обнаруживает очень мало склонности. За него это исправляют евреи в Молдавии, болгары в Валахии, а саксы и другие немцы в Семиградье и Венгрии. Волох столь же исключительный земледелец, как малоросс или мадьяр. Лишь в горах он пускается - и то по нужде - в промыслы.

Впрочем, нужно различать - как всюду, так и здесь - волоха-горца и волоха-подолянина. Первые называются там мунтянами; а вторые иногда смешиваются с названием молдаванина. Отношение между ними почти то же, что между гуцулом или верховинцем (в Венгрии) и подолянином русским. Первый несколько грубее, суровее, но и энергичнее; последний мягче, добрее, но и апатичнее. Между первыми есть целое сословие пастухов, знаменитых волошских пастухов, распространивших свое имя и приемы пастушеского дела не только по Карпатским, но отчасти и по Балканским горам. Оттого в разных славянских наречиях и донныне слово «влах» служит почти синонимом пастуха. Не они ли разнесли волошские названия по целому гребню Карпатов до самых Татр, между которыми тоже есть

одна гора Волошин? Центром и исходным местом этих волошских мунтян были, по-видимому, Альпы Семиградские - южные и восточные. Едва ли другому обстоятельству, как не недоступности этих гор, румыны обязаны своим народным спасением. И баски лишь в горах спасли свою народность в круговороте веков и тысячелетий. То же было с кельтами, албанцами, осетинами и др.

К вышеизложенным чертам сходства или этнографического сродства между румынами и славянами можно присоединить еще одну печальную историческую примету. До последнего времени румыны всюду почти и в полном смысле слова были беззащитными общественными париями. Не стану вспоминать здесь вековой неволи турецкой, немало сроднившей румын со славянами общностью страданий. Приведу лишь один факт из истории семиградских румынов. Известно, что они составляют в Семиградье громадное большинство населения в сравнении со всеми другими элементами - мадярским, секлярским и сакским. Тем не менее политический триумvirат семиградских народностей состоял из мадяров, секляров (тоже ветвь мадяров) и саксов! Румынов словно там и не существовало! Но еще тяжелее этого политического рабства было рабство социальное, крепостная зависимость от помещиков, имевших громадное значение как в Семиградье, так и в княжествах, значение, не вполне утраченное и в настоящее время. Правда, что румынские крестьяне эмансипированы и в Австрии (1848 г.), и в княжествах (1864 г.). Но эмансипация эта не освободила их от зависимости. Аристократический элемент слишком силен здесь не только громадными своими богатствами, но и солидарностью интересов, привычкой господствовать, превосходством образования, влиянием на правительство. Нужно при этом вспомнить, что как в Венгрии, так и в княжествах власть находится преимущественно в руках инородцев, в которых, следовательно, румынская народность не может ожидать особенного к себе расположения. Как бы то ни было, румынский народ представляется в настоящее время почти повсеместно расколотым на два очень различных слоя, между которыми мало сродства в быте и в интересах. Верхний класс - боярство, знать, и низший - *misera contribuens plebs*. Большая часть того, что сказано выше о румынах, относится преимущественно к последнему, низшему классу народа. Он же составляет и громадное большинство, может быть, 90 % населения, так как интеллигентный класс вообще здесь очень незначителен. Раскол между двумя классами румынского народа так силен, как, быть может, был в России некогда, при Анне Иоанновне или Петре III. Разница эта немало усиливается и тем обстоятельством, что румынская, то есть между румынами живущая аристократия в значительной части - иностранного происхождения: в Венгрии - мадярского и немецко-

го, а в княжествах - греческого, турецкого, сербского. В Венгрии даже религия разделяет знать от простого народа: первая принадлежит преимущественно к протестантам (мадьяры - кальвинисты, немцы - лютеране) или католикам, а последний исповедует православие. В княжествах этого различия нет; но стремление к нему и здесь начинает пробиваться. С тех пор как между румынской интеллигенцией стал пробиваться романизм, или, лучше сказать, «галломания», появилось кое-где и стремление эмансипироваться от востока и примкнуть к западу в религиозном отношении. Первый удар направлен был на славянский язык в богослужении, второй - на кирилловскую азбуку в гражданской и духовной литературе. Но на этом пока и остановилось дело. Корни румынизма слишком глубоко всосались в почву православия, чтоб одним усилием можно было их вырвать из этой почвы и пересадить на другую. Впрочем, религиозный индифферентизм составляет уже теперь преимущественную религиозную атмосферу, в которой растет и развивается румынская «интеллигенция». Вследствие этого так сочувственно отнеслась она к тому сильному удару, который нанесён румынской церкви князем Кузой через секуляризацию церковных имуществ и упразднение всех почти румынских монастырей в княжествах. Конечно, часть ответственности за это равнодушие общества к интересам своей церкви должна пасть на голову служителей последней, слишком часто забывавших свои обязанности в отношении к своему народу и живших своими интересами, личными и кастовыми. Но, с другой стороны, значительная часть церковных доходов княжеств должна была отсылаться в патриархию и употребляться на цели, часто противоречащие интересам румынской народности. Во всяком случае, общество вправе было требовать от своего правительства, по крайней мере, употребления секуляризованных имуществ на цели религиозно-нравственные. Иосиф II также взял в казну монастырские имущества в Австрии; но он образовал из них *Sudien und Religions Fond*, тогда как в Румынии те имущества поступили в число государственных, употребляются на армию, пути сообщения и т. д., на вещи, конечно, нужные, но очень различные от тех, на какие они пожертвованы завещателями. После этой конфискации церковных имуществ румынское духовенство утратило и остаток своего веса и значения. Боярство не имеет в нем противовеса своим олигархическим стремлениям.

Несмотря на потерю дарового крестьянского труда, румынские бояре находятся все еще в довольно блестящем материальном положении. Доходы в 50 000 или 100 000 червонцев - не редкость между ними. К сожалению, в последнее время между ними стал сильно распространяться вкус к роскоши, к разорительным путешествиям, а вследствие этого они стали входить в долги. Конечно, дол-

ги показывают развитие кредита, но здесь они служат признаком важного общественного переворота - перехода крупного землевладения и капиталов от волошских бояр к немецким спекулянтам, евреям-ростовщикам и греческим торговцам. Что выиграет от этого народ, покажет время.

Вообще современное общественное состояние Румынии не представляется особенно утешительным. Не стану касаться здесь неурядиц политических и плохого состояния румынских финансов (несмотря на все выгоды естественного положения страны, на превосходное качество почвы, обилие водных путей, близость к торговым хлебным рынкам). Не стану распространяться о легкомыслии румынского общества, легкомыслии в отношениях семейных и общественных, о призрачной свободе народа, с благодарностью, но и с грустью вспоминающего о временах графа Киселева, когда господствовал закон и для сильных, и для слабых. Не буду говорить о деморализации политических представителей народа, о их готовности служить под каждым «выгодным» знаменем. Скажу лишь несколько слов о состоянии образования в княжествах.

Несмотря на то, что в крае есть два университета и несколько гимназий, состояние школ в Румынии, по собранным мною сведениям, очень печально. Достаточно привести тот, например, факт, что в городе Галаце с более чем 70 000 населения существует лишь 4-классная гимназия. Кто ищет для своих детей серьезного образования, посылает их в немецкие гимназии в Брашево, Сибин или Черновцы. Аристократия воспитывает детей в разных заграничных заведениях. Лучшие профессора княжеств - те, которые вызваны из Семиградья и Буковины. Любви к литературному и ученому труду заметно еще мало. Книжные магазины Ясс, Бухареста и т. д. наполнены произведениями французской литературы. Замечательно это одностороннее пристрастие румынского общества к Франции! Немецкий и английский языки и книги здесь еще мало распространены и не популярны. По-видимому, немало содействовал этому Наполеон III, его слава, обаяние его имени, его влияние, господствовавшее здесь особенно с 1856 года; Куза немало потрудился в этом направлении. Русский язык мало кому известен в княжествах; русская книга - величайшая тут редкость. И однако все симпатии народных масс румынских, все ее надежды еще в большей мере устремлены на Россию, чем симпатии интеллигенции - на Францию. Немецкая же наука и политика пользуются здесь самым слабым влиянием и на интеллигентное общество, и на массы. Судя по всему этому, русская литература, русский язык имеют там будущность, но настоящее почти безраздельно принадлежат французскому языку и литературе.

Собственно румынская литература чрезвычайно еще бедна и скудна. Сам язык литературный еще не установился, и правописание не определилось окончательно. По количеству и качеству своих произведений румынская литература не может сравняться и с сербской, не говоря о чешской, польской или русской. Любимейшую область изучения, конечно, и здесь составляют отечественная история и древности. Со времени Кантемира уже кое-что сделано¹⁰, хотя, к сожалению, много вредит румынским историкам какое-то пренебрежение их к славянским языкам и к истории соседних славянских народов, с которой румынская история переплетена самым неразрывным образом. Историк румынов и мадьяр должен быть славистом, а славист принуждён включить Румынию и Венгрию в круг своего изучения, если хочет понять историю славян, соседних с этими странами и отчасти и их населяющих. Большое преимущество перед своими товарищами имеет в этом отношении новейший историограф Румынии г. Хаждев (Hasdeu). Уроженец Бессарабии и воспитанник Харьковского университета, он имел возможность изучить русский язык и обратить внимание на другие славянские наречия. Ему обязана славистика изданием многих важных кирилловских исторических памятников, касающихся истории придунайских стран в его «Archiva istorico a Romanici» (Бухарест, 5 выпусков). Но обширнейший и важнейший труд г. Хаждева составляет его «Istoria critica a Romanilor», которой 1-й том вышел в прошлом году в Бухаресте. План этого сочинения, обнимающего внутреннюю и внешнюю историю всех областей древней Дакии (область между Днестром, Тисой и Дунаем), задуман очень широко, может быть, слишком широко. Автор предполагает поочередно рассмотреть территориальную, политическую, религиозную, общественную, экономическую, литературную и другие стороны румынской истории, что должно составить содержание 20 или 30 больших томов. Первый том (4⁰) обнимает территориальную историю румынов с древнейших времен. Нет сомнения, что автору удалось разрешить немало темных вопросов из географии древней и новой Дакии, и очень желательно, чтобы наши слависты обратили внимание на этот труд. Я имел возможность лишь бегло перелистывать это сочинение и потому воздерживаюсь от критики, хотя не могу умолчать, что мне показались неуместными многочисленные экскурсии автора в область исторической методологии и философии, которые лишь затрудняют и автора, и читателя, а несколько не относятся к специальному

¹⁰ Kogălniceanu M. Cronicile Romaniei. 2-е изд. București, 1872; Carra. Istoria Mold. și Valach. București, 1857; Laurianu. Istoria Romanilor. 4-е изд., 1863; Latino. Istoria generala a Daciei. București, 1872.

предмету его исследования. Г. Хаждев редактирует еще румынский ежемесячник по части истории и критики «Троянова колонна», не лишенный интереса и для славистов.

Лучший топографический обзор княжеств составлен г. Фрунелеску (Dictionaru topograficu Zi Statisticu alu Romanici, 1872). Самый значительный сборник народных румынских песен составлен известным румынским поэтом Александри¹¹. Есть еще сборники Помпилиу (Balade populare Romane. Jassi, 1870), Wartha (Dorulu. Бухарест, 1873) и др.

Из работ еще не напечатанных упомяну об обширной истории Молдавии, составляемой г. Гармазаки в Черновцах. Архимандрит Августин в Яссах показывал мне румынскую рукопись составленной им «Истории молдавских монастырей Няцца и Секула» на основании рукописей монастырских архивов. Я просил отца Августина предоставить эту рукопись в русском переводе какому-нибудь из русских ученых обществ или изданий, так как в княжествах не представляется удобным издать это сочинение. Автор согласился на мою просьбу, но исполнил ли он ее, мне неизвестно. Сочинение это любопытно потому, что Нямецкий монастырь играл очень важную роль в истории молдавской церкви. Еще несколько лет тому назад там было до 800 человек братии, из коих до 100 было русских, большую часть образованных людей¹². Но с тех пор, как против славянского языка воздвигнуто гонение в румынской церкви, большая часть братий Нямецкого монастыря из славян разошлась. Хотя монастырь этот и поныне не закрыт, но потерял свое прежнее значение.

Существует еще один труд по истории румынских монастырей и церковных имуществ¹³; он составлен секретарем русского консульства в Галаце г. Елисицыным; автор отдал его в мое распоряжение, и я надеюсь со временем сделать этот труд доступным для ученой публики.

Из ученых хранилищ Румынии особенного внимания заслуживает Бухарестский центральный архив. В нем находится значительное количество и славянских рукописей. Часть их издана г. Хаждевым в вышеупомянутом его «Архиве». Остальное ждет еще исследователей и издателей.

---

¹¹ Poezii populare ale Românilor, 1866.

¹² По рассказам одного из бывших братий этого монастыря.

¹³ Об этом предмете есть сочинение румынское: *Bolliac. Mănăstirile din România*. București, 1862; но, писанное по заказу правительства, оно слишком тенденциозно и односторонне.

Публичный музей бухарестский не особенно еще богат, но любопытна частная археологическая коллекция майора Папазоглу¹⁴, в которой находится много римских древностей Дакии. Кроме того, есть в этом музее и греческие, турецкие, славянские древности - грамоты, иконы, утварь и т. д. Вообще, коллекция эта очень интересна и довольно значительна; если бы она была продана в Россию, чего очень желает владелец, то была бы хорошим дополнением к собираемым в наших музеях древностям Таврического полуострова и Черноморского побережья.

От княжеств перехожу к румынам Семиградья и Венгрии; впрочем, по этому поводу немного остается прибавить к сказанному уже выше о румынской народности. Замечательно лишь то, что румыны являются в этих областях представителями населения почти исключительно горного, в такой же мере, как словаки в Верхней Венгрии или, например, немцы в Чехии. Каждая более обширная и плодородная долина занята здесь саксами либо мадьярами. С последними побегамы Семиградских гор на запад и северо-запад оканчиваются и последние румынские селения. Произошло ли это от позднего сравнительно появления и распространения здесь румынов или от несчастий их прошлого, от несправедливости к ним соседей и пришельцев - поработителей, не станем теперь разбирать. Упомянем лишь, что естественным и понятным последствием этого обстоятельства была и есть бедность румынов семиградских, в сравнении с зажиточными саксами и мадьярами. А рядом с бедностью шла беспомощность и преследования - политические, религиозные, народные. Румынское племя дало Венгрии несколько знаменитых имен (Гуниад, М. Корвин), но само мало извлекло пользы из их исторической деятельности. Стоит проехать несколько соседних деревень румынских, с одной стороны, и мадьярских или немецких - с другой, взглянуть на деревянные лачужки и бедные деревянные же православные церкви первых - и просторные и чистые каменные дома и каменные же белые церкви (лютеранские, кальвинистские и католические), с высокими башнями последних, чтобы сразу заметить различие экономического их положения. Румынское население и здесь является со всеми «атрибутами» славянства - бедностью, подавленностью, каким-то парием в среде других народов! Вековое давление сломало здесь отчасти прославленное упрямство румынов в православии: часть их приняла уже унию.

В последнее время и в среду австрийских румынов семиградских и венгерских начинает проникать идея народного самосознания. 1818 год и для них в этом отношении был знаменательным. Впер-

¹⁴ См. брошюру: Muzeul Papazoglu. București, 1865.

вые восстали они тогда на своих притеснителей и видели унижение мадьяр на сцене истории международной. С тех пор мадьярам не удастся уже усыпить пробудившееся и развивающееся народное сознание румынов. Конечно, оно не приняло еще широких размеров, не достигло самоуверенности и смелости; но рано или поздно оно должно будет завоевать себе признание и уважение.

Что касается литературы семиградской, то всего более сделано в этом отношении немцами, которые имеют в Сибине общество истории и древностей и немало уже сделали для археологического и этнографического изучения края. Особенно много потрудился для этого Шуллер¹⁵. Нельзя удивляться тому, что немецкие ученые довольно односторонне дают предпочтение в Семиграде своей народности, то есть саксам, и почти игнорируют румынов. Из среды же последних до настоящего времени мало еще выходило самостоятельных исследователей. Во главе их должен быть поставлен бывший митрополит семиградских румынов Шагуна. Из иностранцев стоит упоминания, кроме почтенного немца Ресслера, еще англичанин Бонер, издавший довольно обстоятельное описание природы и населения Семиграда.

Не менее румынов важную роль в славянской истории и политике играл и играет другой тоже неславянский народ - мадьяры. Судя по той роли, какую он теперь играет в Австрии, можно бы подумать, что это очень многочисленный народ. Между тем, по достоверным статистическим данным, число мадьяр едва превышает число словаков и уступает в численности народностям чешской, сербской, болгарской, польской, румынской. Территория, на которой он живет в более или менее сплошных массах, довольно верно определяется следующими пограничными городами: Пожун (Пресбург), Пешт, Мешковец (Miszkolez), Дебрецин, В. Арад, Сегедин, Печуг (Fünfkirchen), В. Канижа и Каменец (Steinamanger). Естественным центром этой мадьярской территории представляется г. Кечкемет. Вне этой пограничной черты остаются лишь два более значительных острова: один на севере от Пешта, на территории словацкой, на склонах гор Черхата и Матры; а другой на юге, на территории румынской, на западных склонах гор семиградско-молдавских. Первые известны под именем половцев (Palausen), а вторые - секлеров, или сейкелев. Как те, так и другие довольно отличны от мадьяр и по языку, и по

---

¹⁵ См. также: *Bieltz*. Handbuch der Heimathskunde v. Siebenbürgen, 1857. Hermanstadt; *Söllner*, Statistik v. Siebenburgen, 1818; *Salzer*, Reisebilder in Siebenburgen, 1860; *Schuster*. Siebenbürgisch-Sächsische Volkslieder, 1865; *Frank*. Siebenbürgens hervorragende Bestimmung als Industrie. Land, 1868; *Obermüller*. Die Herkunft der Stekler, 1872.

условиям быта. Мадыар из пушты с трудом уже понимает половца. Язык секлеров тоже довольно отличен от мадыарского собственно, или литературного языка. Что же касается куманов (Kunen) и языгов, (Iasen), живущих в пуште, то они считаются чистейшими представителями мадыаризма. В других частях Венгрии мадыары являются уже сильно перемешанными с инородцами: на севере - со словаками, на востоке - с русскими и румынами, на юге - с сербами, на западе - с немцами и т. д. Вне вышеозначенной пограничной черты они являются уже в меньшинстве более или менее значительном. Есть, как мы видели, мадыарские (секлерские) поселения и в Буковине, есть несколько сел и в Молдавии, имеющих особый выговор (з, ц, с вместо ж, ч, ш, как у мазуров). Но эти дробные осколки племени не имеют значения. Не нужно затем забывать, что по всей Венгрии, может быть, найдется не более двух-трех жупаний, где мадыары живут не смешанно с другими народностями. Во всех же других жупаниях они перемешаны страшным образом со славянами, румынами и немцами. Что касается городского населения Венгрии, то в составе его находится самый ничтожный процент мадыар, например в Пеште, Пожуне, Кошицах, Шопроне (Оденбурге). Собственно же мадыарские города, как, например, Дебрецин, Солнок, Кечкемет и др., называются городами лишь по недоразумению, это не более как большие села.

Мадыары занимают почти так же исключительно долины и равнины, как семиградские румыны - холмы и горы. В самом деле границы мадыар и румынов странным образом вполне почти совпадают с орографическими очертаниями страны. То же почти относится к границам между землями мадыар и словинов. Даже за Дунаем мадыары сидят преимущественно в равнинах, а в горах - уже немцы. Мы не хотим сказать, чтобы все пространство обеих среднедунайских низменностей было занято мадыарами, а только утверждаем, что громадное большинство, может быть, до 80 % мадыар живет в равнинах, в низменностях. Исключение более значительное составляют вышеупомянутые половцы на севере и секлеры на юге. Но они не представляют уже столь чистого мадыарского типа.

Из того обстоятельства, что масса мадыар занимает равнины и притом очень плодородные, естественно проистекает земледельческий характер этого народа и его зажиточность. Мадыар почти в такой же мере может быть назван земледельцем, как и румын придунайский, малоросс или болгарин. Даже громадные белые волы с большими рогами южнорусских степей и молдо-валашской низменности представляются нераздельным спутником мадыара в его пущах. Усвоив себе, таким образом, земледельческие инстинкты своих славянских и румынских соседей, мадыар принял от них и много

других бытовых условий, много первобытной поэзии, патриархальной простоты и даже добродушия под маской грубости и холодности. Дикие же инстинкты старой природы с большей силой уцелели лишь в пастушеской части народа. Быть может, они и тут давно бы замерли, если бы тысячелетняя история этого народа не представляла непрерывной почти смены войн сначала наступательных, потом оборонительных и снова наступательных - войн, поддерживавших в народе жажду крови и хищнические инстинкты. Приютом для этих хищников были степи Потисья и Подунавья, Баконский лес, горы Семиградья и т. д.

Мадыарские мужики совсем не питают той злобы к другим, особенно славянским народам, как их нетерпимая интеллигенция. Напротив того, они легко с ними братаются и с большим недоверием относятся к немцу, чем к славянину. В этом случае мадыарская интеллигенция столь же мало представляет чувства и интересы своих масс, как, например, польская шляхетская интеллигенция. Конечно, имея в своих руках кафедры церквей и школ, весь авторитет власти и всю энергию фанатизма, возможно привить новому поколению народа такие чувства и понятия, какие чужды были его отцам и дедом. В последние десятки лет мадыары немало преуспели в этой проповеди вражды к людям и суеверного самомнения. Но все-таки и теперь еще главный фундамент мадыаризма, его чаяний и стремлений его бреда и фантазий заключается не в народе, а в сословии, в шляхте - совершенно так же, как и в Польше. Вообще прошлое и настоящее этих двух стран и народностей - Польши и Венгрии, поляков и мадыар - представляет много поразительных аналогий: то же разделение сословий, тот же фанатизм вероисповедный и народный, то же самовольство буйной и воинственной шляхты, слабость центральной власти, подавленность народных масс. Роднит мадыар с поляками и какая-то политическая близорукость, страшное легкомыслие и отсутствие серьезности в мыслях и деятельности. Истый, типический мадыар (шляхтич) всюду вносит с собой какие-то наезднические приемы: гусаром-наездником является он в армии, в политике, в администрации, в общественных отношениях, в науке и литературе; ничего не представляется ему неприступным, недостижимым; но если несколько бешеных приступов к чужой крепости отбито, то мадыар не предпримет правильной и продолжительной осады. Безумная храбрость и малодушное отчаяние как-то странно соседят в типе мадыара. Это обнаружилось и в событиях 1848 и 1849 годов.

Что касается физического типа мадыар, то в нем столь же мало уже можно теперь найти финского, как в остальных - тюркского. Они насквозь пропитаны элементом славянским, отчасти румынским и

немецким. Особенно относится это к аристократии – так называемой ныне «мадьярской», а прежде «венгерской», которая составила из народных ренегатов всевозможных народностей. Несколько десятилетий перед этим три четверти мадьярской аристократии и не понимали мадьярского языка. Официальным языком был тогда латинский, общественным – французский или немецкий, а семейным – очень часто славянский. Особенно словенский язык сильно был, да остается и теперь, распространенным между венгерскими аристократами, потому что главная сила венгерского аристократизма, особенно в прежнее время, сосредоточена была в Верхней Венгрии, то есть, на Словакине. Отсюда произошли Ердели, Палидеи, Кароли и другие фамилии. В турецкие времена богатые люди и не смели спускаться в долины. Другим центром венгерского магнатства была Хорватия, опять-таки славянская страна; третьим, наконец, Семиградье, где славянский элемент прежде был гораздо сильнее, тем более что к Семиградью принадлежали тогда горные части Потисья, например Мармарош, Сутмар. К тому же в XVI и XVII веках Семиградье при независимых своих князьях Заполье, Баториях, Бочкае, Гаврииле, Ботлене, Текели, при Раковских (Rakovszky) находилось в непрерывной почти связи с Верхней Венгрией, населенной словаками и русскими.

Нельзя поэтому отрицать, что многими своими традициями магнатство венгерское связано со славянами. Да и теперь еще в среде венгерских аристократов тайное знание славянского языка довольно распространено. К сожалению, они мало пользуются этим знанием для усвоения себе сокровищ славянских литератур. То же должно сказать и об огромном большинстве мадьярской средней и низшей шляхты: по крайней мере 80 % оной обладают знанием одного из славянских языков, но очень многие скрывают это компрометирующее в политическом отношении обстоятельство, и никто не интересуется славянскими литературами, из коих по крайней мере русская могла бы, кажется, достаточно вознаградить их за знание славянского языка. Отворачиваясь, таким образом, от всего, что напоминает славянство, они вступают в бесплодную борьбу с самими собой, со своими народными преданьями, своей кровью, своей физической и нравственной природой. В самом деле не нужно даже читать историю мадьяр, историю их прихода в долину Среднего Дуная и 1000-летнего там сожительства, большею частью мирного, со славянами, не нужно рыться в летописях – стоит лишь взглянуть на мадьяра, на его деревню, его дом, обстановку, нравы и обычаи, чтобы убедиться, что он почти в такой же мере, как и румын, насквозь пропитан славянскими стихиями. Даже мадьярский танец чардаш есть ни дать ни взять славянская коломыйка; их костюм – аттила,

их гусарские штаны, их высокие ботфорты - все это словенское или хорватское и уж никак не гуннское или угро-финское наследие. Мотивы их музыки, их песен напоминают либо славянские, либо румынские. Правда, и запад европейский оказал на них свое влияние; но оно отразилось более на поверхности народной жизни, на высших слоях народа, на интеллигенции и городском населении. В деревнях только высокая готическая колокольня напоминает запад, но и ее вид достаточно парализуется несколькими окружающими ее оригинальными славянскими колодцами («журавли») в виде громадных весов, на одном рычаге которых висит камень, а на другом - ведро с водой. Правда, что религия у большинства мадьяр западная, а не восточная. Но есть и православные мадьяры, очень твердо придерживающиеся своей «старой веры», каким именем вообще называется православие в Венгрии. Я имею в виду несколько православных мадьярских селений на так называемом потисском «пиру» (березняке), за Дебрецином, Дорога, Бесермени и т. д. Эти дорожские мадьяры очень твердо держатся православного богослужения, даже донныне на славянском языке. Называют они себя *Orosz ember* (русский человек), хотя не говорят по-русски и даже не понимают этого языка. Таких православных мадьяр есть там несколько десятков тысяч. Трудно сказать, древние ли это мадьяры или омадьяренные впоследствии русские или сербы (так как и сербские колонии гайдуцкие находились здесь некогда). Но, во всяком случае, это доказывает непримиримость православия с мадьяризмом. Некогда, в X-XI веках, православие, как известно, господствовало во всей Венгрии и Семиградье. Еще в XIII веке Иннокентий III жаловался на многочисленность в Венгрии монастырей православных и на малочисленность латинских. На народном гербе Венгрии поныне красуется шестиконечный крест. Непрочность же католицизма в мадьярском народе, несмотря на все усилия католического духовенства и на громадное влияние богатого и образованного латинского клира, обнаружилась в XVI веке, когда в одно поколение вся почти Венгрия совратилась в протестантизм. Известно, какие меры употребляли потом Габсбурги (особенно Леопольд) для восстановления в Венгрии католичества. Однако это и поныне еще не удалось. Хотя в Венгрии католики имеют большинство, но между мадьярами народным вероисповеданием считается кальвинизм, а не католичество, и Дебрецин, а не Остригом считается теперь мадьярским Римом. И знаменательно то, что не лютеранство, а кальвинизм привился к мадьярскому народу; то же заметно в Чехии, где между славянами почти нет лютеран, а есть кальвинисты.

Из сказанного можно уже отчасти видеть, в какой значительной степени сроднилось мадьярство со славянством, и как много сход-

ного между ними в преданиях, в быте, в учреждениях, в характере и нравах. Однако последние поколения мадьярской интеллигенции по какому-то странному и роковому заблуждению решились эмансипировать мадьярство от славянства; мало того - решились поставить их во враждебные отношения, принести, наконец, славянство в жертву мадьяризму, или правильнее - германизму. Начали они эту Сизифову работу с такой энергией и фанатизмом, повели ее с такой безразборчивостью и беззастенчивостью, какие напоминают политику Польского государства во второй половине прошлого века. Из мадьяризма они создали себе какого-то золотого тельца, в жертву которому решились принести все: свободу народов, их благосостояние и образование, честь лица и святыню семьи... Для омадьярения всех венгров они считают все позволительным. Как некогда римляне говорили: *fiat justitia, pereat mundus*, так теперь мадьяры: *vivat Madjarismus, pereant ustitia, mundus*. Всякая законодательная мера, касается ли она судов или администрации школ или церквей, науки или искусства, путей сообщения или филантропических учреждений, - все оценивается прежде всего с точки зрения мадьяризма. И ничто не могло задержать их на этом пути, пока гром, не грянул над их головой в виде угрожающего банкротства. Дай Бог, чтобы последовало благодетельное отрезвление, потому что тот путь неминуемо довел бы не одних мадьяр, а всю Венгрию к тому, к чему доведены были сто лет тому назад подобным же своеволием шляхты государство и народность польская.

Такое положение вещей слишком резко бьет в глаза каждому путешественнику в Венгрии. Некоторое знакомство с этими обстоятельствами необходимо и для понимания литературных отношений венгерских народов, особенно же мадьяр, русских, сербов и словаков. Немцев не упоминаю я здесь потому, что хотя число их в Венгрии довольно значительно и влияние сильно, но это влияние обращено более на торговлю и промышленность, чем на литературу и политику. Немцы и евреи предоставили мадьярам философствовать и разглагольствовать на комитатских и городских собраниях, на сейме и т. д., а сами позаботились прибрать в это время в свои руки все более выгодные статьи экономической деятельности, овладели народными капиталами, сделали большую часть мадьярской знати и интеллигенции своими должниками и, таким образом, стали фактическими господами страны. Мадьяры же распространяют свой язык среди словаков и венгерских русских в Банате и Семиградье, мадьярят славян, немцев и румынов. Что же дают они прозелитам своим взамен оставленного, кроме синекур, денег, власти? Чем питают они их духовную жажду? К счастью мадьяр, эта жажда не оказывается у прозелитов столь отвлеченной: они могут утолить ее

и хорошим токайским или флавским! Остальное удовлетворяется политическими брошюрами да романами Этвеша, Токая и др. Академия наук издает, правда, и серьезные книги¹⁶, Историческое общество также описывает некоторые архивы, разбирает старину. Но кто станет это читать между мадьярами, кроме самих же пишущих! По недостатку читателей серьезных книг и пишется очень мало. Да и кто их пишет? Те же немцы, словаки, евреи: Гунфальви, Будеяц, Шупала, Вамбери и пр.

Контроль общественного мнения над произведениями мадьярской науки и литературы не идет далее наблюдения за направлением, то есть охранения чести своих признанных героев, достоверности своих привилегированных исторических источников (как Аноним короля Белы) и подавления всего, что пахнет в мадьярской истории и быте славянством. Вследствие такого «общественного контроля» почти все, что пишется в Венгрии из области отношений международных, запечатлено характером страшной односторонности, тенденциозности. И тут нет исключения. Возникла эта тенденциозность, особенно между венгерскими историками, уже давно; от нее не свободны и старые историки, как, например, Прай, Бель, Катона, Фейер. Но чем новее сочинение, тем эта струя сильнее и глубже. В исторических работах Хорвата, Толди, Феслера, Сопая эта тенденциозность доходит до крайних пределов. Где нет извращения фактов, является умышленное их опущение. Поэтому славянским историкам приходится совершенно заново строить всю венгерскую историю, так как выстроенная мадьярами не имеет фундамента.

Содержание венгерских архивов еще очень мало известно, особенно то, что там хранится из писанного на славянских языках или касающегося до участия славян в венгерской истории. Все это умышленно игнорируется исследователями мадьярскими; поэтому было бы в высшей степени желательно, чтобы русские ученые обратили внимание на венгерские архивы, так как для местных славянских ученых они очень труднодоступны, а часто и совсем недоступны. Особенно заслуживали бы внимания после государственного архива Венского (Hof-und Staatsarchiv) еще земский (landesarchiv) и кафедральный (Министерства финансов) архивы Пештские, из которых в первом заключаются документы для внутренней административной, а во втором - для финансовой истории Венгрии. Затем для истории Верхней Венгрии (словацкой и русской) должны быть важные документы в монастырских архивах Лелешском (в Землинском комитате) и Ясовском (в Абауйском комитате), где были так называ-

---

¹⁶ Например, Monumenta Hungariae historica. Вышло уже 45 томов под редакцией Венцеля.

емые locus credibilis для Северо-Восточной Венгрии. Много материала должно скрываться также в архивах городских, епископских (например, в Унгваре, Банской Быстрице) и частных фамильных¹⁷. Для археологического изучения Венгрии важен центральный музей в Пеште, основанный графом Сечени и хранящий много древностей, особенно из Верхней Венгрии¹⁸. К сожалению, и тут старина славянская отодвинута на задний план.

В этнографическом отношении много данных о населении Венгрии, особенно за последние века, собрано в известном труде Чернига «Австрийская этнография». Мадыарские ученые не занимаются своей этнографией, считая эту науку противной их культурному призванию и их политическим интересам. Они боятся, например, точной этнографической переписи народа, боятся своей «тени». Этнография и потому уже не пользуется особенной любовью мадыар, что эта наука, имея предметом народный быт, переносит центр народности из интеллигентных сословий в простые массы. Быть может, мадыарские ученые и сами сомневаются в том, чтобы, изучив оригинальные основы мадыарского народного духа и быта, им удалось открыть там достаточно мотивов для выработки из них самостоятельной мадыарской культуры, равнозначительной другим великим культурным типам: романскому, германскому, англосаксонскому, славянскому. Не имея же у себя перед глазами и под ногами твердой и вместе с тем новой идеальной основы, они принуждены копировать чужие более или менее устарелые образцы, переводить немецкие оригиналы на мадыарские.

Но довольно о мадыарах. Скажу теперь несколько слов о тех славянских народах, на которые преимущественно обращены их стремления к мадыаризации, именно о венгерских русских и словаках.

Венгерские русские, или русняки замечательны не столько по своей численности (около полумиллиона), сколько по территории, которую они занимают, и по своим этнографическим особенностям. В большей или меньшей частоте и плотности они населяют весь венгерский склон Центральных Карпат, от истоков Попрада и Вага до истоков Тисы. Западная граница, отделяющая их от словаков в собственном смысле, определяется приблизительно так: водораздел Попрада и Вага - западная граница Спишской жупании; в Гемерской граница идет мимо сел Вернар, Телгарт, Шумяц; далее по горам,

---

¹⁷ Например, в Мукачеве, архив графа Шенберна, очень важный для истории венгерских русских.

¹⁸ Cp. *Ronier*. Illustrierte Führer in die Munz- und Alterthunisabtheilung des hungarischen National Musennis. Budapest, 1873.

мимо Рожнавы до г. Мешковца и р. Тисы¹⁹. Следовательно, линия эта почти совпадает с рр. Шаявой (Sajo) и Тисой. Выше г. Гушта граница идет по горам, отделяющим Мармарош от Сутмарской жупании. Крайний юго-восточный пункт почти совпадает с политической границей Венгрии и Семиградья. Более или менее значительные острова русского населения находятся далеко в «Ниру». Например, в селе Бесермени и донине должно быть до $1\frac{1}{2}$ тысячи душ, говорящих по-русски. Много есть и других отдельных селений русских в Заболотской (Szaboles) и Сутмарской жупаниях, до самого почти Дебрецина, где тоже есть несколько сот русских, и который представляет население из трех племен: русского, волошского и мадьярского.

Таким образом, русская народность в Венгрии обнимает приблизительно следующие жупании: Мармарош, Угочу, Берег, Уж (Ужгород), Землин, Шариш, Спиш, Абауйвар, Торну и части Гемерского, Боршодского, Заболотского и Сутмарского комитатов. Были некогда русские поселения и гораздо далее, именно в Новоградском комитате, и даже по ту сторону Дуная (Oroszvar), но от них ничего теперь не осталось, кроме названий деревень и урочищ. Подобно Галицкой, территория венгерских русских, или, лучше сказать, Закарпатской Руси разделяется тоже на Верховину и Подолье, часть которого за Тисой зовется здесь Ниром (березняк?). Впрочем, и самая Верховина должна быть здесь подразделена на две части: первая - юго-восточная, или группа Черной Горы (между Коломыйщиной и Мармарошем), у истоков Тисы, до Талабора и Ломницы; далее на севере и северо-западе горный хребет все понижается и в Землинском, Шаришском, Спише представляет уже гораздо меньшие высоты и лучшие переходы. Этот двоякий характер закарпатской Верховины отразился и на ее населении. Юго-восточную, меньшую ее часть (Черногорскую) занимают лишаки, которые по типу, языку и обстановке быта очень мало разнятся от коломыйских и буковинских горцев и гуцулов. Затем, за р. Талабором на севере и северо-западе, живут уже лемки, или лемаки, которые тянутся до самого Попрада. Они соответствуют по своему положению, а отчасти и типу галицким бойкам. Таким образом, лишаки занимают собственно лишь Мармарош да часть Угочской жупании: все остальное, то есть $\frac{3}{4}$ русской закарпатской территории, занято лемками. Юго-западная часть лемков (около Шаришского Потока, Уйгеля и т. п.) носит еще частное прозвище сотаков.

---

¹⁹ Я сам не имел возможности объехать всю эту линию. Обозначаю же ее на основании указаний известного знатока народных отношений Венгрии А.И. Добрянского.

По типу и быту лишаки, подобно гуцулам, обнаруживают в себе немалую примесь волошской крови. Это как бы составная еще часть этого мунтянского населения, о котором говорено выше. Связь же гуцулов коломыйско-буковинских и мармарошских самая тесная и непрерывная. Дорога, связывающая Сигот с Коломыей²⁰, два главных крайних пункта Гуцульщины, непрерывно кишит подводами с той и другой стороны. Ярмарки коломыйские посещаются мармарошцами и наоборот. На мармарошские «полонины» (альпийские пастбища у польских горалей – *hali* или *holi*) гоняют свои стада югасы коломыйские, конечно, по взаимному соглашению. При этом западная, венгерская сторона гуцульской Черной Горы считается лучшей, богатейшей, «образованнейшей». Сигот считается более цивилизованным городом, чем Коломыя или Куты. В первом можно купить хороший пояс, пряжку, шляпу, а в последних – лишь кукурузу да пшеницу. Гуцулы галицкие ходят иногда на заработки в Венгрию, но не наоборот. То же замечается и в Землинском комитате. Русняки венгерские считаются и тут как бы более благородной расой, чем их галицкие соседи. Последние считают большой честью выдать свою дочку замуж в Венгрию, по ту сторону гор. И чем далее к западу, тем народ считается образованнее. Впрочем, последнее не относится к мадьярам, а к словакам. Например, в Берегском или Землинском комитатах в разговоре с барином крестьянин любит вернуть словенское словечко, чтобы показать, что и он-де не совсем уж прост и невежествен.

Словенский язык (то есть язык словаков) считается здесь почти такой же принадлежностью образования, как в Галиции польский. При таком взгляде на язык и при непрерывных сношениях русняков, особенно лемков, со словаками нечего удивляться, что язык первых значительно пропитан словенизмами. Это заметно уже в Гуште, отчасти даже в Сиготе (*най ся пачит*, то есть пожалуйста; *айно* = да; *вшитко* = все и т. д.). С Землинского же католичества и до Спиша эта примесь словенизмов в словах, оборотах, даже формах является уже столь сильной, что во многих случаях вы должны назвать этот русский язык уже ословенившимся. Лишь православная вера хранит еще в этих местах память русского имени, след русской народности. В тех же селениях, где заведен католицизм, а имя русское исчезло, народ по наставлению ксендзов зовет себя словаками или просто католиками, то есть нерусскими.

Вообще, должно заметить, что русская народность считается в Венгрии самой последней и как бы позорной. Как ни свысока смотрит мадьяр на словака, и как ни презирает он его и ненавидит, од-

---

²⁰ Через с. Ясины.

нако, когда придется выбирать даже между словаком и русским, то мадьяр нимало не задумается подать руку первому. Поэтому мадьяры желали бы всех русняков обратить если уж не в мадьяр, то по крайности в словаков. Все-таки словаки – католики либо протестанты; все-таки они не носят и такого грозного имени, как эти русские!

Грозны для мадьяр эти русские не только своим именем, но и важностью той территории, какую они занимают. В их руках находятся все проходы через Карпаты от Татр до Кирли-Бабы. Они господствуют над всей Северо-Восточной Венгрией. Значение этой территории и в древнее время видно из многих здешних замков, игравших значительную роль в венгерской истории. Начиная от Сигота, тянется целая сеть таких замков; Сигот, Вышков, Гушт, Кирали-Газа, Мукачев, Середня, Унгвар, Сборов, Капушанский замок, Шариш и т. д. Целью их было, с одной стороны, охранять проходы через Карпаты, а с другой - господствовать над соседней низменностью, над течением многочисленных выбегающих из русской территории рек.

И какой-то дивный исторический инстинкт словно приковал горсть русского племени к этим бедным, хотя прекрасным горам. Долина манит их всеми обаяниями богатства и довольства, но русняк сидит в своей глуши, как бы не доверяя этому подолью, как бы не любя его! Правда, летом он спускается в дол на работы, сплавляет туда лес, жнет пшеницу и кукурузу, косит сено, собирает виноград - и возвращается назад в свои родные горы. Да и тогда русняк не отваживается проникать далеко в пушту: мармарошец доходит до Дебрецина, Землинец, до Токая и Мешковца, далее же предоставляется поле словакам или волохам. Да и может ли однообразная, знойная, часто безводная и всегда почти безлесная пушта заменить русняку его привольные прохладные горы с здоровым ветром, ключевой водой и темными лесами?

Мадьяр, напротив того, очень неохотно поселяется в горах. Прежде было много мадьярских поселений в Шаришской жупании, но теперь и след их исчез. Лишь большая грубость и буйство некоторых шаришских русняков заставляют в них предполагать обрусевших мадьяр. Правда, вы очень часто услышите мадьярский язык и в Сиготе, и в Гуште, и в Мукачеве, и в Унгваре: но это ведь орган администрации, судов, школ и интеллигенции! Притом же и эти мадьяры не более как ренегаты русской народности или даже печальные ее жертвы! Как удивился я, услышав на торжественном собрании русского общества Василия Великого (в Унгваре) большую часть прений и речей на мадьярском языке! А между тем главное содержание этих речей составляла оппозиция против наклонной к мадьярам политики нынешнего мукачевского епископа Панковича. Но виновата ли эта интеллигенция русского народа в Венгрии, что все свое

образование она принуждена была получать на мадьярском языке? Виноваты ли эти люди, что не имеют ни одной русской гимназии - ни мужской, ни женской и потому должны в своем собственном центре, в Унгваре, учиться по-мадьярски? С другой стороны, имеют ли они возможность дополнить домашним образованием эти недостатки своих школ? Вся их местная литература состоит из одной газетки (прежде «Свет», «Сова», затем «Новый Свет», а теперь «Карпат») да нескольких брошюр²¹. Книги русские из России считаются здесь самой опасной политической контрабандой. Немецкий язык довольно распространен в Верхней Венгрии (около Кишиц, Пряшева), но в восточных русских жупаниях мало кому знаком. Что остается этой русской интеллигенции другого, как питаться мадьярской литературой! Вообще, нет в славянском мире народности, более подавленной в духовном смысле, чем эти венгерские русские. И нельзя сказать, чтобы не было в среде местных людей сознания этого странного положения. Но что пользы от сознания болезни, когда нет в руках средств для ее излечения? Народ беден; его помещики, за малыми исключениями, - чужеродцы или ренегаты; его духовные пастыри связаны волей мадьярского (в Мукачевской епархии) епископа или крохами той правительственной субсидии, какую они получают под именем «*congrua*»²²; его воспитатели, администраторы, судьи - либо инородцы, либо запуганные люди, которые не решаются поднять голос за народные интересы. Имеют эти русские несколько представителей в сейме, но лишь один из них не стыдится своего русского имени: да один в поле не воин!

Несколько лучше положение дел в Пряшевской епархии, где епископ не отделился от своей паствы, как мукачевский, где поэтому духовенство менее связано в своей деятельности для народа. Есть в Пряшеве и одно общество (Иоанна Предтечи), которое содержит до 40 стипендиатов из бедных русских учеников местных школ. Но и эти стипендиаты все-таки принуждены уже с первых классов гимназии проходить весь курс на мадьярском языке!

Еще печальнее женское образование этих русских. Единственная женская школа здесь суть монастырская, в женских католических монастырях в Кошицах, Бардееве, Унгене, Унгваре: здесь русские девушки получают образование в католическом и мадьярском духе! Но самое печальное положение тех русских, которые живут

---

²¹ Например, Уриила Метеора «Крейцарова комедия», где осмеян Панкович с его сателлитами.

²² Нормальный оклад священника определен в 300 флоринов. Если доход с земли и треб не приносит этой суммы, то недостающее выдается из религиозного фонда под названием *congrua*.

рассеянно островами в среде мадьярского населения. Те решительно теперь гибнут в народном смысле, и разве какой-нибудь *deus ex machina* в состоянии спасти их от мадьяризации.

Литература этого народа столь же бедна, как он сам, как и сведения об его прошлом и настоящем. Лучшим историческим исследованием еще остается труд Баянловича «История Базилианского монастыря в Мукачеве». Историю и топографию Землинского комитата обрабатывал граф Ширмай, Спишского - Вагнер, а Гемерского - Бартоломеидев. Бидерман не окончил, к сожалению, своей истории венгерских русских (*Ungarischen Russen*, 1862. II т.). В настоящее время печатает на русском языке историю Венгерской Руси о Дулишкович (в Чинодееве, около Мукачева). Он воспользовался, между прочим, Лучкаевской рукописью «Церковной истории венгерских русских», которая хранится, в нескольких фолиантах в Унгварском епископском архиве. Я имел в руках несколько листов истории о Дулишковича; но она вращалась еще в области славянских древностей. Несколько любопытных исторических документов о прежней автономии русского княжества в Венгрии издал Добрянский в своей «*Rede in d. Adress-Angelegenheiten*» (1861). Они извлечены из Лелешского архива, о котором упомянуто выше. О Кустодиев (в Пеште) обладает теперь некоторыми рукописными трудами о Духновича, как-то «Краткая история Венгерской Руси»; «История Пряшевской епархии» и т. д. Не лишены интереса и напечатанные уже оригинальные статьи о Кустодиева: «Конгресс католиков Венгрии и угорские русские» (1872), «Церковь угорских русских и сербов» (1873). Но вообще должно сказать, что история этой любопытной и важной части русского племени и русской территории еще ждет изыскателей. Изыскания эти должны быть произведены в двух направлениях - этнографическом²³ и археологическо-историческом²⁴. Это была бы прямая обязанность наших ученых. По моему скромному мнению, подвиг этих русских, перенесших границы русского племени по ту сторону Карпат, есть один из величайших и важнейших подвигов русского народа на поприще всемирной истории.

Перехожу теперь к ближайшим соседям и соплеменникам венгерских русских - словакам. Как территория, так и народность этого племени принадлежит к числу любопытнейших и замечательнейших

---

²³ Материал, обнародованный г. Головацким в *Чтениях Московского общества истории и древностей*, мне еще незнаком.

²⁴ Повторю еще раз о необходимости обозрения архивов: Лелешского и Ясовского, Унгварского епископского и Мукачевского – гр. Шенберна. О. Дулишкович воспользовался, как я слышал, некоторыми рукописными материалами (Унгварского архива), но в очень незначительной лишь степени.

на славянском западе. К сожалению, собравшись туда уже зимой, я мало имел возможности ближе и непосредственное ознакомиться с этой страной. Я провел на почве словенской лишь несколько недель (в Турчанской, Зволянской и Пажурской жупаниях); между тем для ближайшего с ней ознакомления понадобился бы не один месяц.

Территория словаков определяется следующей чертой: Дунай от Пожуна до Пешта; затем линия от Пешта, по склону Матры под Мешковец, где является сочетание трех элементов: русского, словенского и мадьярского; дальше вышеозначенная линия русской народности до Кралевой голи и Ламницкого шпица; затем Татры и Бескиды, по водоразделу Вислы и Дуная, близ политической границы Венгрии, которая перейдена словенской народностью лишь в Моравии, где река Морава отделяет приблизительно диалектическию область Словенскую от Чешской. На описанной территории живет свыше 3 миллионов населения, в том числе лишь несколько процентов несловенского (мадьярского и немецкого). Но и вне этой линии есть значительные колонии словенские, например Чаба, Сарваш и т. д., достигающие на юге до Баната и кое-где даже до военной границы. В смысле колонизационном едва ли какой народ можешь сравняться со словаками. Даль их не пугает, а, напротив, как бы манит к себе. Это выражается и страстью словаков к кочевой коммерции, которая ведется ими не только в Венгрии, Чехии, Моравии, Польше, но и по всей России, вплоть до Иртыша и Оби. А некоторые пресбургские (из св. Зора) ходебщики осмеливаются проникать и в Западную Европу и Америку. Центром этих кочевых словенских торговцев служит Турчанский комитат, именно одна его околица, называемая Держава. Из этой Державы, обнимающей дюжину деревень, ходебщики отправляются в самые отдаленные даже губернии России. Я беседовал в г. Кляшторе под Зниовом (столица этой Державы) с одним стариком, который еще в 40-х годах пробирался со своими компаньонами до Тобольской губернии. Торгуют они полотняными и суконными, а также и разными галантерейными предметами. Многие из этих державцев приобрели значительное состояние (до 100 000 флоринов). Живут они просто, но с известным комфортом - с самоварами, хорошей боровичкой и т. д. Они считаются наиболее развитыми и патриотическими из словенских крестьян. Быть может, этому кочевому промыслу державцев немало обязан и вообще Турчанский комитат своим теперешним первенством в народном отношении перед всеми другими. Ходят еще на промысел и из Оравского (blachari и др.) и Трепчинского (polejkarí и др.), но не в таких размерах, как из Турца.

Вследствие этих частных блужданий по славянским землям знание других славянских наречий, и в том числе русского, довольно

распространено между словенским народом. Русских они даже называют обыкновенно тоже словаками, а русский язык считают словенским, как серба - сербским, только с другим-де выговором. Не на этой ли почве выросли славянские идеи словаков Галлага, Коллара, Шафарика, Штура, Гаджи, Гурбана и т. д., которые утвердили за словаками имя панславистов? В самом деле, в этом отношении словаки опередили не только чехов, но и все почти другие славянские племена.

Но что пользы от идеи, хотя и возвышенной, когда некому и нет способов осуществить ее! А словаки - народ вообще бедный, хотя и не в такой степени, как русские верховиняне. Особенно скудна природа в трех горных жупаниях: Оравской, Тренчинской, Линтовской, а затем и в Турчанской. Немногим лучше и Зволенская, Гемерская, Тековская жупания, большая часть которых покрыта более или менее высокими горами. Богаче и плодотворнее низменные части Нитранской, Пожунской, Новоградской и т. д. жупаний, но сюда уже направился поток мадьяризма, отчасти успевший оттеснить словаков в горы.

Знати на Словачине много: в турецкие времена это был главный приют аристократии. Но она не хранит ни языка, ни интересов своей народности. За малыми исключениями, она мадьярствует самым лютым образом. Еще больше страдает тем же пороком низшая шляхта, нищая, но заносчивая (вроде польских «однодворцев»). Собственно говоря, эта последняя, а не магнатство, и задает теперь тон в Венгрии. Она пересилила магнатов в комитатских и избирательных собраниях и успела даже терроризировать свою знать в такой степени, что мадьярские или вообще венгерские графы и князья не смеют публично иначе и говорить, как на мадьярском языке. Зовет себя эта мелкопоместная шляхта земанами - иначе интеллигенцией, хотя часто такой интеллигент едва грамоте умеет. Горячится же эта интеллигенция за мадьяризм потому, что он ее кормит, дает ей монополию всех публичных должностей, дает синекуры, словом - хлеб.

Из кого же состоит здесь действительная и независимая интеллигенция словенского народа? Из нескольких решительных «фанатиков народности», нескольких самоотверженных адвокатов, священников, писателей, учителей. Счастье словенскому народу, что есть хоть несколько таких в его среде! Они спасают его нравственный авторитет, его предания, лелеют его мечты, создают его будущее. В другой стране и народности достаточно иметь знание и талант, чтобы сделаться писателем, ученым, публицистом. Но в среде этих загнанных народностей нужно гораздо более того: нужна еще решимость на борьбу с нуждой, с общественной оппозицией, с народным безучастием. Поэтому несправедливо было бы оценивать на одну мерку

заслуги первостепенного, например, поэта или ученого словенского с мадьярским, польским, русским. Последние имеют за собой предание, а вокруг себя - поддержку и литературную, и нравственную. Писатель же словенский предоставлен единственно своему таланту, своей энергии, своему самоотвержению. Словак тоже имеет свой политический центр, имеет государство, за которое он столько раз проливал кровь; но это государство ничего не жертвует на его школы, его литературные общества, его народные предприятия. Государство взимает с него подати и налоги, но оно употребляет их на свои особые цели. На деньги словаков, русских, румынов, сербов Венгерское государство содержит мадьярские театры и академии, музеи и университеты, гимназии и политехники; на эти деньги оно поддерживает мадьярские газеты и журналы, подкупает славянских избирателей, строит железные дороги, где это нужно мадьярским помещиками и политиками. Но на словенскую, например, гимназию, музей, матицу оно не израсходует ничего. Совсем другой смысл получает такая словенская гимназия, содержащая на последние гроши патриотов.

В настоящее время есть уже три частные словенские гимназии: одна полная (в Вел. Ревуцей) и две четырехклассные (Турчанский Мартин и Кляштор под Зниовом). Чтобы оценить самоотвержение учителей этих гимназий, достаточно сказать, что в Вел. Ревуцей учителя этой словенской гимназии и притом лучшие педагоги своего народа живут с семейством на содержании в 500 - 600 флоринов, а некоторые даже менее.

Свои газеты словенские журналисты издают при 500 - 600 подписчиках. О литературном гонораре здесь редко когда и речь бывает. Хорошо еще, если удастся найти издателя. В последнем отношении много пользы приносит словенская матица в Т. Св. Мартине. Ее *Летопись* служит единственным приютом для серьезных исторических, археологических и т. п. статей и исследований. В десятилетнее существование свое матица успела издать немало важных исследований из области местной истории и древностей (Сасинка, Гостинского, Заборского и др.). В последнее время усилиями Францисци и Павлини-Тота основано в Т. Св. Мартине еще другое Акционерное издательское общество, которое издало несколько десятков популярных книг, повестей (например, Калинчака), драматических пьес (Халупки и др.), учебников для народных школ и гимназий (Зоха, Ормиша, Кожелуги, Чулена и т. д.). Павлини-Тот издает *Narodne Noviny*, Ференчак - *Hlasnik*, Гурбан - *Evangelicke listy*, Лихард - *Hospodarske noviny*, Стракович - ежемесячник *Dunaj* и т. д.

Главным литературным центром словенским считается теперь Турчанский Св. Мартин как местопребывание наибольшего числа словенских писателей. Центром, около которого они здесь собраны,

служит матица. Более значительные словенские города, как Банская Быстрица, Нитра, Тренеин, С. Микулаш, не решались в 1861 году открыть в своей среде приют для матицы; вследствие того наименьший из словенских комитатских городов, Св. Мартин, стал во главе народного движения, стал в некотором смысле Вифлеемом словенского народа. Прежде не было постоянного и определенного центра словенской народности и литературы. При Палковиче и затем Л. Штуре таковым был Пожун, затем при Гожде - Св. Микулаш, при Францисци, Полярике и Викторине - Пешт; наконец, в последние годы Св. Мартин сосредоточил в себе наилучшие словенские силы: Францисци, Павлини-Тот, Ференчак, Сасипек, Мудроп; в соседстве же этого города живут Гочар, Чулен и мн. др. В Пеште тоже начинается словно просыпаться словенская народность (Бахат, Стракович и мн. др.), что выражается в предпринятии словенского ежемесечника *Dunaj*. Но это лишь робкое начало, неизвестно к чему имеющее привести. Издается, правда, в Пеште и политическая словенская газета *Slovenske Noviny* (ред. Бобуля); но она прежде не пользовалась доверием народа; в последнее, впрочем, время, по-видимому, изменилась к лучшему. В Банской Быстрице издается еще словенский листок, *Syornost*, но это официозный мадьярский орган. Из этого видно, что при подобных условиях о литературе словенской в настоящем смысле слова не может быть и речи. Но то небольшое, что явилось уже на словенском языке, особенно в области поэзии (Гольй, Сладкович, С. Халупка, Калинчак, Заборский, Штур), позволяет возлагать самые большие надежды на свежую силу и духовную производительность этого народа. Нужно лишь желать, чтобы жалкие современные общественные и педагогические условия переменялись здесь в духе справедливости и уважения к человеческому достоинству каждого лица и каждого народа.

Наконец, скажу несколько слов о современном положении науки и литературы в Хорватии, в столице которой – Загребе – я пробыл около месяца.

Хотя число хорватов и уступает количеству словаков, однако положение их, особенно в настоящее время, несравненно благоприятнее. Хорваты имеют свою округленную область, какой доньше не имеют еще словаки. За Дравой начинается область Триединого королевства, начинается почва особой историко-политической индивидуальности, которой не оспаривают и мадьяры, так как и сами они чувствуют под собой единственно эту историко-политическую почву, за отсутствием выгодной почвы этнографической или какой другой. Идея исторического права импонирует на мадьяр: по крайней мере, они не оспаривают ее гласно. Конечно, и венгерские русские ссылаются на свои старые автономические учреждения, на привилегии

своего Русского княжества; ссылаются затем и словаки на древнюю автономию Нитранского княжества, на старую независимость владетелей Вага и Грона. Но мадьяры не признают этих исторических преданий. В Триедином же королевстве они формально его не оспаривают; быть может, предания Елачича предостерегают их от этого; как бы то ни было, из всех народов венгерских одни хорваты считаются историческим народом наряду с мадьярами; одни хорваты смеют употреблять родной язык и в пештском сейме; одни они имеют свой отдельный земский собор, имеют провинциальную автономию. Таким образом, права хорватского языка в Триедином королевстве не оспаривались даже при мадьярских банах Радхе и Вакановиче. Они имеют гимназии, учительские семинарии, технические школы, юридическую академию с преподаванием на хорватском языке и свою Академию наук, довольно хорошо обеспеченную; в самом скором времени будут они иметь свой университет, чего даже чехи не имеют, хотя чешская народность почти втрое более сербо-хорватской в Австрии²⁵. Хорваты имеют администрацию и суды с делопроизводством на народном языке. Их «домобранцы» (ополченцы) имеют хорватскую же команду. Они имеют бана, ответственного перед народным собором, и притом должность бана занимает теперь один из лучших хорватских патриотов и писателей Иван Мажурич. Хорваты имеют далее несравненного мецената своей науки и литературы, заслуженного покровителя всех народных хорватских предприятий для общественной пользы - епископа Штросмайера. Число жертв, принесенных им на алтарь народности, определяется некоторыми суммой до миллиона флоринов. Он более других содействовал и основанию в Загребе Академии наук и университета. Но еще важнее принесенных им материальных для народа пожертвований есть то нравственное влияние, какое он имел своим патриотизмом на хорватское духовное и светское общество, возбуждая в нем любовь к родному знамени и мужество в борьбе за него. Наконец, и народ хорватский богаче словенского или угрорусского. За исключением некоторых граничарских полков (Ликский, Оточацкий, Огулинский), Хорватия и Славония занимают придорожные, а отчасти и благословенные местности (например, Нижняя Славония).

Литературное единение хорватов с сербами открывает значительный сбыт для их произведений и привлекает много сил на поприще хорватской литературы. С другой стороны, хорваты очутились наследниками богатых сокровищ литературных, завещанных потомст-

---

²⁵ Ныне, как известно, университет в Загребе уже открыт (Прим. ред.).

ву старыми далматинскими поэтами и скрывавшихся доньне в библиотеках и архивах Дубровника, Задра, Сплета, Загреба и т. д.

Соединение всех этих условий очень облегчило задачу хорватских патриотов и дозволило им в короткое время сделать Загреб - если не вполне еще, то хотя отчасти югославянскими Афинами. Нужно заметить, что и старая религиозная вражда, разделявшая некогда хорватов от сербов, в последнее время заметно ослабела. Хорваты не только не боятся вступить теперь в духовное общение с другими ветвями югославян, но даже вызывают на это и словенцев, и сербов, и болгар. Не без этой мысли, между прочим, и академию свою назвали они югославянской. В соответствии с этим и в ученую свою деятельность хорваты хотели бы включить все южное славянство. Не упоминая о старом иллиризме Гая, приведу лишь, например, Кукулевича *Архив за повиестнику югославенску* (XI тт.); Любича *Ogledalo Kusitevne poviesti jugoslavjunske*, его же «Нумизматику югославянскую» (печатается); Рачкаго «Борьба югославян в XI веке»; он же составляет ныне древнейшую историю югославянских областей на Балканском полуострове; Маткович, кроме изданных уже исследований топографических, например, о Боснии и Болгарии, занят в настоящее время изучением старинных итинерариев по югославянским областям Турции; Богишич издал один том «*Pisani zakoni u Jugoslavena*» и «Материалы для обычного права югославян» (в печати).

Таким образом, в исследованиях загребских ученых замечается утешительное расширение кругозора своего и на другие соседние славянские племена. Конечно, это может возбуждать некоторую ревность в ученых белградских, привыкших видеть в Белграде центр югославянства; но если эта ревность выразится в соревновании хорватам в подобном же направлении, то наука и жизнь югославянская могут лишь выиграть от этого.

Не менее чести приносит хорватам их заботливость об издании сокровищ старой далматинской литературы. До настоящего времени издано уже Загребской академией пять томов «*Sturpisci hrvatski*», именно - произведения Марка Марулича (I т.), Шишка Менчетича и Држипа (II т.), М. Ветранича (III и IV тт.), Н. Димитровича и Н. Налешковича (V т.). Далее предполагают издавать Чубрановича и др. Когда этот цикл будет завершен (что потребует до 30-40 томов), тогда гораздо легче будет изучать историю далматинской поэзии, бывшей доньне доступной лишь для архивариев. Значительное число драматических сюжетов и отрывков древней дубровацкой драмы извлечено из рукописей г. А. Павичем и издано в его полезном труде «История дубровацкой драмы» (1871. Загреб).

Для исторического, археологического и литературного изучения южнославянских земель, особенно же Хорватии и Далматии, много материала издано Загребской академией в 25 томах ее сборника: *Rad* и в 5 томах *Starine*²⁶. Любич (кроме югославянской нумизматики) печатает V том *Monumenta spectantia historiam Slavorum* (материалы из венецианских архивов). Рачкий издал документы о заговоре бана Петра Гриньского и князя Франкопана (при Леопольде. *Acta conjurationem bani P-n Zrinio et com. F. Francopani illustrantia*. 1873. 8°, 596). Кроме того, он же prepares палеографическое издание памятников хорватской истории до начала XII века. Ткалич издал недавно *Monumenta Episcopatus sagrabiensis* (XII-XIII в.) Agram. 1873.

Кроме Академии наук, в Загребе есть еще одно ученое и два издательских общества, именно Общество для югославянской истории, Иллирская (теперь уже переименованная в Хорватскую) матица, Общество св. Иеронима. Председатель первого из названных обществ, многозаслуженный ветеран югославянской науки и литературы Кукулевич Сакцинский издал недавно 1-й том *Codex diplomaticus regni Groatiae, Slavoniae et Dalmatiae* (1874. Загреб), заключающий в себя 248 грамот (от 503 по 1102 год по Р. Хр.), извлеченных из 19 различных архивов и библиотек Далмации, Италии, Хорватии, Пешта, Вены и т. д. В конце приложен очень обстоятельный указатель исторический, топографический, юридический и т. п. Кроме того, печатается XII том *Архива* Кукулевича²⁷. Второе из названных выше издательских обществ, матица, в последние годы ничего не издавало. *Книжевник* ее прекратился немедленно с открытием академического *Rad*. В настоящее время матица предполагает предпринять опять свое особое издание для статей более популярного содержания молодых хорватских литераторов, для которых недоступно еще участие в академическом сборнике. Общество св.

---

²⁶ В 5-м томе Старин помещено, между прочим, несколько новых материалов для сербской письменности, извлеченных проф. Ягичем из рукописей Вука Караджича, Берлинской и С.-Петербургской публичных библиотек.

²⁷ Г. Кукулевич обладает, между прочим, довольно значительным собранием средневековых надписей, собранных им в различных местах Хорватии и Славонии (числом до 800-900). Было бы очень желательно дополнить эту коллекцию надписями далматинскими, истрианскими и пр. и издать их в печати. Любич тоже имел подобную эпиграфическую коллекцию, но уступил ее проф. Монзену, который и воспользовался этим материалом в недавно изданном III томе *Corpus Inscriptionum*, куда вошли именно надписи паннонские.

Иеронима издало несколько книжек для школ и народного чтения (например, популярную физику, составленную известным словаком Шулеком, хорватским лексикографом). Не уместно будет упомянуть здесь об основании в Хорватии нового Общества св. Кирилла и Мефодия, которое поставило своей целью поддержание боснийских школ, снабжение их книгами, учебными принадлежностями и т. д. Если общество это не сообразит в католическую пропаганду, то может принести несомненную пользу невежественным боснийским райям.

Заслуживает еще упоминания прекрасное издание полного собрания поэтических произведений Петра Прерадовича, одного из лучших новых хорватских лириков, несколько сродного нашему Лермонтову. Было бы очень желательно, чтобы наши поэты и критики поближе познакомились и русскую литературу с этим корифеем хорватской литературы.

Наконец, упомяну еще об одном обширном ученом предприятии хорватов, именно - о составлении исторического словаря сербохорватского языка (по плану немецкого словаря братьев Гримм). Затеян этот труд, конечно, Академией наук; ближайшее его ведение поручено было Даничичу. В настоящее время уже значительная часть старых далматских писателей и древних грамот исчерпаны для словаря. После отъезда Даничича в Белград заведывание этим делом перешло в руки Шулека, нынешнего секретаря Югославянской академии и одного из лучших ее членов. Во всяком случае, окончания этого обширного предприятия придется ожидать еще несколько лет.

Библиотечные и архивные богатства Загреба довольно значительны. Первопрестольная церковь, юридическая академия, Академия наук, наконец, музей имеют более или менее значительные собрания книг и рукописей. Академия наук недавно обогатила свою коллекцию рукописей покупкой нескольких десятков церковнославянских рукописей (большой частью священных и церковных книг) г. Михаловича. Значительной долей этих рукописей пользовался уже Миклошич для своего словаря. Самая замечательная из этих рукописей есть сербская Кормчая 1260 года. Она была уже рассмотрена и г. Ягичем, который, как я слышал, предполагает вскоре издать результат своих исследований.

Музей загребский обладает очень значительной нумизматической коллекцией (до 100 000 экз.), особенно полную по отделам сербохорватской нумизматики. Есть также несколько замечательных надписей на камнях, между прочим, верный оттиск знаменитой глаголической надписи, вырезанной на камне на о. Крке, которая должна принадлежать XI веку. В настоящее время каноник Рачкий занимается объяснением этой надписи, с которой сделан очень хороший фотографический снимок.

Довольно приведенных фактов, чтобы видеть, что литературное движение довольно сильно в Хорватии - особенно ввиду малой численности самого народа, в среде которого оно совершается. Стоит пожелать, чтобы движение это перешло за пределы самой Хорватии и оживило бы ученую пылкость и умственную деятельность в среде соседей хорватов - словенцев и сербов, чтобы новый Загребский университет сумел притянуть к себе массу югославянской молодежи, скитающейся по университетам всей Западной Европы, от Пешта, Градца и Вены до Лейпцига, Цюриха и Парижа.

Источник: *Будилович А.С.* Путевые заметки о долине Среднего и Нижнего Дуная // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Т. 176. С. 132-174.

Source: *Budilovich A.S.* Travel notes on the valley of the Middle and Lower Danube. Journal of the Ministry of National Enlightenment. Dec. 1874. Vol. 176. pp. 132-174.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(4)"1892"

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/3

К ЧИТАТЕЛЮ

А.С. Будилович

Резюме

Статья является обращением главного редактора журнала «Славянское обозрение» А.С. Будиловича к читателям. Журнал выходил в Санкт-Петербурге в 1892 г. Во всех 18 выпусках Будилович в своих обращениях к читателям затрагивал актуальные вопросы славянской жизни.

Ключевые слова: А.С. Будилович, славяне, поляки, сербы, венгры, румыны, русины, Австро-Венгрия.

TO THE READER

A.S. Budilovich

Abstract

The article appears as an address to the readers from A.S. Budilovich, the chief editor of the Journal "Slavic Review". The journal was published in 1892 in St.Petersburg. In all 18 editions the address "To the Reader" was in regard to the actual questions of Slavic life.

Keywords: A.S. Budilovich, Slavs, Poles, Serbs, Hungarians, Romanians, Rusins, Austro-Hungary.

I

С тех пор как прекратилась публицистическая деятельность И.С. Аксакова, соединявшего несокрушимую веру в Россию и славянство с деятельным сознанием опасности их нынешнего положения, в нашей печати, по крайней мере, в большинстве изданий национального направления, постепенно установился довольно оптимистический взгляд на современный ход славянских дел.

Если бы оптимизм этот ограничивался лишь словами, то мы могли бы не придавать ему важного значения. Ведь есть народы, даже столь великие, как французский и китайский, которые искони привыкли к подобного рода самовозвышению: оно не подорвало, од-

нако, мировой роли этих народов на протяжении многих веков их исторической жизни. Но мы - народ более искренний, прямолинейный, не привыкший строго отделять слов от дел. Если мы усвоили себе взгляд, что находимся в хорошем, чуть не нормальном положении, то не станем заботиться об его улучшении. Но что, если мы при этом ошибаемся, если вернее понимал нынешнее положение России и славян И. С. Аксаков, умерший, как известно, от боли сердца и с грустным предсказанием: «а гроза близится!»... Тогда наш оптимизм окажется не теоретической лишь ошибкой, но и тяжким преступлением перед историей и грехом против своего народа, которому придется расплачиваться за нашу слепую беспечность.

В таком случае, при невозможности всегда уметить в «золотую середину», не предпочтительнее ли держаться противоположного, строгого, требовательного по отношению к себе, пожалуй, пессимистического воззрения, которое все же толкает к труду, к осторожности, к самоусовершенствованию. Ведь это-то мировоззрение соответствует и истинному духу христианства, а не фарисейское самовозвышение оптимистов.

II

Присматриваясь в этих видах и с этими оговорками к нынешнему положению греко-славянского мира, мы вовсе не находим в нем оснований для оптимизма. Наоборот, положение это представляется нам крайне неопределенным, шатким, а иногда прямо опасным для нашей народной и культурной будущности.

Россия, например, при всем величии своей государственной власти, даровитости и мощи своего стомиллионного населения и крепости своего политического строя все-таки не занимает теперь такого господствующего международного положения, как при Николае I, Александре I, быть может, и при Екатерине II, особенно на Балканском полуострове. Она вынуждена была в последнее время уступить там многие важные позиции Австро-Угрии и ее союзникам, напр. Боснию, Герцеговину, Болгарию. Даже Румыния явственно наклоняется теперь к антирусской лиге, которая из тройственной могла бы, при нашем бездействии, вновь разрастись до «двадцати язык». Правда, русско-французская контрлига значительно улучшила наше международное положение; но и это улучшение могло бы быть вновь парализовано расширением средневропейской лиги на оставшиеся еще в стороне от нее государства. Это отчасти и сделано уже привлечением Швейцарии и Бельгии к средневропейскому торговому союзу, который существенно дополняет и расширяет прежний союз политический. Наконец, нынешнее равновесие коализованных европейских сил каждую минуту может быть нару-

шено вмешательством Великобритании, которая, собственно, и теперь принадлежит нравственно, если не формально, к лиге австритало-германской.

Но все же в отношении политическом Россия занимает, бесспорно, высшее место в ряду европейских государств, чем в отношениях общественном и экономическом. В сравнении с любым западноевропейским обществом русское осталось далеко позади по неумению организовать, слабости личного и общественного почину, по застарелой привычке все сваливать на плечи государства. Словесные притязания не имеют, конечно, у нас той исторической почвы, следовательно, и силы, как на Западе; но тем произвольнее и вреднее они в своих проявлениях, особенно в областях окраинных, со смешанным населением. Шаткость нашего экономического благосостояния доказывается как возрастающей задолженностью, так и голодовками вроде нынешней печальнейшей, которая объясняется не одними ведь метеорологическими причинами. Это подтверждается и широко и до недавнего времени беспрепятственным распространением в России еврейства, которое уже само по себе служит указанием на ненормальность общественно-экономических условий русской жизни.

Мы по справедливости гордимся верностью русского народа не только духу, но и формам соборного христианства, религиозным заветам славянских первоучителей, вековым преданиям русско-славянской церкви. Но не видим ли одновременно и таких явлений, как штунда в народе, а пашковство, рэдстокизм, даже чуть-чуть не буддизм в воззрениях образованных классов русского общества?

Мы благополучно вышли, кажется, из периода продолжительной борьбы за классицизм и реализм. Но можем ли сказать, что успели установить лучший тип или типы русско-славянской высшей, средней и низшей школы в ее отношениях к государству и обществу, церкви и семье?

В области научно-литературной по многим ли предметам знания и родам творчества успела Россия занять подобающее себе место в ряду других великих народов и государств? Не представляется ли и теперь еще русский язык как бы подчиненным диалектом немецкого в изданиях некоторых наших ученых обществ и в преподавании некоторых балтийских школ?

III

При всем том по условиям своего развития Россия занимает теперь, бесспорно, самое лучшее положение из всех греко-славянских народов, особенно с тех пор, как в ней стало утверждаться народное направление во внешней и внутренней политике.

Гораздо неблагоприятнее поставлены в этом отношении заграничные славяне. Возьмем, напр., наших червонорусских братьев. Разделенные в политическом отношении между Галичиной, Буковиной и Угрией, они осуждены вследствие того развиваться под чуждыми влияниями, а именно: первые под давлением поляков, вторые – немцев и румынов, третьи же – мадьяр. Лишь в лоне славянской церкви червонорусы могли бы найти опору для своих народных стремлений. Но и тут они весьма ослаблены вторжением в их храмы и монастыри то польских иезуитов и воскресенцев, то румынских пропагандистов, то мадьярских чиновников, при почти полной зависимости червонорусского духовенства от иноверного и иноплеменного правительства и патронов-помещиков, не говоря уже про собственных иерархов, которые назначаются по указаниям из Рима, Вены, Кракова, а не в духе народных желаний и требований. Доказательством тому может служить недавний львовский церковно-областной Синод, столь живо напоминающий по своему духу и приемам печальной памяти соборы Брестский и Замостский, казалось бы, давно отошедшие в область исторических воспоминаний наравне с павшей республикой. Столь же печально положение червонорусских школ, служащих не делу русской народности и человечности, а наоборот – полонизации русской молодежи в Галичине да онемечиванию или орумыниванию в Буковине и беспощадной мадьяризации в Угрии. Если прибавить к этому крайнее обеднение червонорусского населения вследствие высокого обложения, плохой администрации и высасывания евреями, то мы поймем причины постепенного вырождения этого населения в Галичине, как это доказано на цифрах польским экономистом Щепановским в сочинении *Nędza Galicyi*.

Скудная червонорусская литература, разделенная вдобавок на три части по областям и на множество разновидностей по произволу писателей, конечно, не может выдержать состязания даже с литературами польской, румынской и мадьярской, не говоря уже про возвышающуюся над всеми ими литературу общенемецкую. Лучшие силы червонорусского общества, весь подрост его учащейся молодежи должны постепенно отрываться от своих семейных, народных и церковных преданий и усиливать собой ряды противников Руси.

IV

Весьма неблагоприятно и нынешнее положение югославянских народов: болгарского, сербохорватского и словинского, из которых первый разделен в политическом отношении на три части, между Болгарией, Румынией и Турцией, второй – на шесть, между Сербией, Черногорией, Турцией, Новоавстрией (Босния с Герцеговиной),

Цислейтанией и Транслейтанией, а третий - на три, между двумя последними и Италией. Но еще важнее то, что все эти народности охвачены теперь в большей или меньшей степени культурным воздействием латино-немецкого Запада, которому давно уже подчинились области словинские, наполовину - сербохорватские, а в новейшее время стали склоняться и болгарские. Это внесло рознь в среду югославян, возбудив хорватов против сербов почти в такой же мере, как поляков против русских. Если прибавить к этому старый антагонизм болгар к сербам, искусственно подогреваемый теперь из Вены и Будапешта ожесточенным спором из-за Македонии, который был одним из мотивов и злополучной войны 1885 г., то легко видеть, как глубоко расколот теперь славянский Юг, и как легко пользоваться этим расколом Западу.

Для нынешней истории югославян, особенно сербской при Милане и болгарской при Баттенберге и Кобурге, можно бы найти много аналогий в истории онемечения прибалтийских и полабских славян саксами, франками и другими наступательными немцами. Дай бог, чтобы окончательный исход борьбы за земли подбалканские и поддинарские не был столь же губелен для славян, как на Лаббе, Одре и Нижней Висле.

V

Крайне тяжело и опасно нынешнее положение северо-западных славян, особенно словаков. Со времени введения дуализма они постепенно утратили всякое активное участие в политической жизни, так что не имеют теперь в угорском парламенте ни одного депутата, который хотя бы заявлял об их существовании. Занимая самые бедные, горные части Угрии, словаки и в экономическом отношении совершенно обессилены вымогательствами фискальными, так что лишь корабейничество да эмиграция в Америку еще поддерживают их от полного обеднения. И церковь не оказывает существенной поддержки этому в большинстве католическому, а в меньшинстве протестантскому народу, ибо через епископов и высший клир правительство наложило руку и на церковную автономию словаков, сделав, таким образом, церковь одним из орудий мадьяризации. Со времени насильственного закрытия трех частных словенских гимназий у словаков не осталось ни одной средней школы. В последнее же время и сельские училища, даже приюты для малолетков превращены в органы все того же насильственного мадьяризма.

Одна литература еще поддерживает народное сознание словаков; но при всей даровитости и самоотверженности словенских поэтов и публицистов все-таки борьба с литературой мадьярской, для которой работает и множество омадьяренных словаков, в конце концов должна будет оказаться неравной.

VI

Не особенно блестящим представляется и современное положение чехоморавян. Разделенные административно на три части (Чехия, Моравия, Силезия), они не могут действовать совместно в тяжелой борьбе с окружающими их немцами. Мы не удивляемся поэтому, что в недавней парламентской речи депутат Грегр назвал нынешнее положение чехов «вавилонским пленом» и сравнил его с положением жертвы «в пасти вампира».

Лучше социально-экономическое положение чехов, как это видно и из блестящего успеха недавней юбилейной выставки в Праге. Народ этот действительно занимает очень высокое место по способности к организации, по энергии и умелости труда, по бережливости и относительному благосостоянию. Но все это не может охранить и чехов от постепенного обеднения, если и впрямь эта все же небольшая страна принуждена будет ежегодно выделять из своих заработков свыше 120 мил. (по расчету депутата Грегра) на Австрию. Уже и теперь в Чехии много бедного, безземельного, фабричного населения, которое изливается широким эмиграционным потоком то в Вену и другие части Австрии, то даже в Америку и отчасти в Россию.

В церковном отношении чехоморавяне не имеют самостоятельной организации, входя в состав латино-немецкой церкви, которая доныне не может простить чехам гуситства и потому всегда становится на сторону немцев в борьбе с чехоморавскими славянами.

В деле учебном последние поставлены гораздо лучше и словенцев, и словаков, и австрорусов, ибо имеют не только низшие и средние, но и высшие школы с народным языком. Это обстоятельство и поддерживает чехизм в его трудной борьбе с немцами при содействии очень живой публицистики и серьезной научной деятельности. Но если принять во внимание, что чехи ведут ее своими одиночными силами, австрийские же немцы опираются на язык и литературу всего немецкого племени, то нельзя не убедиться, что в конце концов и тут должны будут победить немцы, если не подспеют на выручку чехов прочие ветви славянства.

VII

Нельзя назвать безопасным и нынешнего положения поляков. Уже сам факт их дробления между тремя столь различными по строю государствами, как Австрия, Германия и Россия, не представляется благоприятным для сохранения и развития этой народности как одного культурного целого. Наоборот, из нее должны постепенно выработаться три народа: австро-польский, германо-польский и русско-польский, с особыми бытовыми условиями, вкусами, иде-

алами, особым мировоззрением. Латинская церковь является как бы общей головой этого рассеченного политически тела, причем ее влияние еще усиливается старым полутеократическим устройством польского общества. Но космополитический, во всяком же случае не славянский и не польский, а латинский характер этой церкви делает ее ненадежной опорой какой бы то ни было народности, следовательно, и польской. Особенно заметно это в Германии, где процесс онемечения поляков вовсе не сдерживается их католицизмом, как некогда это случилось и с прибалтийскими славянами, принадлежавшими главным образом к той же ляшской ветви славянства. Несколько лучше национальное положение поляков в Австрии; но оно привело их к другой опасности - полной изолированности между славянами и, как они думают, необходимости соединиться с его врагами - немцами, евреями, мадьярами. Лишь в России поляки не подвергаются ни тем опасностям, как в Германии, ни тем соблазнам, как в Австрии, потому что входят в состав государства славянского и притом громадного по пространству, следовательно, вовсе не нуждающегося в применении немецких способов вытеснения коренного населения из польского края. В этом смысле народную будущность русских поляков следует признать упроченной в гораздо большей степени, чем в онемечиваемой Познани или в юдаизируемой Галиции. Что же касается дальнейшего развития польской народности и польской образованности, то мы думаем, что оно могло бы совершаться под русским скипетром лишь в том случае, если бы эта образованность стала, наконец, развиваться параллельно с русской и прочими чисто славянскими, а не в противоположном, как доньше, направлении. Только в союзе с прочими славянскими языками и литературами может и польский язык устоять в неравной борьбе с немецким, который уже теперь господствует в Польше, Силезии, Пруссиях, и который в самом сердце Польши имеет свои форпосты в виде немецких колонистов да онемеченных по разговорной речи евреев.

VIII

Остается еще упомянуть о крошечном полуторастатысячном народе – лужицких сербах. Как ни удивительна упорная живучесть этого консервативного народца, напоминающего пиренейских басков или британских кельтов, следует, однако, сознаться, что положение этого народа крайне опасно. Ни песчаные боры Верхних Лужиц, ни болотистые спревские леса Нижних не обезопасивают тех и других от натиска немцев. Если все-таки народ этот, разделенный вдвоих надвое и в политическом, и в церковном, и в диалектическом отношениях, устоит в неравной борьбе, то это будет чудом,

вроде открытого недавно в горах Паропамиза остатка (точно ли?) греческих колонистов эпохи Александра Македонского!

Таким образом, славянство похоже теперь на связанного по рукам и ногам человека, на которого надели враги, открыли жилы и выпускают из них кровь, переливая ее, так сказать, в себя для обновления и укрепления своих жизненных сил.

IX

Но, рассуждая о современном славянстве в его отношениях к Западу, мы не можем, не должны забывать и тех неславянских народов, которые связаны с нашим племенем то по географической смежности, то по близости этнографической, по историческим преданиям, связям государственным, общественным, экономическим, церковным - вообще по принадлежности к общему греко-славянскому культурному типу. Между народами этими особенного внимания заслуживают летский и мадьярский на западе, румынский, греческий и турецкий на юге.

Вникая в условия нынешнего положения этих исторически связанных со славянством народов, мы замечаем, что и они переживают теперь критическую эпоху в своей истории.

Так, племя балтийское, или летское (латышско-литовское), расколото в государственном отношении на две части, германскую и русскую, в обеих подвергается онемечению, хотя и в неравной мере. Быстрее совершается оно в Пруссиях, которые из коренного края летского стали форпостом германизма на Востоке. Слабой опорой для летской народности служит латинская церковь. Наоборот, из истории известно, что она-то именно и была сильнейшим поборником германизации в землях Тевтонского и Ливонского орденов. Важнее в этом отношении для будущности летизма зародыши литературной деятельности на балтийских диалектах, особенно южнолитовском и латышском. Но доселе не выяснились еще вполне даже основные черты и стремления этой литературы, так что нельзя пока судить о том, станет ли она одной из диалектических литератур немецкой или русской язычной сферы, а, следовательно, явится ли она соратником восточной или западной образованности в дальнейшем их развитии.

X

Некоторые аналогии с народностью летской представляют и мадьяры, которые по вероисповеданию тоже относятся теперь к Западу, но по племенному типу, историческим преданиям и международному положению не отличаются существенно от смежных славянских народностей. В отношении политическом мадьяры по-

ставлены гораздо выгоднее и летов, и большинства западных славян, ибо все входят в состав одного и притом довольно автономного государства, Угрии. Имея в своих руках и законодательство, и администрацию этой страны, ее суды, финансы, школы, мадьярский народ, по-видимому, мог бы с полным успехом развивать теперь все лучшие стороны и основы своего бытия. К сожалению, мы этого не видим. Вся деятельность мадьярской интеллигенции направлена в другую сторону: на насильственное утверждение мадьяризма на развалинах всех прочих народностей Угрии, причем и мысли нет о придании этому мадьяризму какого-нибудь высшего, культурного или вообще духовного значения. Это путь крайне опасный для народности столь малой и слабой, следовательно, столь зависимой от соседей, как мадьярская. Вызвав против себя единодушный ропот всех подавляемых народностей, мадьяры рискуют в один день потерять плоды своих многолетних усилий, как это предсказал недавно сам Кошут при обсуждении шансов войны, в которую могла бы быть вовлечена и Угрия. Что это предсказание может исполниться, доказывает история 1848-49 гг., когда мадьяризм потерпел полное крушение вследствие враждебного к нему отношения большинства угорских народов. Кому досталось бы в таком случае наследие Арпадовичей, немцам или славянам, это вопрос особый, очень трудный для решения. Но в обоих случаях очевидно, что мадьяры ставят теперь на карту все свое народное будущее.

В случае государственного кризиса положение мадьяризма было бы тем опаснее, что он не имеет собственно никакой внутренней опоры, ибо ни латинская, ни даже кальвинская церковь не может быть признана народно-мадьярской. Что касается экономических сил мадьярства, то они подрыты уже теперь еврейским землевладением, промышленностью, капиталами, подобно тому, как это замечается и в Галичине. Экономический упадок Угрии отражается и на возрастающем множестве эмигрантов, которые переносят в Новый Свет рабочие силы, не находящие производительного применения на родине.

Мадьярская наука и литература, питаемые соками, главным образом, омадьяренных славян, немцев, румынов, евреев, в отношении количественном очень значительны, быть может, превосходят любую из западнославянских литератур. Но так как мадьярская литература поддерживается, главным образом, ренегатами других народностей, то она не может, конечно, иметь идеального содержания и характера. С другой стороны, по направлению она все же находится в сильнейшей зависимости от немецкой, так что может даже рассматриваться как одна из диалектических подлитератур немецкого язычного круга, занимающая в их среде, быть может, первое место.

Какие отсюда проистекают опасности для дальнейших судеб мадьяризма, для хода и исхода его многовековой борьбы с германизмом при замечаемом разрыве мадьяр со славянством, это легко видеть из вышесказанного.

XI

На критическом распутье стоит теперь и румынская народность, благодаря, главным образом, государственному ее разделению на две части, молдо-валашскую и австро-угорскую. Первая могла бы с успехом развиваться в традиционном восточнохристианском направлении, если бы через Угriu, Семиградье, Буковину не проникали в нее теории и стремления совершенно противоположного, латинско-немецкого происхождения. В прежнее время стремления эти были до некоторой степени поддерживаемы и панроманскими идеями, проникавшими из Франции, Испании, Италии. Теперь настроение романских стран, особенно Франции, существенно изменилось. Зато интересы Запада нашли себе в Румынии верного поборника в лице короля Карла Гогенцоллернского, который считает себя как бы новым гроссмейстером Тевтонского ордена на Нижнем Дунае.

Не менее вредит румынам их разделение на две церкви, православную и униатскую, из которых последняя довольно сильна в угро-румынских областях и служит как бы мостом для вторжения западных идей и в собственную Румынию. Этим главнейше путем вытеснены из последней кирилловские буквы, а с ними многие славяно-румынские слова, обороты, наконец, и старый полуславянский дух румынского общества и народа.

Утверждение в Семиградье и прочих угро-румынских областях мадьярских школ с колошварским университетом, а в Буковине – школ немецких, с черновецким немецким университетом во главе является не менее важным фактором постепенного обезнароживания румынов в пользу то мадьяризма, то германизма. Это ослабляет, конечно, и значение румынской литературы, низводя ее постепенно до роли служебной в отношении не только к языку немецкому, но и мадьярскому.

XII

Переходя затем к грекам, мы видим, что интересы эллинизма в греческом королевстве охраняются, конечно, лучше, чем народные стремления большинства западных и южных славян, лишенных политической независимости. Но, с другой стороны, не нужно забывать, что королевство это не имеет еще ни национального, ни географического единства, след., необходимой полноты и цельности государственного организма. Особенно тягостно для новогреков

господство Турции на о. Кандии, которая является вследствие того самым больным местом и Греции, и Турции. В некоторой мере то же относится и к другим турецким островам архипелага, который как древле, так и теперь должен считаться как бы национальной территорией греков. Не мешает отметить и то обстоятельство, что в среде населения новогреческого королевства довольно силен элемент инородческий, особенно албанский. Он открывает, правда, Греции как бы этнографическое право на Албанию, но, с другой стороны, ослабляет чистоту и цельность новогреческого племенного типа.

В отношении экономическом греки пользуются преимуществами народа мореходно-торгового. Но преимущества эти значительно ослабляются торговой конкуренцией «франков», особенно итальянцев, австрийцев и англичан, которые постепенно захватывают рынки Леванта, чтобы эксплуатировать их подобно своим колониям на материках черном, желтом и красном.

В религиозном отношении все почти греки принадлежат к одной и притом своей древней, национальной церкви. Но в отношении иерархическом они распадаются между несколькими автокефальными церквями, взаимные отношения которых нередко вызывают столкновение греков то с болгарами, то с арабами и другими христианскими народами Востока. Эти столкновения еще более обостряются заметным несоответствием великих исторических воспоминаний эллинизма с его нынешней скромной ролью на водах и побережьях Леванта. Это несоответствие придает несколько трагический характер панэллинской программе, окрещенной именем «великой идеи».

В отношении научно-литературном трудно ожидать для новогреков того значения, какое принадлежало некогда их отдаленным предкам в Ионии, Аттике, Великой Греции. Но было бы желательно, чтобы их знаменитый язык не был задавлен на Востоке языками итальянским, английским, немецким, которые заметно укрепляются в исконных гнездах древнегреческой и среднегреческой образованности.

XIII

Весьма тяжелый кризис переживается теперь и турецким народом. В течение многих веков он был носителем государства, обнимавшего лучшие части Старого Света и сыгравшего важную роль в истории средневековой и новой Европы. Но государство до такой степени поглощало внимание и силы этого народа, что их уже не хватило для развития прочих сторон образованности. Этим обусловлено было постепенное падение Турции и ее неспособность возродиться на новых началах. В этом и заключается главная причина ее болез-

ней, которые вызвали целый ряд хирургических операций и довели ее теперь до роли одной из второстепенных держав, поддерживаемой главнейше взаимными антагонизмами и завистью между соседями. Дальнейшая судьба Турции зависит от того, сумеет ли она произвести добровольно размежевание своих областей с другими народами Востока или будет дожидаться вмешательства англичан и других франков, чтобы уплатить потом за него чем-нибудь вроде Боснии, Кипра, Египта.

XIV

Но если столь тяжело и даже опасно нынешнее положение славянских народностей и самой России со включением неславянских народов нашего круга, то в чем заключаются причины этого положения: в недостатке ли их сил? В перевесе ли сил противника? Едва ли в этом. Общая сумма всех этих народов достигает, без сомнения, полутора ста миллионов человек, которые в смысле физическом смело могли бы помериться силами хотя бы с половиной Европы. Да и в духовном отношении племя, имеющее столь прочный политический базис, как Россия, скрепленная веками и обеспеченная несокрушимой твердостью нравственных связей Царя и Народа, племя, воспитанное в лоне греко-славянской церкви, усвоившее себе ее идеалы, проникнутое ее духом, связанное общими кирилло-мефодиевскими преданиями и заветами, к тому же племя молодое и даровитое, имеющее столь богатый и сильный язык, произведшее из своей среды не одного уже гения в области научно-литературной и художественной, не должно бы, кажется, бояться культурного соперничества более зрелых, но и утомленных уже жизнью народов Запада.

Почему же на деле видим противное, именно постепенное расширение западных народов и их образованности на территории и в среде народов христианского Востока?

По нашему убеждению, причина этого явления заключается, главным образом, в преимуществах западноевропейской организации сил, при полном их расстройстве и рассеянии в среде греко-славянской.

В самом деле, хотя наш культурный мир и не лишен нравственного средоточия и тяготения к нему, определяемого выдающимся положением в его системе русского народа, государства, общества, церкви, языка, однако степень этого тяготения ещё невелика по причине господства сил центробежных над центростремительными в психическом строе греко-славянских народов. Этим же объясняется слабость и взаимных связей между отдельными телами нашей племенной и культурной системы, а, следовательно, почти полное отсутствие их внутренней организации.

При этом мы имеем в виду не столько политическую, сколько духовную организацию, ибо и на Западе бесспорное культурное единство народов романо-германских лишь в немногие исторические моменты (Карл Великий, Наполеон I) достигало и государственного объединения соответственных народов. Славян разделяют не столько политические грани, сколько антагонизмы другого, более внутреннего характера, например, между славянами православными и католическими, которые гораздо сильнее вероисповедной розни между католиками и протестантами на Западе или между суннитами и шиитами на Востоке.

В самом деле, вероисповедная рознь немцев не мешает им издавна чувствовать себя одним народом с общим языком, наукой, литературой, общими национальными и культурными задачами, чего нельзя сказать про взаимные отношения, например, русских к полякам или даже сербов к хорватам. Вся Германия, с включением немецкой Австрии, покрыта теперь бесчисленными немецкими национальными союзами: гимнастическими, певческими, школьными, научными, литературными, вообще культурными, которые имеют правильную организацию, общие съезды, центральные издания - словом, служат выражением и развитием идей национального единства немцев.

Ничего подобного не видим мы между славянами, даже в группах более тесных, например в западославянской, в южнославянской и т. п.

Все немцы объединены теперь и в экономическом отношении новозаключенным торговым договором. Когда дождется чего-нибудь подобного и народы греко-славянской системы?

А какой громадный перевес перед последними имеют немцы, французы, англичане и другие крупные западные народы в факте язычного их объединения! Правда, Россия имеет с прошлого века один общий язык; но за пределами ее все еще господствует такое смешение языков, какое было на Западе разве в средние века, до Лютера, Кальвина, Тиндаля. При таких условиях невозможен между народами нашей системы плодотворный обмен произведениями народной мысли и слова, а, следовательно, и их духовная солидарность, подобная существующей в широких размерах на Западе.

XV

Без такого же обмена мыслей, без духовной взаимности греко-славяне не могут даже приблизиться к решению многих основных вопросов своей национальной и культурной области. Таковы, например, вопрос русско-польский и примыкающий к нему малорусский или «русинский»; вопросы чешско-словенский, македонский, боснийский, греко-болгарский, цареградский, румынский, мадыарский и т. д., и т. д.

Но над всеми этими частными вопросами возвышаются и требуют настоящего разъяснения многие более общие вопросы нашего культурного мира, напр., о способах установления равновесия между центростремительными и центробежными силами в жизни народов нашего круга; об отношениях народности к культуре и задач племенных к общечеловеческим; об идеальных основах и практических путях религиозного их сближения; о лучшем типе греко-славянской общественной организации; об идеалах нашей науки, литературы, искусства и средствах приближения к ним; о примирении преданий нашего прошлого с условиями настоящего и потребностям будущего.

Все эти и многие другие теоретические и практические вопросы имеют, так сказать, международный характер в среде греко-славянской. Они могут быть разрешены не иначе как путем взаимного и добровольного соглашения, целого ряда компромиссов между противоречивыми стремлениями и интересами отдельных славянских и неславянских народов нашей исторической системы.

XVI

Но как, где, чем достигнуть этого соглашения? Путем ли общих съездов? Обществ? Учреждений?

Конечно, и эти средства очень важны и желательны. В доказательство сошлемся на московский Славянский съезд 1867 г., который оставил столь глубокий след если не в жизни, то, по крайней мере, в воспоминаниях всех славянских народов. Хорошо бы повторять подобные съезды каждые 3-4 года, как это водилось у древних греков на Олимпийских и других играх, служивших даже эрой для греческого летоисчисления.

Нечего и говорить, что учреждение обществ такого типа, как *Gustav-Adolf Verein*, *Allgemeiner deutscher schulverein* и т. п., также много содействовало бы духовному сближению и сплочению частей нашего племени.

Но осуществление подобных съездов, учреждение подобных обществ нередко бывает соединено с такими препятствиями, которые возможно устранить лишь после долгой и упорной борьбы с затруднениями то личными, то общественными, политическими, экономическими и т. д.

XVII

А между тем рядом со всеми этими способами племенной и культурной организации есть еще один, который, не уступая прочим в действительности, в то же время гораздо легче может быть применяем к делу: это путь литературного обмена мыслей между братья-

ми и культурными сподвижниками, в особенности же на страницах общего периодического издания.

Этот способ служения словом делу их нравственной организации имеет то преимущество перед прочими, что слово, как известно, является наиболее естественным посредником между чувствами и мыслями, решениями и действиями. Если бы при разработке подобного рода сложных вопросов мы избрали противоположный путь, т.е. от дела перешли бы к решению, а от последнего к выражаемому словом понятию и, наконец, чувству, то поступили бы менее согласно с законами и психологии, и истории. Не потому ли, между прочим, и высокие подвиги русских людей в 1812, 1849 и 1877- 78 гг. не принесли ожидаемых результатов, что они предприняты были без исторической подготовки, предварительного обсуждения всех сторон дела и всех подробностей предприятия?

XVIII

Но для того чтобы еще темное поле русско-славянского сознания было освещено с точки зрения и истории, и действительности, необходимо свести в один фокус лучи самых различных воззрений, взаимно проверяемых и дополняемых общими силами и усилиями.

В этих-то видах, предприняв при содействии единомышленников издание «Славянского обозрения», мы намерены открыть его страницы писателям всех славянских или, точнее, всех греко-славянских народностей, притом различных направлений, под условием искреннего желания содействовать печатным словом уяснению того или другого вопроса в общих интересах восточнохристианской образованности. Только статьи, враждебные славянству, его историческим преданиям, стремлениям, идеалам или направленные к усилению не любви и согласия, а вражды и раздоров между членами нашего культурного мира, не найдут, конечно, места в нашем издании. Его девизом будет литургический возглас: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»... Любовь к братьям (по крови, вере и судьбам) как основа единомыслия; единомыслие как нравственная опора личности в исповедании своих убеждений; исповедание их как начало осуществления - вот программа, по которой человек и христианин должен возвышаться от чувства к познанию, а от мысли к деятельности, в служении своим профессиональным идеям и идеалам. В верном применении и развитии славянами этой программы заключается, по нашему убеждению, единственный выход и из тех бесчисленных затруднений в их нынешнем положении, которые накопились веками и лишь незначительная часть коих намечена в настоящей очерке.

Тем же началом служили, той же программой руководились лучшие из писателей и деятелей так называемого славянофильского направления, а между ними ныне наиболее еще памятный издатель «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» И. С. Аксаков. Но, располагая поистине богатырскими силами, Аксаков слишком, кажется, доверял им, принимая на свои плечи чуть не всю тягость издания. Мы в этом отношении не можем и не желаем следовать за ним, а, наоборот, предполагаем разделить эту тягость между возможно большим числом сотрудников. Нашей главной обязанностью как редактора будет привлечение на общий труд греко-славянских сил и, в нужном случае, примирительное между ними посредничество, чтобы таким образом содействовать своевременному уяснению выдвигаемых жизнью вопросов и разрешению их в духе основных начал восточнохристианской образованности, на благу пользы всех ее участников и деятелей.

Источник: *Будилович А.С.* К читателю // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 1. Январь. С. 1-18.

Source: *Budilovich A.S.* To the Reader. Slavic Review. Historic, Literary. Political Journal. Jan. 1892. Vol. 1. pp. 1-18.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/4

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ*

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович передает содержание книги Н.И. Антоновича, видного деятеля галицко-русского движения, в которой автор предлагает свое видение деятельности этого движения в Галиции. Даная книга была конфискована австрийской цензурой.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Галиция, русины, Австро-Венгрия, русинское возрождение.

GALICIAN RUSSIAN POLITICS OF THE LAST YEARS*

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich presents the content of N.I. Antonovich's book. Antonovich was a prominent figure in the Galician Russian Movement. The author gives his view of the Movement in Galicia. The book was confiscated by Austrian censorship.

Keywords: A.S. Budilovich, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Rusin Revival.

В числе нынешних общественных и политических деятелей Галицкой Руси одно из первых мест занимает учитель перемышльской гимназии и посол Львовского сейма д-р Ник. Антоневи́ч. В прежнее время, когда в Галиции действовали Яхимович, Куземский, Ковальский, Наумович, Антоневи́чу не приходилось быть представителем так называемой «святоюрской», или старорусской партии; но в последние годы обстоятельства постепенно выдвинули его на первое место в ряду нынешних общественных деятелей Галицкой Руси. Это особенно выразилось со времени наступления так назыв. «новой

---

* Антоневи́ч Н. Галицко-русская политика. Львов, 1891.

** Antonovich N. Galician Russian Politics. L'vov, 1891.

эры», после того как осенью 1890 года учитель львовской гимназии и депутат сейма Романчук выступил с программой примирения русских галичан с поляками и с правительством на началах довольно близких к польской и украинофильской программе. Антоневи́ч первый от имени галицко-русского народа выразил протест против этой программы и с тех пор сделался как бы представителем исторического русского направления в Галичине. Это особенно обнаружилось во время январского веча во Львове, на котором появление Антоневи́ча вызвало небывалую овацию и единодушное заявление, что его знамя является национальным для русских галичан.

Тем интереснее узнать мнение о галицких событиях последнего времени такого компетентного лица и деятеля. Мнение же это изложено им в особой брошюре, озаглавленной «Галицко-русская политика. Записки посла д-ра Ник. Антоневи́ча». Львов, 1891 г. Она напечатана в конце истекшего года, но конфискована еще до выхода в свет по требованию прокуратуры. Эта конфискация была затем подтверждена львовскими судами первой и второй инстанций, так что брошюра эта как бы не существует в печатном виде, а может рассматриваться как рукопись. Это обстоятельство заставляет нас несколько подробнее ознакомить читателей с ее содержанием, которое вместе с тем представляет последний фазис в развитии русско-польских отношений в Галиции.

А. Б.

Изложив в начале брошюры некоторые обстоятельства своей служебной деятельности и отразив распространенные врагами упреки в оппортунизме и пристрастии к полякам и шляхте, которые достаточно уже опровергаются одним фактом 25-летнего служения столь выдающегося лица на одном и том же скромном учительском месте, г. Антоневи́ч переходит к общественным и политическим отношениям в Галиции последних лет.

Автору брошюры приходилось беседовать с сотнями галицко-русских патриотов, и он убедился, что так называемая «новая эра» принесла с собой весьма печальные результаты и вызвала нынешнее невыносимое положение русских патриотов. Но народ русский не поддался на эту удочку, и, несмотря на восхваление «новой эры» в многочисленных адресах, вызванных то приказами и угрозами, то просьбами и обманом, намерение сокрушить «русофильскую» партию потерпело полное фиаско. Даже генеральное собрание младорусской «Народной рады», которое должно было пропеть этой партии «вечную память», не имело успеха, что весьма огорчило устро-

ителей этого собрания и протекторов «новой эры», а Романчуку поневоле и по внушению свыше пришлось примириться с неудачей. Партия «старых» оказалась сильнее «молодых». В настоящее время ни для кого уже не тайна, что все эти обещания уступок «для блага Руси» были лишь сплошной комедией и обманом. Это сознавал и сам Романчук, который после злосчастного 13 (25) ноября 1890 г. «пожелтел, почернел и трясся всем телом», так что даже ободрения брата наместника, «сердечного» гр. Ст. Бадени, не могли его успокоить. Романчук оправдывался тем, что его «втянули» в последний момент; он согласился, ибо верил в обещанные уступки, «а если этих уступок русским не будет, - говорил он, - я сложу с себя посольский мандат и больше не буду заниматься политикой». Не одобряли поведения Романчука и его единомышленники.

При начале последней сессии сейма (в 1890 г.) гр. Ст. Бадени сообщил русским послам, что интерпелляции их, очень внимательно прочитываемые императором, раздражают наместника, и советовал им не вносить больше подобного рода заявлений, дабы снискать себе расположение последнего, «который много может сделать». Антонец и Герасимович обещали представить этот вопрос своему клубу. Это не понравилось графу, и переговоры с ними на этом и кончились. Вскоре, однако, они узнали, что переговоры ведутся дальше. Разошлась весть, что министр Залеский посетил депутата Телишевского. На запрос в клуб д-ра Короля о целях этого посещения Телишевский наивно отвечал, что он дважды был у наместника по делам своего турецкого уезда, не застал его дома, и Залеский только отвечал ему визитом. Никто, конечно, кроме Романчука, не удовлетворился этим ответом. При таком положении дел в русском клубе не заметно было прежней деятельности, хотя в начале сессии русские послы обещали продолжать свои интерпелляции и предложения. Все ограничивалось обещаниями. Замолк и Телишевский, вносивший за год перед тем такое обилие запросов. В 1889 г. членами русского клуба было сделано множество самостоятельных предложений и интерпелляций, между тем в 1890 г. число их значительно сократилось. Сами заседания стали реже и ограничивались прениями по поводу устава и программы. Дуализм русского клуба становился все более и более очевидным; громко уже говорили о переписке одной части его с Министерством иностранных дел и об усиленном ходатайстве некоторых русских депутатов сейма относительно передачи издания школьных учебников из рук старорусской Ставропигии младорусскому Обществу имени Шевченко.

В это время Телишевский, поддерживавший связи с польским обществом, вступил в какие-то переговоры, о которых, однако, рус-

ский клуб не был уведомлен. О проекте соглашения, жертвой которого сделались русские «старой» партии, стали говорить и многие из депутатов-поляков. Таким образом, Галицкая Русь удостоилась нового «соглашения».

Для ближайшего объяснения последовавших затем событий автор считает необходимым остановиться, хотя и «с отвращением», на жалкой манифестации 13(25) ноября 1890 г. Автора упрекали в том, что в своей речи он восставал против народных читален и порицал всю украинскую литературу, между тем он в ответ на восхваления о Сечинском западной культуры заявил только, что влияние Запада сказывается и на русских читальнях в виде распространения в них женеvских изданий, грозящих подорвать религиозность и нравственность русских галичан. Что касается речи Романчука, то автор возражал против нее прежде всего потому, что она была явным нарушением клубного устава и шла вразрез с его солидарностью. Сверх того, Романчук в партийном ослеплении обвинял первых галицко-русских писателей за заимствования из языков и славянского, и «российского», благодаря которым их язык, «не будучи еще российским, перестал-де уже быть русским». Отсюда следовало-де неизбежно и признание общерусского национального единства, что выражено-де было еще в 1866 г. одной из «русских» политических газет («Слово»). В нападках этих Романчук дошел до того, что стал обвинять самого себя, так как и он немало содействовал «русификации» галицкого наречия как бывший сотрудник «Слова».

Чтобы показать, как смотрели на этот вопрос «украинцы чистой воды», автор приводит мнения Н.И. Костомарова и А.А. Потебни, лично им слышанные еще в 1863 г. в обществе Ад.И. Добрянского, покойного С.Ф. Раевского, Маркелла Лавровского, О.Н. Ливчака и др. Костомаров, показавшийся автору рьяным русофилом, прямо заявил-де, что утверждать, будто малорусы и великорусы (Ruthenen und Russen) - различные народы, было бы слишком смело. «Есть-де различия в выговоре, однако это недостаточно для такого заключения; говорить же о двух русских языках - это просто вздор!» В разговоре по этому предмету, продолжавшемся, по словам автора, около 3-4 часов, Потебня категорически заявил, что нет этнографа и философа, который в состоянии был бы провести границы между малорусским и великорусским населением: до того они сливаются в соседних селах. Возражения М. Лавровского, стоявшего на украинофильской точке зрения, были-де весьма слабы и легко были опровергнуты. Порицая украиноманию, которая ведет неопытную русскую молодежь к гибели, Потебня говорил, что главными и самыми ловкими апостолами являются студенты-поляки Киевского универ-

ситета. Между русскими студентами Львовского университета были даже и такие, которые мечтали об очистке «русского» языка от всех слов, употребляемых «москалями». Действительно, в это время начали «ковать» диковинные слова, вроде «шаноба», «шана», «шанибный» и др., которые не могли, однако, утвердиться в языке, тем более что сочинения украинских писателей по-прежнему наполнены словами «московскими», как, напр., приказчик, денщик, семейство и проч. Изгнание общерусских слов нельзя не назвать сепаратизмом, хотя некоторые считают это «борьбой за самостийность русско-украинского языка». Ничтожные результаты, достигнутые такими деятелями, лучше всего характеризуют цену этих усилий.

Соглашаясь вполне с Романчуком, заявившим, что галицкое наречие развивалось быстро благодаря трудам первых галицких писателей, автор добавляет, что 1860 год в этой деятельности был кульминационным пунктом. Достаточно-де упомянуть о трудах Б.А. Дедицкого, Устиановича, Федьковича, Гушалевича, Лисикевича и др. Победа над проектом гг. Иречка, Евтс. Черкавского и Голуховского, желавших навязать галицким русским латинскую азбуку, одержанная в 1859 г. Куземским, Головацким, Лозинским, Малиновским и Дедицким, еще более укрепила силы галицко-русских патриотов.

Тогда Голуховский и комп. выдумали для Руси новую орфографию, или, вернее, какографию, против которой опять единодушно восстала вся Галицкая Русь.

В 1864 г., познакомившись во Львове с советником Юлианом Лавровским, автор и от него услышал мнение, что галичанам не следует допускать общерусского единства, хотя бы в этнографическом лишь отношении, ибо в таком случае ни правительство, ни поляки им «ничего не дадут». «Нам следует действовать дипломатически, - говорил Лавровский, - если мы желаем принести пользу для всей Руси». Автор отвечал ему на это, что в Вене сов. Суммер сделал еще более радикальное предложение, а именно – образовать из галицко-русского наречия три языка: гуцульский, подольский и лемковский, чтобы таким образом совершенно отделить галицких русских не только от «москалей», но даже и от украинцев.

Что касается упомянутой какографии, то она все еще не исчезла, а живет донныне, пожалуй, даже в худшем виде, с уродливыми «пикельгаубами», и называется «школьной правописью»! Нет сомнения, что со временем выйдет и третье ее издание, а в конце концов она распадется сама собой, ибо правописание, которого никто, кроме газетки «Учитель» и издателей школьных учебников, не придерживается, не имеет прав на существование. Характерно-де и то обстоятельство, что поддерживаемые правительством газеты «Вестник», а

позже и «Мир» употребляли хороший язык и старое правописание, хотя уже тогда существовала какография.

Поборником литературной отдельности малорусского «языка» в последнее десятилетие был особенно проф. Э. Огоновский, хотя раньше, до 1860 г., он тоже держался старых преданий в языке и правописании. Перемена в этом отношении совпала с назначением его профессором Львовского университета, которое вызвало сильное негодование среди тогдашних украинцев. С этого времени проф. Огоновский отрекся от прежних убеждений и стал во главе украинского направления в галицко-русской литературе.

В начале 1872 учебного года он прочел торжественную речь, в которой высказал свои взгляды на историю славянских языков, особенно же русского, все более и более настаивая на полной самостоятельности малорусского языка, или «мовы». Г. Антонец опровергает его положения собственными же словами Огоновского и теми противоречиями, которые незаметны лишь для официальных славистов Австро-Угрии.

Далее автор указывает на столь же странные противоречия в намерениях поляков на галицко-русские отношения в последние десятилетия, именно с тех пор, когда национальные идеи стали учитываться и в галицком обществе. Считая это пробуждение народного сознания пустым капризом, поляки в унисон кричали: «Niema Rusi!» и стали доказывать, что галицко-русский говор есть только «наречие образованного польского языка». Когда же это наречие в дальнейшем развитии стало быстро приближаться к языку «российскому», тогда они обозвали этот диалект московским и в употреблении его стали видеть и преследовать чуть не государственную измену.

Польские дипломаты стали внимательно следить за стилем русских галичан, разделяя их на «москалей-русофилов» и на «истинных русинов», смотря по процентному отношению общерусских или местных терминов и форм в языке галацких писателей. Есть, однако, и между польскими учеными люди, которые не любят галичан за желание оставаться такими, какими создал их Бог и сделала история. Так, проф. Львовского университета Л. (проф. Лиске?) в беседе с Антоневичем сказал ему однажды: «У вас есть прекрасная земля, способные люди, есть определенное будущее, если только вы сумеете заткнуть тот мешок, из которого постоянно сыплются перекинчики».

Далее автор доказывает, что между Малой и Великой Русью не было никогда этнографического различия, причем ссылается на летописи и даже польские хроники. Со времен Иоанна III последние даже перестали употреблять термин «Московское царство», заменив его названием «Русь», «Россия». Потому-то и первые польские

учебники всеобщей истории, излагая события XVI и XVII вв., всегда говорят: «wojny ruskie», «stosunki ruskie». Также выражался-де г. Леванель, не подчинявшийся шовинистическим взглядам польских эмигрантов.

Исторические права русских галичан, говорит далее автор, основываются на том факте, что Галичина присоединена была к Австрийской монархии не как польская провинция, но как исконно русский край, как Галицко-Владимирское королевство (Regnum Galiciae et Lodomeriae). Но судьба заставила их жить вместе с другим славянским племенем, поляками. Для этой совместной жизни необходимо найти какой-нибудь *modus vivendi*, если уже невозможно полное согласие. Насколько, по мнению автора, русские галичане обладают всеми необходимыми для искреннего и прочного согласия данными, настолько у большинства поляков замечается отсутствие таковых. Самые горячие русские патриоты, любя свой язык, свою церковь, дорожа своими национальными идеалами, уважают и то, что дорого полякам; они читают и говорят по-польски. Между тем польский горячий католицизм явно переходит-де в ультрамонтанство, а патриотизм – в шовинизм. Для значительной части поляков русская церковь в русский язык кажутся чем-то низким; понятия *русский человек, холоп, варвар* для них синонимы. Неудивительно поэтому, что в прочное и искреннее соглашение с поляками всем как-то мало верится. Печальным надо признать и тот факт, что один из послов Державной думы, сам славянин, открыто заявил, что для него славянство не стоит и понюшки табаку. Еще печальнее то, что этим шовинизмом увлекаются и некоторые русские политики, мечтающие, быть может, на этом фундаменте да на взаимной ненависти к «москалям» заключить прочный договор. Весьма знаменательно и следующее признание гр. Мир., бывшего губернатором в Боснии, человека весьма дальновидного и образованного, с которым Антонец беседовал о примирении с поляками и которому выразил свое мнение относительно его возможности, так как среди нынешнего поколения поляков нет еще зрелого для этого материала. «Вы вполне правы, - сказал граф. - Мы, мужчины, могли бы приступить к делу, но наши женщины и ксендзы никогда не признают примирения на началах равенства!» Надо поэтому ждать других поколений или перемены воззрений польского общества.

Вторая причина, по которой примирение с поляками в настоящее время невозможно, кроется-де в нынешнем настроении поляков. Веря искренне в воскресение Польши «от моря до моря» и надеясь, что оно осуществится при содействии Австрии, они считают необходимым всеми мерами усилить польский элемент. «Всякие уступки

Руси были бы ослаблением Польши, следовательно, они немислимы!» Покойный посол Янко, горячий польский патриот-демократ, говорил автору: «Я сознаю, что вы справедливо жалуетесь на обиды, наносимые вашему народу поляками и правительством, но мы не можем делать вам уступок; вы не имеете понятия о том, какими путями и какой ценой приобрели мы от правительства некоторые из них, да и то административным путем! Наша делегация буквально поступила на службу немцам... Мы отреклись от самих себя, от наших преданий и идеалов, а вы хотите, чтобы мы поделились с вами тем, что нам так дорого досталось»...

Таковы были воззрения поляка-демократа, человека до известной степени беспристрастного. Как же тут мириться! С одной стороны, русофилы и чистой воды славянофилы, а с другой – русофобы, для которых все славянство не стоит и понюшки табаку (Поповский); с другой стороны, убеждение, основывающееся на истории, что Червонная Русь - искони русский край, а с другой - предрассудок, будто эта Русь - неотъемлемая часть польского организма. Однако, по мнению автора, примирение и даже не в далеком будущем возможно, ибо и сельское сословие, и большая часть мещан стоят, безусловно, за искреннее соглашение; даже среди духовенства и женщин-патриоток найдутся личности, стоящие за него. Так как несомненно, что убеждения поляков при усилении демократических идей изменятся, то и русским следует изменить свою «тактику». «Мы должны, - говорит Антонец, - обращаться с поляками вполне откровенно, но не отступать от своих национальных убеждений; тогда среди нас не будет ни лизунов, ни перекинчиков. Притом мы должны заняться нашим народом, улучшением его материального и нравственного быта». Не следует только рассчитывать на уступки «из милости», так как их следует приобрести честной борьбой.

Уже с первых дней возрождения Галицкой Руси начались попытки соглашения, которые, однако, не могли быть прочны. Русские были слабы, и поляки не могли считать их равными себе, а примирение со слабым – это только «служебный договор».

Ни «соглашение» Лавровского, воодушевившее на некоторое время Галицкую Русь, ни переговоры Фомы Полянского, верившего в добрые чувства поляков, не привели ни к чему. Поляки стали требовать от Полянского, чтобы он «бросал грязью в своих», и он решил оставить политическое поприще.

Так же бесплодны были и переговоры Стеф. Качалы с кн. Юр. Чарторыским, Черкавским и др. В эпоху этих переговоров русские послы придерживались «святоюрской» политики, т.е. верно служили правительству, даже во вред собственным интересам. Вскоре, однако,

все убедились, что пора изменить эту политику, что сервиллизм в ней совершенно неуместен и вреден, что следует не просить милостыни, а решительно домогаться справедливости, тем более что само правительство признавало исторические права Галицкой Руси. К чести украинофилов, они первые вступили на этот новый путь. Последовал славный период народных веч, период согласного действия галицко-русских партий. Польские дипломаты встревожены были этим согласием и всеми мерами старались ослабить впечатление, произведенное вечерними манифестациями. В Вене русских галичан ославили как анархистов и социалистов, в Риме – как тайных схизматиков и опасных русофилов. Рим решил обратиться к помощи иезуитов в искренних католиков и отдал иезуитам Добромиль, а с ним и русское монашество; известный ультракатолик митрополит Иосиф был удален за свою преданность народу; начался ряд социалистических процессов и, наконец, знаменитый Hochverrathsprozess 1882 г. Но все это ни к чему не привело. В Вене, благодаря «высоким покровителям», убедились в непоколебимой преданности русских галичан престолу, в их верности и преданности своей церкви. Энергическая «рейхсратная тройца» - Ковальский, Кулачковский и Озаркевич - много содействовали укреплению такого убеждения, и это обстоятельство привело к новому «соглашению» 1883 года.

Переговоры начались по желанию министра Земляковского, который заявил о. Николаю Виницкому, что гр. Альфреду Потоцкому поручено переговорить с виднейшими русскими патриотами. По предложению о. Виницкого, старавшегося первоначально привлечь к этому делу сов. Ковальского, который отказался от участия в нем, не надеясь на успех переговоров с поляками, был избран для ведения переговоров Антоневиц. Он написал обширное письмо (как было условлено) по адресу о. Виницкого, в котором развивал свои взгляды на возможное соглашение. Письмо это, написанное по-польски, предназначено было собственно для министра Земляковского; но оно произвело, по уверению о. Виницкого, прекрасное впечатление и на гр. А. Потоцкого, а также на нового наместника Залеского. Когда гр. Потоцкий потребовал от Антоневица список лиц, с которыми следует вести переговоры, то он предложил в члены совещания о. Петрушевича и о. Павликова из своей (старорусской) партии, а д-ра Ал. Огоновского и Юл. Романчука – из украинской. Все приняли предложение гр. Потоцкого, тем более что, как скоро обнаружилось, он был посредником не поляков, а центрального правительства и, вероятно, самого государя. При таких обстоятельствах соглашение с гр. Потоцким представляло для Руси более гарантий, чем так называемая «новая эра». Это «соглашение», сохраняемое до сих пор в тайне, в

высшей степени замечательно. Деятельное участие в составлении его принимал Романчук. Вот почему трудно простить ему роль в «новой эре», которой он уничтожил и свое собственное дело.

Наиболее замечателен финал этого «соглашения». Принимая от русских депутатов готовый доклад, покойный граф произнес памятные всем слова: «Этот документ будет странствовать, поедет в Вену, вернется во Львов и снова в Вену; вы получите то, что вам следует, но не сразу, а постепенно... Правительство должно, однако, удовлетворить вас, ибо вы доказали, что у вас есть сила!» Этой силой, по замечанию автора, является народ. С этим согласился и гр. Потоцкий. «Поэтому вся наша деятельность, - заключает Антонович, - должна быть направлена на то, чтобы солидарностью снова приобрести силу; мы должны заботиться не только о просвещении, но и о материальном и нравственном возвышении нашего народа. Это начало и конец нашей политики».

Польская дипломатия, как мы уже заметили, усиленно старалась умалить значение «соглашения» с гр. Потоцким, а так как им интересовался сам император, то русских галичан представляли ему как «схизматиков», социалистов, анархистов, москвофилов и т. д. Все же, благодаря этому именно «соглашению», открыты были русские параллельные классы при перемышльской гимназии, и получено было место одного члена в областной управе; этим же обусловлено было распоряжение министра юстиции (от 9 июня н. ст. 1891 г.) относительно ведения ипотечных книг на русском языке. Русские послы считали своим долгом и дальше путем интерpellаций и предложений требовать других уступок, рассчитывая и впредь на сочувствие верховной власти.

В сеймовых кружках и за сеймом рассказывали следующую историю, или, скорее, легенду, которая как нельзя лучше характеризует положение русских. При императорском дворе и бедная Русь имела-де своих покровителей. Самым влиятельным из них был покойный наследник Рудольф, всегда горячо защищавший Галицкую Русь, особенно после поездки по Галичине. Император, внимая заступничеству любимого сына, потребовал основательного разъяснения галицко-русского вопроса, что возложено было на одного из венских гофратов, считавшегося знатоком галицких отношений. Он должен был представлять императору точные рапорты о польско-русских отношениях в Галичине. Оружие враждебной польской дипломатии тупело, и желаемый эффект не был достигнут. Дошло до того, что, как гласит легенда, одному высокопоставленному защитнику польской дипломатии было замечено: «Вы, наверно, смотрите на галицкие отношения через ваши специальные очки!»

Польская дипломатия убедилась теперь, что возведенное интригами здание скоро распадется вдребезги. Между тем русские послы проявили замечательную деятельность как в сейме, так и в Державной думе и на львовском вече 1889 г. Наиболее замечательна памятная интерпелляция их в сейм 16 ноября 1889 г., «поразившая интригу в самое сердце». Автором ее был собственно посол Кулачковский, Романчук же занялся лишь ее окончательной отделкой и первый подписал ее, принимая, таким образом, на себя ответственность за ее содержание. Эта интерпелляция была, без сомнения, не на руку областному управлению; лучшим доказательством этого служит тот факт, что русские послы М. (Мандычевский?) и О. (Озаркевич?), считавшиеся всецело правительственными, не хотели подписать ее. Сильное впечатление должна была произвести она и в Вене. В интерпелляции этой было сказано, что поляки, желая подавить национальное, культурное и экономическое развитие Галицкой Руси, представляют «русских», трудящихся на этом поприще, революционерами и социалистами, раздувая единичные и самые ничтожные факты до невероятных размеров.

Эта интерпелляция, а также решительный и солидарный образ действий русских послов на сейме 1889 г. вызвали в русском клубе мысль об изготовлении общей программы, которой в будущем руководилась бы вся Галицкая Русь. Изготовление ее поручено было Романчуку как председателю посольского клуба. 13 (25) марта 1890 г. созваны были Романчуком доверенные лица из Львова и провинции, одоббившие набросок его программы примирения и стремление к разделу Галичины, предложенное самим Романчуком. Но ни проект соглашения, ни политическая программа Галицкой Руси, ни адрес императору с жалобами на состояние Галичины не были готовы к сроку (к маю 1890 года).

Когда осенью 1890 г. снова собрался сейм, Романчук вместе с послами Кулачковским и Рожанковским снова принялся за изготовление программы общих действий. Замечательно, что программу эту Романчук обсуждал еще за несколько дней до произнесения так назыв. «своей программой речи» в сейме, и это обстоятельство служит лучшим доказательством, насколько неожиданна была эта речь для членов русского клуба. Но и на всех галичан она произвела чрезвычайно тягостное впечатление. Как школьники или грешники исповедали Романчук с К⁰ свое «credo» перед теми, кого никто не считал образцом лояльности. Еще страннее было подобное исповедание политической веры в устах митрополита, произнесенное перед либералами и жидами Львовского сейма. Что в этом не было никакой надобности, подтверждается заявлением правительственного ко-

миссара в сейме (24 окт. 1890 г.) о твердой вере правительства в лояльность русского народа к австрийской монархии и ее династии. Еще меньше оснований было для исповедания религиозного, ибо в Австрии свобода вероисповедания обеспечена основными законами.

Чтобы исправить все это зло и восстановить добрые отношения между галицко-русскими партиями, автор считает необходимым;

1) Совершенно забыть о «новой эре», а тем из послов, выборы которых состоялись «известным» всем способом, сложить с себя свои мандаты или, по крайней мере, отречься от служения своим протекторам.

2) Литературные и языковедные споры предоставить ученым и писателям, в компетенцию которых входит и вопрос об образовании литературного языка.

3) Остерегаться всякого нигилизма как в литературной, так в особенности в политической жизни, где он, как доказала «новая эра», действует самым разрушительным образом.

4) Заняться просвещением народа, улучшением его материального и нравственного быта.

5) Для достижения этой цели необходимо учреждать читальни, общественные склады хлеба и разных товаров, организовать общества трезвости, созывать веча и т. п. Тогда поляки, убедившись в нашей силе, перестанут мешаться в наши дела и оставят свои «сердечные указания» для себя.

Источник: *Будилович А.С. Галицко-русская политика последних лет // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнал. 1892. Т. 2. Май-август. С. 416-427.*

Source: *Budilovich A.S. Galician Russian Politics of the Last Years. Slavic Review. A Historic, Literary, Political Journal. 1892. Vol. 2. May-Aug. pp. 416-427.*

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

Антоневич Николай Иванович (1840-1919) - галицко-русский историк, публицист, политический деятель, депутат Галицкого сейма и австрийского парламента. Автор книги «Галицко-русская политика» (1891), которая была конфискована австрийской цезурой.

Antonevich Nikolai Ivanovich (1840-1919) - Galician Russian Historian, Publicist, Political figure, Deputy of the Galician Sejm and Austrian Parliament. Author of the book "Galician Russian Politics" (1891) which was confiscated by Austrian censorship.

УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/5

ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович анализирует причины червонорусской (русинской) эмиграции. Червонорусскими областями Австро-Венгрии ученый считал Восточную и Среднюю Галичину, Северную Буковину и Восточную Венгрию. А. Будилович полагал, что эмиграцию породили серьезные внутренние проблемы Австро-Венгрии. Среди них – национальный гнет со стороны поляков и мадьяров.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Галиция, русины, Австро-Венгрия, эмиграция.

THE RED RUSSIAN EMIGRATION

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich analyzes the reasons for Red Russian (Rusin) Emigration. The scholar considered Eastern and Central Galicia, Northern Bukovina and Eastern Hungary as Red Russian Provinces of Austro-Hungary. A. Budilovich supposed that serious Austro-Hungarian internal problems were the stimulus for the emigration. Among them - the national oppression from the side of the Poles and Magyars.

Keywords: A.S. Budilovich, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Emigration.

Червонорусские области Австро-Угрии, а именно Восточная и Средняя Галичина, Северная Буковина и Восточная Угория, как тысячу лет тому назад, так и теперь заселены сплошь ветвями восточного славянства и составляют как бы западный форпост русского народа. Насколько запомнит история, там никогда и не было других, старших туземцев, так что червонорусы или – как немцы, а за ними и наши западники любят выражаться – «рутены», «русины» составляют автохтонное население названных областей. Потому-то средняя часть большой Карпатской дуги, составляющая как бы позвоночный столб червонорусской народности, издревле называется в географической литературе «русскими горами, русскими Карпатами», в народных же говорах – Бескидами.

Но в древнее время это русское Подкарпатье шло гораздо далее нынешнего и на север, и на юг, и на запад, упираясь в спишские Татры с одной стороны, а в семиградские Альпы - с другой; в долине же угорской русские поселения забегали некогда далеко за Тису, которая в своем верхнем и среднем течении была рекой сплошь червонорусской. То же следует сказать о большей части ее притоков, в том числе и некоторых семиградских. Этой обширностью червонорусской территории, а также ее счастливым положением и богатством объясняется в значительной мере историческая роль червонорусских князей XII-XIII вв., в таких поэтических красках обрисованная и певцом «Слова о полку Игореве», который сам происходит, кажется, из Галицко-Волынской области.

И после падения своей независимости Червонная Русь, разделенная с XIV в. между Польшей и Угрией, след., как бы рассеченная пополам, все еще продолжала быть важным фактором в политических событиях Востока, определяя собою до некоторой степени величие Польши в 15-16 вв., а также значение Угрии при Людовике V., Гуниаде и Корвине, а позже воеводства Трансильвании с Восточной Угрией и Молдавии с Валахией. Даже в последнее столетие, по воссоединении всех под Габсбургами, червонорусские полки наряду с сербско-граничарскими всегда считались ядром австро-угорских армий, самой стойкой их частью. В области же литературной не червонорусы ли произвели лучшую из древнерусских летописей – Галицко-Волынскую? Не они ли дали нам св. Петра и целый ряд знаменитых богословов-полемистов XVI-XVII вв.? Да и в нынешнем веке из червонорусов вышло, при самых неблагоприятных условиях, немало замечательных ученых, писателей, деятелей, напр. наших Балудьянского, Орлая, Кукольника, Венелина, Головацкого, затем Снегурского, Зубрицкого, Малиновского, Яхимовича, Петрушевича, Федьковича, Наумовича, А. И. Добрянского и мн. др.! А сколько крупных талантов дала Червонная Русь полякам и в «золотой» сигизмундовский период, и в ближайшее к нам время! Да и мадьярский диктатор Кошут был собственно земплинец, след., происхождения угрорусского. Но всего замечательнее нынешняя духовная пробужденность червонорусского простонародья, особенно в Галичине, где оно в последнее десятилетие устроило целые тысячи читален, сотни обществ народной торговли, трезвости, десятки веч и раскупает по 5-6000 экз. изданий Общества Качковского, отчасти и «Просветы», поддерживая в то же время полдюжины газеток политического, религиозного и хозяйственного содержания. Если вспомнить, что число русских галичан определяется в 3 с небольшим мил. д., след., лишь немногим больше населения, положим, Волынской

губ., то нельзя не признать преимуществ крестьянина галицкого перед нашим по степени духовной пробужденности. Конечно, это объясняется самой трудностью общественно-экономических и народно-культурных условий жизни русского галичанина в сравнении с нашим подолянином или украинцем; но, во всяком случае, это служит новым доказательством редкой даровитости червонорусского населения и его прав на лучшую будущность.

Красота подкарпатской природы, относительное богатство ее и обычная консервативность характера и жизни горцев служат достаточным объяснением любви червонорусов к своей родине, в чем они нимало не уступают ни тирольцам, ни швейцарцам. Если поэтому червонорусскому крестьянину и приходилось оставлять иной раз свою страну для заработков, спускаясь, напр., на косьбу и жатву в долины мадьярского и румынского Потисья или мазовецкого Повислия, то подобные отлучки на отхожие промыслы длились обыкновенно лишь несколько летних месяцев, след., не разрывали связей населения с их родиной. Даже те спишские и шарышские коробейники, которые, подобно словакам турчанским, оравским и тренчинским, на более продолжительное время удалялись в Польшу, Западную Русь и др. смежные страны для продажи корзин, мышеловок и др. своих изделий, не могли еще называться эмигрантами, а лишь ходебщиками, которые непременно возвращаются домой, в свои насиженные гнезда, к своим оставленным семьям.

Так оно было издревле, в течение многих веков. Но в последнее 25-летие, со времени введения пресловутого дуализма и отдачи Руси Галицкой в кабалу полякам, а Закарпатской - мадьярам, червонорусские хождения мало-помалу начинают изменять свой характер: вместо смежных европейских стран они направляются теперь главным образом в Америку, причем постепенно теряют значение отхожих промыслов и перерождаются в настоящую эмиграцию. В Североамериканских штатах уже теперь насчитывают более 150 000 червонорусских рабочих, которые заняты главным образом в каменноугольных копях и составляют не один десяток приходов, имеющих свои церкви, причты и до некоторой степени оседлость в этих заокеанских колониях. Правда, большинство этих эмигрантов еще поддерживают связи с оставленной родиной и родными; многие посещают их хоть через несколько лет или и совсем возвращаются в свои прежние села, к своим семьям, выкупают свои заложенные евреям участки и возобновляют на них прежнее хозяйство. Но многие совершенно ликвидируют на родине дела, забирают с собой семьи и навсегда переселяются в Пенсильванию и другие штаты Северной Америки.

Но это эмигранты из гор, следовательно, местностей относительно глухих, недоступных для экономических улучшений, отсталых по условиям хозяйственной обработки и вообще жизни.

Но с лета нынешнего года началось еще более замечательное эмиграционное движение червонорусов из галицкого Подолья (округи Скалатский, Збаражский и смежные с ними), следовательно, из местности, которая доньше считалась как бы житницей Галичины и занимает в ней чуть ли не первое место по плодородности своей черноземной почвы. И вот эти подоляне целыми тысячами распродают свои дедовские поля и усадьбы, забирают жен и детей и вопреки всем отговорам местной интеллигенции и даже противодействию властей бегут через границу, в соседнюю Волынь и наше Подолье. Это уже не отхожие промыслы, не единичное выселение, а настоящая народная эмиграция, подобная ирландской в Америку или боснийской в Турцию.

Спрашивается, чем вызвано это выселение червонорусов, с одной стороны, из Подбескидья за океан, в Америку, с другой же – из галицкого Подолья в пограничные уезды Юго-Западной России?

В ответе на этот вопрос одни утверждают, что червонорусская эмиграция, подобно словенской из северных комитатов Угрии или польской из Западной Галичины и некоторых губерний Царства Польского, особенно Плоцкой и Ломжинской, вызвана исключительно искусственной агитацией еврейских агентов, состоящих на службе гамбургских и бременских судовладельцев, или даже североамериканских и бразильских спекулянтов и плантаторов, рассчитывающих иметь в русских, словенских и польских эмигрантах дешевую рабочую силу, как бы второе издание африканских рабов-негров. В подтверждение ссылаются на Вадовицкий процесс в Галичине против подобных агентов, окончившийся осуждением многих из них в Вадовицах, Осветиме, Беле и др. пограничных городках Галичины и Силезии. Нельзя отрицать, что некоторое число подкарпатских эмигрантов могло быть сбито с толку подобными еврейскими факторами, которые спекулировали при этом и на дешевую покупку движимого и недвижимого имущества эмигрантов при ликвидации ими дел на родине. Но почему же подобного рода еврейская спекуляция встретила наименьший отпор именно в среде подкарпатских славян, а не в других областях Австро-Угрии или Германии? Очевидно, в местных условиях жизни червонорусов, словаков и даже галицких мазуров были и есть какие-то условия, благоприятствующие спекулянтам эмиграции.

Другие объясняли ее непоседливым характером подкарпатских славян, их исконной страстью к отхожим промыслам и легкомы-

сленную погоней за легкой наживой. В самом деле, подкарпатские горали или горцы червонорусского, словенского и польского происхождения, как выше упомянуто, издревле занимались коробейничеством и ходили на заработки в долины; но, во-первых, это можно сказать лишь о собственных подкарпатских горцах, населяющих не более восьмой-девятой части той подкарпатской территории, которая охвачена теперь эмиграционным движением; во-вторых, характер этих старых временных хождений существенно различился от нынешних переселений – навсегда. К тому же подкарпатские эмигранты и в Америке, и в России вовсе не избегают тяжелых работ, а, наоборот, ищут их. Так, в С. Америке они в большинстве занимаются в рудниках, следовательно, самым тяжелым видом промышленного труда, на который у нас, напр., осуждаются каторжники. Можно ли назвать подобный заработок легкой наживой!

Были и такие голоса, которые вменяли червонорусскую эмиграцию в вину местным панславистам или панрусистам из школы Наумовича в Галичине и Добрянского в Угрии. Цель этих агитаторов состояла-де в том, чтобы сделать неприятность польскому и мадыарскому правительствам и обществам, ослабить рабочие силы этих областей и между прочим – военные контингенты Австро-Угрии в самых важных пограничных ее краях. В доказательство указывают между прочим на то, что эмиграция всего сильнее из тех именно уездов Угрии и Галичины, которые были средоточием якобы агитационной деятельности коноводов австро-угорского панславизма.

На это мы можем возразить, что, с точки зрения панславистов или панрусистов, если таковые вообще имеются в Австро-Угрии, гораздо желательнее бы усиливать славянское население Подкарпатья, особенно его русскую и словенскую части, чем ослаблять это население эмиграцией, да и вдобавок еще в Америку, в добычу англо-американской народности. Панслависты при желании насолить полякам, мадыарам или центральному правительству, вероятно, нашли бы более дешевый к тому способ, чем растрата лучших славянских сил за океаном. Да и эмиграция в Россию не могла бы не казаться им крупной стратегической ошибкой, именно ослаблением и без того слабого авангарда для усиления и так уже достаточно сильного центра или резервов.

Высказана была, наконец, догадка, что последний фазис червонорусской эмиграции, именно передвижение галицких подолян на Вольнь и в Украину, вызван был нарочно польскими чиновниками и помещиками Галичины перед ожидавшимся приездом во Львов императора, в видах еще более усилить недоверие последнего к лояльности его русских подданных и на таком фоне ярче выставить

свою польскую верность Габсбургам, чтобы этим способом выторговать какую-нибудь новую льготу для полонизма за счет дискредитированных червонорусов.

Но и это догадка кажется нам маловероятной. Во-первых, подобного рода эксперименты не лишены своей опасной стороны, как игра с огнем или ветром, который мог бы, наконец, вырваться из рук польских заправил и разрастись в опасную для них бурю. Во-вторых, поляки так уже много получили от Габсбургов, именно за счет червонорусов, что вряд ли остается уже что-нибудь существенное у последних для передачи полякам. Наконец, если бы поляки инсценировали всю эту подольскую эмиграцию в виде политического фона для львовских иллюминаций, то вряд ли они сами так испугались бы потом этого движения, которое было, кажется, главным поводом и отмены предположенного посещения Львова императором Иосифом.

Но если это так, то что же остается нам думать о причинах, вызвавших и поддерживающих червонорусскую эмиграцию в Новый Свет и Россию? А то, что это движение в основе своей вовсе не искусственно и не случайно, а, наоборот, совершенно естественно и даже неизбежно при нынешних условиях червонорусской жизни. Уже одно то, что начало рассматриваемого народного движения совпало со введением в Австро-Угрию дуализма, и что движение это постепенно возрастает с укреплением и развитием этого нового строя в империи Габсбургов, указывает на существование причинной связи между этим строем и эмиграцией. Да иначе и быть не могло: дуализм привел ведь к постепенному порабощению червонорусов галицких поляками, а закарпатских или угорских - мадьярами, след., создал новый период рабства, притом самой тяжелой его формы. В самом деле, что значит рабство, напр., восточное, состоящее в подчинении миллионов одному богдыхану, шаху или султану, либо даже рабство западное в средневековой его форме, где над массами воцарилась олигархия сословная в числе нескольких десятков, сотен или тысяч лиц и родов, что значат такие формы деспотии или олигархии в сравнении с новейшей формой – рабства народного, где количество привилегированных существ определяется уже не тысячами, а миллионами, напр. восходит в Галичине до $2^{1/2}$ мил. (поляков), а в Угрии - до 4 мил. (мадьяр)! Понятно, что такая тяжесть над головой, на шее, на плечах порабощенного народа должна давить его до смерти, по крайней мере до отчаяния и бегства куда-нибудь подальше, за море, за кордон! Механическая тяжесть такого инородческого ига тем чувствительнее и невыносимее, что оно не обусловлено ни завоеванием, ни духовным перевесом, ни

памятью о заслугах – личных или наследственных, а единственно придворными интригами и парламентскими фокусами, как это имеет место в Австрии и Угрии.

В самом деле, когда завоевали поляки Русь Червонную или мадьяры – Угорскую? Кто может доказать, что духовные дарования, умственная производительность, нравственная сила и культурные основы народности польской или мадьярской выше, чем духовная сила и мощь народа русского? Где в преданиях червонорусского народа те благодеяния или милости, которыми наделили их поляки или мадьяры, и за которые галичане или угорорусы должны теперь расплачиваться с благодетелями ценой своей свободы, своей человеческой и народной личности? Разве поляки или мадьяры просветили червонорусов христианством? Разве они создали первые червонорусские княжества, доставили народу начала государственного строя и гражданского развития? Разве они освободили Подкарпатскую Русь от монголов или турок? Они ли положили основу червонорусской письменности, грамотности, образования? Скорее наоборот, поляки и мадьяры позаимствовались этим у русских и, несмотря на то, не переставали издревле наносить тяжелые удары и червонорусской церкви, и государственности, и образованности. Ужели теперь эта разрушительная деятельность должна быть вменена червонорусами в заслугу полякам и мадьярам и оплачена вечным порабощением? Правда, поляки и мадьяры величают себя авангардом Западной Европы, *antemurale Christianitatis*, или, вернее, *Latinitatis*, носителями западной образованности в среду восточных народов вообще, а червонорусского в частности. Но если бы даже Червонная Русь была убеждена, что эта западная образованность, безусловно, выше восточной и для нее пригоднее последней, то и в таком случае было бы неясно, почему же червонорусы должны подчиняться служебным орудиям Запада, а не действительным его господам, народам романским и германским? Почему бы им предпочитать бледную польско-мадьярскую копию западной образованности ярким ее оригиналам – в Италии, Франции, Германии? Ужели червонорус не может изучать латинской или немецкой книги иначе, как в мадьярском или польском переводах?

Но нравственная унижительность подчинения сынов великого русского народа столь слабым и несамостоятельным историческим деятелям, как поляки или мадьяры, составляет далеко не единственный источник огорчений и бедствий нынешнего червоноруса. Дело в том, что поляки и мадьяры не удовлетворились теоритическим признанием первенства их народностей перед русской и всеми другими в Галичине или Угрии, а постарались и сумели извлечь для

себя из этой государственной теории громадные выгоды в областях политической, экономической, церковной, школьной - словом, во всех сферах физической и духовной жизни. И кто же оказался плательщиком за эти польские и мадьярские привилегии? Конечно, непривилегированные или поработанные народности Галичины и Угрии, главным же образом, червонорусы.

Прежде всего они были исключены из представительных собраний Цислейтании и Транслейтании посредством искусственной системы выборов, дающей все преимущества высшим слоям населения перед низшими, след., ополяченным и омадьяренным, перед чисто русскими в Подкарпатье. Где же оставался еще у червонорусов интеллигентный патриот, не изменявший своему народу и церкви, там на выборах пускаемы были в ход подкупы, давление чиновников и даже военная сила, чтобы не допустить подобного «панслависта» в сейм или центральные парламенты. Этим способом полумиллионная Русь Угорская вовсе лишена теперь представительства в будапештском сейме, трехмиллионная же Русь Галицкая если и имеет еще в львовском сейме и венском рейхсрате по несколько депутатов, то, во-первых, они принадлежат главным образом к полякующей младорусской партии, во-вторых, так малочисленны и настолько зависимы от польской администрации и своей запуганной иерархии, что не в состоянии ничего сделать в пользу народа ни в Львове, ни в Вене. Даже в Буковине, где громадное большинство населения принадлежит к русской народности на севере, а румынской - на юге, и лишь самый незначительный процент его приходится на долю немцев (вернее, евреев) и поляков, последние сумели уже втереться в черновецкий сейм, подчинить себе младорусских мамелюков и таким образом начали готовить «польское крулевство» в долинах Прута и Серета. Четверть века тому назад червонорусский народ имел еще в парламентах Угрии и Австрии таких представителей, как А. И. Добрянский, Петрушевич, Наумович, Ковальский, Геровский, Кулачковский и др. Теперь там заседают только гг. Романчук да Барвинский с 2-3 безгласными товарищами из полякующих. Даже во львовском сейме чуть ли не один профессор Антонович поддерживает еще достоинство червонорусского правительства. Таким образом, четырехмиллионный червонорусский народ, составляющий более 10 % населения империи, след., уступающий в многочисленности лишь немцам и чехославянам, равный по числу с мадьярами и значительно превышающий число поляков, вовсе лишен участия в представительном правлении, которое между тем кичится мнимым равенством прав и обязанностей каждого австро-угорского гражданина. Червонорус не может воспользоваться пар-

ламентской трибуной хотя бы для того, чтобы заявить свой протест против этой фиктивной равноправности и с достоинством выйти из «совета нечестивых» - верховодов из немцев и евреев, поляков да мадьяр. Наоборот, он должен перенести унижение – слышать с этой трибуны от своего имени речи якобы русских депутатов польского либо мадьярского происхождения или воспитания, всего же чаще – продажных ренегатов, которые выставляют перед немцами и евреями напоказ свое презрение ко всему русскому и славянскому, имея при этом бесстыдство именовать себя русскими или, положим, рутенскими, русинскими депутатами.

Удивительно ли, что при таком представительстве австро-угорское законодательство менее всего озабочено охраной прав и интересов червонорусских населений, а скорее наоборот, считает эти интересы самым удобным объектом парламентской спекуляции и отдачи на откуп тому, кто в данный момент более нужен правительству или верховодействующей партии! Такими откупщиками и оказалась на этот раз польская шляхта и ксендзы в Галичине, а мадьярские немешы, мадьярский интеллигентный пролетариат в Угрии. В руки этих откупщиков и перешли постепенно не только все почти червонорусские мандаты в сеймах, но также все почти административные посты в областях червонорусских, за исключением самых низких либо таких, которые требуют принадлежности к греко-униатской церкви, напр., по духовной службе. И в судебном ведомстве червонорусы были постепенно отодвинуты на задний план или, по крайней мере, удалены где-нибудь «на мазуры», в Вену, Инсбрук, чтобы лишить их возможности действовать в пользу соплеменников. Даже в области частной службы, напр., в железнодорожном ведомстве, общественных банках, управлении санитарном и т. п. червонорусы были вытеснены то поляками, то мадьярами, а нередко и евреями, так что для них осталась чуть ли не одна адвокатура да частная медицинская практика наряду с «душпастьством», низшим учительством и сельским или канцелярским писарством. При таких условиях не только крайне обеднела и оскудела червонорусская интеллигенция, но и простому народу трудно стало добиваться своего права и правды в правительственных учреждениях и присутствиях.

Сверх того, прокормление – и то обильное – массы польских и мадьярских чиновников, очень часто синекуристов, и само по себе было уже тяжелым бременем для червонорусского простонародья, которое между тем за свои приношения «на алтарь» польского или мадьярского «отечества» или «государства» не получало ни беспристрастного суда, ни скорой и действительной администрации, ни равенства фискальных прав и обязанностей с прочими согражданами,

принадлежащими к народностям господствующим, привилегированным. Даже при оценке земли как основе ее обложения поверочные комиссии нередко руководились не объективными данными, а соображениями о составе местного населения, так что оценка эта оказывалась во многих случаях непропорционально высокой в червонорусских горах, а более низкой в мадьярских или польских долинах. Даже при постройке железных и других дорог интересы мадьярских и польских помещиков, особенно более крупных и влиятельных, всегда стояли выше экономических нужд червонорусского простонародья.

Но чуть ли не главной причиной прогрессивного его обеднения было крайнее усиление в дуалистической Австро-Угрии евреев, которые не замедлили приписаться в Галичине к полякам, а в Угрии к мадьярам «Моисеева вероисповедания». Этим они возвысились до роли господствующей народности и воспользовались для захвата в свои руки не только множества влиятельных мест и должностей, особенно в городском управлении, но и значительной части, кое-где даже большинства движимой и недвижимой собственности, главным образом на площади червонорусского населения. Правда, от этого захвата сильно пострадали и «привилегированные» народности Галичины и Угрии: много исторических родов польских и мадьярских вытеснено уже евреями из наследственных поместий или настолько задолжали у евреев, что скорее могут считаться еврейскими управляющими, чем самостоятельными владельцами дедовской земли. Но такие захудалые шляхтичи и немеша имеют еще шанс поправить свое состояние в государственной службе при искусном, так сказать, доении казенной коровы... К тому же польские и мадьярские евреи, записавшись в поместную знать, не прочь породниться с шляхтичами и немешами, для чего принимают лютеранство или, по крайней мере, ту своеобразную австрийскую религию, которая носит характерное название Confessionslos, т. е. не принадлежащий ни к какому вероисповеданию. Этим же путем утраченные польской и мадьярской знатью поместья могут со временем хоть отчасти вновь к ней возвратиться в качестве приданого за вельможными евреями.

Гораздо безвыходнее положение червонорусского поселянина, задолжавшего еврею и заложившего или даже продавшего ему свой участок. Он переходит тогда в положение бездомного бобыля, илота, по рукам и ногам скованного своей зависимостью от еврейского шинкаря или ростовщика, осевшего на его дедовском участке. Если причиной разорения было пьянство, то подобный крестьянин так и погибает жертвой искусственно развитого местным шинка-

рем алкоголизма; если же виной была неудачная спекуляция на занятые у еврея под громадный рост деньги, то открывалась еще возможность выплатить этот долг и, след., разделаться с евреем на американские деньги. Вот это и было для червонорусского населения одним из главных побуждений ехать на заработки в Америку. Этим путем действительно многие подкарпатские села выкупились от еврейских кредиторов и даже закупили у местных помещиков более или менее значительные участки. К сожалению, пребывание в Америке в большинстве случаев не содействовало нравственному подъему червонорусских рабочих, а, наоборот, приучало их к своего рода роскоши, отрывало от вековых преданий и привычек, расстраивало жизнь семейную, наконец, нередко отражалось вредными последствиями на здоровье крестьян. При таких же условиях принесенные рабочим из Америки 1000 или даже 2000 долларов скоро опять оказывались в кармане местного еврея, шинкаря. Нужно было отправляться в Америку вновь и вновь, пока, наконец, не стала созревать в червонорусском крестьянстве решимость навсегда остаться в Америке, вдали от родины, но зато и от эксплуататора-еврея. Аналогичные экономические условия могли вызвать в среде галицких подолян решимость спастись от поляка и еврея – за кордон, в Россию...

Во всяком случае, нынешняя борьба червонорусского крестьянина с евреем за землю, следовательно, почти за жизнь, оказывается неравной. Она должна в более или менее близком уже будущем привести к полному обезземелению коренного населения, следовательно, к его батрачеству, к новому периоду рабства, тем более тяжелого и невыносимого, что это будет илотство русского под евреем, христианина под сухим и мрачным талмудистом... Легко представить, какими страшными катастрофами гайдамацкого типа чревато будущее арийского населения, осужденного на подобное семитское иго!

Но и этим не исчерпываются еще беды червонорусского народа. Закрепостив его себе в политическом и экономическом отношениях, поляки и мадьяры как христианского, так и Моисеева вероисповедания решились занести руку и на внутреннее содержание червонорусской народности, ее религиозные и вообще культурные основы в видах постепенного перерождения людей русских в поляков или мадьяр, след., косвенным образом – в немцев.

В этих видах Галичина, а в последнее время и Буковина постепенно наводнена иезуитами и их польским подобием – змартвухванцами или воскресенцами, в самом названии которых отражается возложенная на них задача «воскресить» отчизну. И добро бы еще

эти «отбудователи ойчизны» поселились и действовали где-нибудь между поляками и католиками; нет, они избрали объектом своей деятельности именно червонорусов, предполагая перевоспитать их в католиков, а затем в поляков и таким образом вырыть гроб для целого народа, далеко превосходящего галицких поляков и по числу, и по самобытности основ духовной жизни.

При помощи правительства и с благословения папы польские иезуиты подчинили себе галицко-русских иерархов, завладели монастырями, вторглись в русские школы, особенно богословские, забрали в свои руки образование подростка русской молодежи духовного происхождения, организовали повсеместно миссии в русских приходах, наконец, устроили даже во Львове митрополитальный синод галицко-русской церкви под председательством римского прелата, в видах декретировать этой церкви культ разных иезуитских святых, григорианский календарь, целибат духовенства и сближение богослужения греко-униатского с латинским. Правда, единодушный почти протест низшего клира, особенно против целибата, остановил пока иезуитских реформаторов галицко-русской церкви на полпути, но они вовсе не отказались от своих затей и возобновят натиск при первой вероятности успеха. Иезуитами, как теперь доказано, инсценирован был в 1882 г. и памятный процесс против А. И. Добрянского и многих галичан по обвинению в государственной измене. Да и до сих пор подобные процессы возобновляются от времени до времени, хотя и в меньших размерах, в надежде забрать слабых и наложить узду на более неподатливых. Дошло до того, что целые галицко-русские приходы совращаются в латинство, хотя это прямо противоречит условиям русской унии с латинскою церковью. Когда из содержимых ныне иезуитами питомников при монастырях, гимназий, семинарий выйдет новое поколение дрессированных в польско-латинском духе священников, тогда, конечно, не только григорианский календарь и целибат, но, пожалуй, и латинская месса не встретит с их стороны отпора в галицко-русской церкви. Но что скажет тогда народ? Пойдет ли он за ренегатским клиром или отвернется от него, как славные братчики XVI-XVII вв.?

Во всяком случае, в этих польско-иезуитских посягательствах на галицко-русскую церковь скрывается не только серьезная опасность для последней, но и источник брожения в среде червонорусского населения, следовательно, одна из причин его крайнего недовольства нынешней жизнью и эмиграционного порыва то в Америку, то в Россию.

В Угрии иезуиты пока не нашли еще простора, благодаря силе кальвинизма и вообще протестантства между мадьярами и в правя-

щих сферах. Но там червонорусскому населению предстоит другая опасность: стремление правительства омадьярить русскую церковь, заменить богослужение церковнославянское мадьярским, как это уже сделано в некоторых греко-униатских приходах за Тисой, «на ниру», как выражается народ. Замену эту можно бы оправдать господством мадьярского языка в этих частях Угорской России, следовательно, интересами духовного просвещения. Но на деле интересы эти стоят на заднем плане в соображениях мадьярского правительства; главная же его цель – пользоваться всеми средствами, следовательно, и церковью, для вытеснения всех угорских языков, особенно же ненавистного русского, в видах усиления и расширения языка мадьярского. К сожалению, угрорусское духовенство слишком уступчиво мадьярам насчет языка своей паствы. Оно не прочь не только в семьях, но и в церкви говорить по-мадьярски, пренебрегая при этом интересами простонародья, которое вовсе не понимает мадьярской речи, за исключением сел со смешанным русско-мадьярским населением.

В Буковине интересы русского населения в церквах приносятся иной раз в жертву языку румынскому, который почему-то считается там аристократичнее червонорусского. Но это не представляется нам столь вопиющей изменой народному делу, как подчинение полонизму или мадьяризму, потому что румыны принадлежат к нашей восточной церкви и образованности, след., духовная связь с ними не представляет культурного ренегатства, а наоборот, взаимную поддержку против общих недругов на Западе.

В школьных отношениях червонорусского населения также нельзя не видеть серьезного источника его огорчений и недовольства. В самом деле, в течение целого почти тысячелетия, со времен кирилло-мефодиевских, народ этот не только молился, но и учился на своем родном языке или очень близком к нему, священном органе славянской церкви. Даже в польские и австрийские времена не прерывались вполне эти давние традиции русско-славянской школы как в Литве и Украине, так и в Руси Червонной. Если же в системе среднего и высшего образования и были делаемы уступки в пользу инородческих языков, то уж никак не польского или мадьярского, а разве греческого, латинского, позже и немецкого, т. е. больших мировых языков, которым наравне с червонорусским подчинялись всегда и частные языки - польский да мадьярский. После таких вековых преданий не должно ли представляться крайне обидным и унижительным для русских жителей Галичины и Угрии подчинение в школах высших, средних, отчасти даже и низших их родного русского языка, с его безграничным простором и бесчисленным населением, совер-

шенно слабым и малораспространенным языкам польскому и мадьярскому! Не равносильно ли это предпочтение в червонорусских школах чужого польского или мадьярского языка своему русскому превращению великана в карлика, сокола в ворона, человека с обширным физическим и нравственным горизонтом в провинциала с колоколенным патриотизмом? По отношению к польскому языку еще можно, пожалуй, сказать, что он представляет хотя и не главную, но все же существенную ветвь великого славянского языка. Но что такое язык мадьярский, т. е. оторванный от своего корма и едва не заглушенный в чуждой племенной среде язык финский, в сравнении с русским или любым другим славянским? Какие горизонты он открывает? Какой дает выход из узкого Потисья в широкий свет Божий? Не представляет ли он, наоборот, рабской цепи, которая приковывает говорящего только на нем к крошечной тисо-дунайской Месопотамии, представляющей весь «глобус» распространения этого пигмейского языка! Бывали, правда, языки не важные в смысле численном и территориальном, но богатые в духовном отношении, по своему внутреннему содержанию или по культурным вкладам. Но мадьярский язык и в этом не представляет ничего крупного. По строению это язык агглютинации, т. е. второго класса по морфологической классификации В. Гумбольта, след., язык недоразвившийся до флексии, которая определяет тип языка славянского, как и всех других ариоевропейских, а равно семитских, т. е. всех высших культурных языков, за исключением китайского. С какой же стати, в каких культурных целях должен теперь славянин или немец в мадьярской школе опускаться с высоты флексии на уровень агглютинации, т. е. переходить от высшего типа языка к низшему, от своего арийства к финнизму, чтобы этим способом приобщиться к мадьярской народности и культуре? Да и какая же это культура? Помесь греко-славянской с латинско-немецкой, лишённая всякого оригинального содержания, следовательно, представляющая только мост от Востока к Западу, мост, по которому немцы совершают теперь свой *Drang nach Osten!*

Сознавая, что русская народность сама по себе, в своем этнографическом составе и историческом развитии бесконечно сильнее и польской, и мадьярской, особенно пока червонорусы держатся своих племенных чувств, связей и преданий, роднящих их с громадным русским миром на востоке, за кордоном, австро-польская и мадьярская политика поставили себе задачей разорвать эти связи, ослабить эти желания, отбить у червонорусов историческую их память и таким образом превратить их в ветвь, оторванную от своего родного ствола и засыхающую в невольной беспочвенности. Вот

цель преследования поляками и мадьярами так называемого на их языке панславизма или панрусизма, москвофильства; вот смысл искусственного развития в среде червонорусов племенного и культурного сепаратизма; вот, между прочим, объяснение политических успехов в последнее время в Галичине гг. Романчука и Барвинского, Савчака и Огоновского, вообще червонорусских сепаратистов, провозгласивших в сейме догмат племенной и культурной отделенности червонорусов от Руси закордонной, особенно же Великой.

В этом стремлении поляков подрезывать под червонорусами все их вековые исторические корни и таким образом ослаблять устойчивость в борьбе с полонизмом следует видеть объяснение и затеянной недавно в Галичине и Буковине реформы исторического червонорусского правописания, с заменой его так называемым фонетическим, в сущности же, совершенно произвольной смесью знаков то словопроизведенного, то звукового значения, которое может внести лишь смуту в сознание учащихся и во всяком случае ослабить связи русской школы с церковью, письменности светской с духовной.

Но если это так, если червонорусы низведены в нынешнюю дуалистическую эру к положению народно-политических париев, осужденных на вечное рабство привилегированным народностям; если они постепенно оттеснены от представительных учреждений, государственных и земских должностей и учреждений; если они все более и более подавляются и в экономической области вымогательствами государства, привилегиями знати и эксплуатацией евреев; если и в лоне своей народной церкви они не находят приюта, покоя и терпимости, а, наоборот, подвергаются гнету раболовной иерархии и разных пришлых орденов, особенно же исконных врагов всего русского – иезуитов; если школа считается в применении к червонорусам не средством умственного и нравственного развития, а скорее народного ренегатства, искусственного и насильственного перерождения в поляков да мадьяр; если правительство и верховодящая знать ежедневно вмешиваются и в червонорусскую науку, и в литературу, и даже в вопросы языка и правописания; если червонорусы своими глазами видят в руках своего правительства нож, занесенный над их головой, угрожающий всему их духовному достоянию, их преданиям, святыням, самому их имени, - то кто же станет удивляться, что поставленный в такое положение народ станет, наконец, разбегаться во все стороны света, чтобы спасти свою церковь, свой язык, свое народное существование!

И если в соблазнительной близости нескольких десятков километров находится страна, где живет родственное червонорусу на-

селение, где свободно развивается русская церковь, русский язык, русская государственность и народность, то как устоять ему от соблазна перейти через эту границу, перенести туда свой семейный очаг, свой труд и свои надежды на лучшее будущее?..

Все это так естественно, так законно, почти неизбежно, что следует дивиться не тому, что их перешло 3000 за раз, а, скорее, тому, что их не 3 миллиона!..

В самом деле, если обрисованное в этой заметке положение червонорусских населений в Галичине, Буковине и Угрии не изменится к лучшему, то никакие кордоны, никакие запретительные меры с австрийской и нашей стороны не остановят возрастающего потока червонорусской эмиграции как в Америку, так и в Россию. Так приблизительно смотрят на эту эмиграцию и беспристрастные поляки. В доказательство приведу выдержку из статьи: «О причинах отмены императорского приезда» в «Львовском курьере» (Kurjer Lwowski, 1 września 1892): «Эмиграция русского простонародья в Россию не должна считаться явлением столь маловажным и пустым, как думает большая часть наших официозов. Наоборот, это факт грозный, с точки зрения и общественной и политической. Это не выражение лишь недоверия к областному управлению, но просто акт политического отчаяния, который сильно компрометирует перед заграницей хваленое довольство австрийских народов. Подданные могут выражать свое крайнее недовольство государственными порядками только в двоякой форме: либо вооруженным восстанием, либо исполненной гнева и отчаяния массовой эмиграцией из страны. Народы горячие и порывистые предпочитают первый способ; наш же смиренный, но упрямый и глубоко чувствующий обиды русский крестьянин эмигрирует из края, где ни в ком не находит поддержки, где ему сочиняют искусственных представителей его воли и желаний, ставят потемкинские фигуры, называя их классическими, полнокровными русинами примирительной эры. Русский крестьянин с тихим проклятием на устах покидает государство, которого представитель, отуманенный лестью пропинаротов и карьеровичей, эмфатически повторяет за Вильгельмом II цинические слова: «Пусть себе уходят прочь недовольные и мятежные элементы»; других средств против гнетущей нужды он не находит! Трудно найти параллель для той флегмы, с которой гр. Бадени смотрел целые месяцы на русскую эмиграцию: он ограничивался сначала циническим вопросом, а потом, когда выселение приняло грозные размеры, расположил кордон с манлихеровками и распустил сказку о каких-то москалефильских агитациях... Понятно, что император устранился от жалкой пародии представления якобы умиротворенных русинов, опасаясь

услышать за ширмами этого дипломатического фиглярства окрики эмигрантов, уходящих их страны, где нет ни хлеба, ни законной оборони»...

Кажется, центральное правительство Цислейтании так и взглянуло на этот «исход» галичан. Носятся слухи, что император Франц Иосиф выразил желание, чтобы устранены были причины, вызвавшие столь опасное движение между «тирольцами Востока». Вряд ли, однако, ему известно, как глубоко коренятся эти причины в нынешнем государственном строе Австро-Угрии, в существовании народов государственных и негосударственных, привилегированных и поработенных, между которыми червонорусский занимает самое низкое место - ниже словаков, сербов, румынов, цыган, не говоря уже про хорватов и чехоморавян.

Не на нашей ли дипломатии лежит обязанность в самой дружественной форме разъяснить австрийскому императору опасность такого положения как для внутреннего мира его государства, так и для внешнего, особенно ввиду того, что народное брожение в Галичине неизбежно отражается в настроении и чувствах населения соседних областей России? К тому же эмиграция, подобная нынешней, ставит и наше правительство и общество в довольно затруднительное положение, вынуждая нас или оттолкнуть назад этих несчастных беглецов, что было бы крайне бесчеловечно и не по-братски, либо озаботиться их размещением в России, что в свою очередь не может не усложнить задач нашей собственной колонизационной политики. В дипломатической истории Австро-Угрии можно найти примеры подобного рода дружественных дипломатических представлений то в Турции, то в Сербии, Черногории, Румынии при аналогичных событиях, ставивших в затруднительное положение смежные с этими государствами области империи. Ведь этим, собственно, мотивировано было и занятие австро-угорскими войсками, а затем и администраторами турецких областей Боснии и Герцеговины, где аграрные движения, подобные галицким, вызывали эмиграцию в Далматию, Хорватию, Славонию и ставили администрацию этих областей в затруднения, подобные нашим нынешним на Волыни и Подолии...

Повторяем, червонорусская эмиграция вызвана серьезными внутренними причинами и не прекратится дотоле, пока они не будут устранены. Указать на это обстоятельство составляет не только право, но и долг нашей венской дипломатии.

СПб., 21 сентября 1892.

Источник: *Будилович А.С.* Червонорусская эмиграция // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 31. Сентябрь. С. 15-34.

Source: *Budilovich A.S.* The Red Russian Emigration. Slavic Review. Sept. 1892. Vol. 31. pp. 15-34.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(436).08

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/6

О ЗАДАЧАХ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЛАСТЯМ И НАРОДНОСТЯМ НЫНЕШНЕЙ ВЕНГРИИ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович поднял вопрос об изучении истории славян Венгрии. В то время венгерские власти пытались ассимилировать все невенгерские народности, «убрать» славянство из истории своей страны. Исследователь предлагает российским ученым активизировать изучение этой темы.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Венгрия, славяне, русины, мадьяризм.

ON THE OBJECTIVES OF SLAVIC-RUSSIAN ARCHEOLOGY CONCERNING REGIONS AND NATIONALITIES OF PRESENT-DAY HUNGARY

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich raised the question about the study of the history of the Slavs of Hungary. At the time the Hungarian authorities endeavored to assimilate all non-Hungarian peoples, "remove" Slavic civilization from the history of its country. The researcher proposed to Russian scholars that the study of this theme be initiated.

Keywords: A.S. Budilovich, Hungary, Slavs, Rusins, Magyarrism/

Хотя местная прибалтийская археология не может не считаться основной задачей Археологического съезда, собравшегося в г. Риге, тем не менее часть его внимания как съезда общерусского должна, конечно, быть обращена и на другие важные задачи русской археологии, отчасти же и тесно с ней связанной археологии общеславянской. В этом предположении я позволяю себе обратить внимание на вопрос, который, выходя за рамки археологии прибалтийской, составляет, однако, органическую часть археологии русской, осо-

бенно для древнейших периодов русской жизни, когда она протекала параллельно с жизнью прочих славянских народов, отчасти и в тесном взаимодействии с последними. К тому же нельзя упускать из виду, что даже для тех русских археологов, которые склонны ограничивать задачи своей науки исследованием доисторических и исторических древностей в пределах Русского государства, превращая, таким образом, археологию из науки этнологической в науку государственную, не может быть совершенно чуждой археология венгерская, или угорская, в частности же археология угрорусская и т. д., ибо в противном случае они были бы лишены возможности изучать русскую археологию сравнительно с русскими родственными ей отделами археологии европейской, т.е. были бы лишены того сравнительно-исторического метода, который оказался столь плодотворным в языковедении, мифологии, этнологии, социологии, даже вообще в истории и прочих науках гуманитарных, в том числе и в общей археологии.

Но и независимо от этих методологических соображений археология областей и народов нынешней Венгрии не может быть для нас безразлична и по своему содержанию.

Не разделяя высокомерного взгляда на эту землю местных - старых и новых - патриотов, выраженного в известном латинском двустишии:

Extra Hungariam non est vita:

Si est vita, non est ita,

мы не можем, однако, не признать, что по своему географическому положению, племенному составу и культурно-историческим отношениям страна эта имеет особую важность для научного изучения вообще, а археологического в частности, особенно в системе археологии славяно-русской. В самом деле, Венгрия - это как бы мост от областей русских к чехо-словенским, с одной стороны, а сербохорватским и словинским - с другой, в более же широком смысле - от мира восточного, сарматского, потом греко-славянского, к миру западному, римскому, романо-германскому.

Такое значение принадлежит Венгрии не в настоящее лишь время, но еще более - в прошедшем, во всяком же случае, с той отдаленной поры, когда, по словам нашей Начальной летописи, «сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне земля угорьска и болгарска».

То обстоятельство, что в середине Венгрии и на её юго-восточной окраине живут довольно плотной массой народы неславянские, именно мадьяры и румыны, вовсе не лишает этой страны значения срединного узла всего славянства, ибо названные инородцы настолько смешались со славянами в смысле физическом и нравст-

венном, что являются ныне как бы полуславянами и, след., законным предметом изучения в славянской этнологии, истории, археологии. С другой стороны, чудское происхождение мадьяр делает их территорию, предания, быт, важным подспорьем для чудского отдела нашей археологии, в которой они должны занять место наряду с эстами, финнами, корелюю, мордвою и другими нашими инородцами чудского корня.

Чтобы видеть всю важность для славяно-русской археологии вопросов, решение которых невозможно без основательного изучения вещественных и бытовых остатков угро-славянской старины, достаточно напомнить хоть некоторые из этих вопросов, например, о времени поселения славян за Карпатами и расселения их оттуда; об отношении угорских и дакийских славян к дакам и гетам, иллирам и языгам, кельтам и германцам, римлянам и валахам; о происхождении и древнейших границах Закарпатской Руси; о местоположении и племенных соотношениях Белой Сербии и Белой Хорватии; о древнейших племенных отношениях славян фрако-болгарских с одной стороны, а панноно-хорутанских - с другой; о племенных отношениях и дальнейших перерождениях гуннов и авар, угров и печенегов, половцев и узов; о племенном составе и культурном наследии Великоморавского государства; о первоначальной площади распространения кириллицы и глаголицы; о паннонизме в церковнославянской письменности в связи с историей Задунайской Венгрии; о времени и обстоятельствах распространения христианства между подкарпатскими славянами; о роли Венгрии в культурной борьбе мира латино-немецкого с греко-славянским и т. п. При изучении «Славянских древностей» Шафарика на каждой почти странице можно заметить, сколь важным подспорьем было для него при разработке этого сочинения близкое знакомство с географией, этнографией и историей родной ему Венгрии. Потому-то позволительно высказать предположение, что слабая разработка угро-славянских древностей является главным тормозом в дальнейшем развитии славянской археологии и истории.

Но, быть может, нам стоит лишь подождать, и все упомянутые, равно как и другие, смежные вопросы угро-славянской древности будут постепенно решены местными силами, в частности же мадьярскими учеными учреждениями и обществами, в каковых нет недостатка в Будапеште и многих других городах нынешней Венгрии? Ведь имеются же там археологические общества, музеи, коллекции, производятся раскопки, исследования, издания, словом, живёт и развивается мадьярская археологическая наука, в интересах которой организована была и выставка древностей в составе общей бу-

дапештской милленарной выставки 1896. Конечно, все это имеется в Венгрии, и на содействие местной мадьярской археологии можно до некоторой степени рассчитывать по вопросам археологии до-исторической, а также по археологии эпох римской, кельтской, до некоторой же степени и готской, гуннской, аварской, мадьярской, половецкой, турецкой. Но по отношению к археологии угро-славянской на труды учёных и учреждений мадьярских мы рассчитывать никак не должны.

Со времени возникновения и постепенного развития в Венгрии мадьяризма как национально-политической тенденции, задавшей целью заглушить все немадьярские народности Венгрии и переплавить их в народность мадьярскую, перестали появляться в ней ученые, которые, подобно старым Белю, Вагнеру, Бортоло-Мендесу, Катоне, Фейеру и н. др., не игнорировали вполне и славянства в своих исследованиях и изданиях. Теперь началось систематическое замалчивание в прошлом всего славянского, так что уже мадьяры являются главным героем венгерской истории, хотя всем известно, что не они, а славяне были господствующим народом Венгрии не только при Арпадовичах, но и в позднейшие века, при Корвине, Заполье, Раковском, вплоть до Кошута и Деака, вследствие чего история Венгрии настолько же славянская, как и история Хорватии, Чехии, Польши и вообще западного славянства.

В дальнейшем своём развитии мадьярский шовинизм дошёл до того, что задался целью вытравить все это славянство не только в настоящем, но и в прошлом Венгрии. Наглядным доказательством того служит упомянутая милленарная выставка, на которой в историческом отделе собрано много остатков старины мадьярской, отчасти и латинской, немецкой, румынской, но почти ничего славянского. Единственное исключение сделано для хорватов и сербов-босняков, которые, впрочем, не входят уже в Венгрию и имеют особую историю и особые стремления, тяготея в смысле и национальном и политическом вовсе не к Будапешту, а к Загребу и отчасти Белграду.

Мы не должны, впрочем, удивляться указанному смешению в нынешней мадьярствующей Венгрии задач научных с политическими. Более или менее это заметно и в других австрийских землях, например в Галичине, Чехо-Моравии, Словении, Далмации. Да и вся Габсбургская империя опирается скорее на историческом, чем на естественном праве, более на традициях, чем на народных желаниях и интересах. Потому-то и в истории возрождения австрийских славян чуть ли не главными деятелями пришлось быть археологам и историкам, каковы, напр., Добровский, Добнер, Шафарик, Палацкий, Томек, Эрбен, Воцель и др. Даже Коллар в своей знаменитой поэме

«Дочь Славы», которая признается чуть не евангелием всеславянства, признал нужным опираться главным образом на археологические данные. Отсюда понятно, почему мажарские шовинисты, воздвигнув гонение на славян современных, должны были принять меры, чтобы уничтожить их в венгерском прошлом - закопать их, так сказать, в землю и прикрыть эти могилы монументами мажаризма. В этих именно видах и сооружают они теперь такие монументы в семи пунктах, якобы прославленных в истории Арпада, фальсифицированной по анонимному нотарию короля Бельи. В числе этих семи пунктов находится, между прочим, урочище Собор под Нитрой, в самом названии которого ясно выражается связь с церковной историей славянской, а не мажарской.

Таким образом, мажарская археология при нынешнем её направлении является не сотрудником, а скорее врагом археологии угро-славянской, которая вследствие того должна действовать совершенно самостоятельно, если желает разрешить хоть часть основных своих задач по отношению к этой стране и её населению. Такая самостоятельность тем необходимее, что в нынешней Венгрии более или менее успешно развивается лишь политическая литература, в частности же, публицистика. Историография же сильно поотстала, как видно из существующего в ней культа легендарной хроники упомянутого анонима Бельи. Полумифический рассказ последнего о событии, столь отдалённом от него, как прибытие в Венгрию Арпадовой или вообще мажарской орды, считается в этой историографии как бы догматом веры, который по случаю миллениарного юбилея скреплён санкцией обеих палат и включен в свод законов. По отношению к нынешней мажарской филологии тоже подтверждается незаконченным еще спором последователей Буденца, с одной стороны, а Вамбери - с другой о чудском или тюркском происхождении нынешних мажар. Много ли можно ожидать славяноведению от такой истории, археологии, филологии, этнологии?

Самостоятельные разыскания в области угро-славянской археологии представляются тем более настоятельными, что количество её источников с каждым годом не увеличивается, а убывает. Я не имел возможности проверить нарекания местных славянских учёных на тенденциозное сокрытие мажарскими археологическими институтами следов и остатков угро-славянской стороны; но упрёк этот представляется не невероятным ввиду общеизвестного факта насильственного закрытия мажарским правительством Словенской матицы в Турчанском св. Мартине с её библиотекой, архивом, музеем, которые если и не погибли еще, то стали совершенно недоступны для изучения. Столь же насильственным представляется упомя-

нутый уже выше тенденциозный подбор предметов, выставленных в историческом отделении будапештской выставки 1896 г. Никто не поверит, что в государственных и частных древохранилищах Венгрии, а отчасти Австрии, Турции и других соседних стран ничего не осталось от многовековой жизни и деятельности угорских славян. Очевидно, остатки эти упрятаны на задних планах музеев и архивов, если вообще они не исключены, так сказать, из описей по негодности.

Если к этому прибавить, что в нынешней Венгрии систематически вытесняется славянский язык из употребления не только официального, но, по возможности, и частного; что административными мерами и официальной картографией постепенно вытравляются славянские названия городов, селений, рек, гор, урочищ и т. п., заменяясь испорченными или новосочинёнными названиями мадьярскими, вроде, например, Балатон вм. Блатно, Каса вм. Кошицы, Бартфи вм. Бардеев и т. п.; что даже в фамильных названиях всё славянское искусственно и насильственно заменяется мадьярским; что вследствие такого гнета со стороны государства постепенно замирает и в народном употреблении словаков, угрорусов, угросербов, угрорхорватов и т. п. славянская речь, песня, сказка, словом, все живые предания славянской старины, то нельзя не признать, что по истечении нескольких десятилетий не может не сократиться материал угро-славянской археологии, а в некоторых случаях и совершенно исчезнуть. А с тем вместе затруднится или даже исчезнет возможность решения многих основных вопросов славянской древности, так или иначе обусловленных изучением вещественных и бытовых её остатков в Венгрии.

В несколько лучшем положении находятся в этом отношении земли угро-румынские, а именно те части Семиградии, Баната, Буковины, которые входят в племенной район археологии румынской. Последняя имеет сильные центры и в самой Венгрии, где еще сохранилась часть румынской аристократии и богатого духовенства, и еще более в Румынском Королевстве, ученые учреждения и общества которого принимают, наряду с богатыми частными лицами, живейшее участие во всем, что относится к истории и этнологии австро-угорских румынов.

В гораздо меньшей степени могут в этом отношении опираться на заграничные научные центры угорские славяне, особенно словаки и угрорусы, ибо сербы и хорваты по нужде могут иногда пользоваться содействием учёных белградских и загребских. Словаки лишь в слабой мере могли опираться в этом отношении на соседних чехо-мораван, а угрорусы еще менее - на галичан, которые сами

довольно беспомощны в борьбе с враждебными стремлениями не только в жизни, но и в науке. Правда, от времени до времени в Венгрии появлялись и наши славяноведы, например, Надеждин, Срезневский, Ламанский, Грот, Кочубинский, Филевич и н. др., которым наука обязана некоторыми важными вкладками в угро-славянскую историю, этнологию, археологию; но подобные частные поездки, предпринимаемые обыкновенно в одиночку и со скудными средствами, не могут восполнить тех громадных пробелов в указанных областях славяноведения, для устранения которых необходимы коллективные усилия богатых материальными и нравственными средствами учреждений и обществ - вроде, например, тех, какие были в последние годы направлены в России на изучение археологии и этнологии Кавказа, Крыма, Средней Азии.

Необходимые для этнологического и археологического исследования Венгрии силы и средства можно бы, полагаю, собрать, если бы во главе подобного научного предприятия стало русское Археологическое общество, которое могло бы в этом случае обратиться к содействию археологов червонорусских, чехо-словенских, сербохорватских, румынских и др., при посредстве соответственных заграничных учреждений и обществ. Можно бы, кажется, рассчитывать при этом и на содействие нашей Академии наук, Императорского Географического общества, летописца Нестора и др. Это было бы предприятием, достойным нынешнего положения русской науки вообще, а русской археологии в частности, ибо не может же последняя ограничить свои исследования древностями скифскими, чудскими, тюркскими и другими инородческими, оставляя на заднем плане древности славянские или славяно-русские, если они находятся за нынешними, случайными пределами Русского государства.

Правда, экспедиция в нынешнюю Венгрию, хотя бы даже столь невинная, как археологическая, могла бы возбудить разные подозрения в мадьярском или мадьяронском обществе и, следов., вызвать некоторые затруднения для участников. Но затруднения эти не могли бы быть столь значительны, как те, с которыми приходилось бороться Пржевальскому, Станлею, Нансену и побеждать их под знаменем науки. В данном случае славянские археологи могли бы, полагаю, рассчитывать на содействие и русской дипломатии, которой было бы нетрудно исходатайствовать у местных властей разрешение для членов экспедиции производить раскопки, изучить музеи, библиотеки, архивы и т. п.

Но если коллективное предприятие этого рода оказалось бы невозможным по тем или другим причинам, то, быть может, найдется в России частный любитель археологии, который на собственные

средства снарядит подобную экспедицию, как это сделал недавно мадьярский граф Зичи, изучавший в России родину мадьяр и составивший значительную коллекцию, фигурировавшую на Будапештской выставке 1896 года.

Подобная даже частная русская археологическая экспедиция, направленная в страну, которая, по нашей Начальной летописи, была именно колыбелью славянства, могла бы не только дать важные научные результаты, но и поддержать дух угрославын, укрепить их народную память, хранящую столько остатков «живой старины», следов., спасти от гибели хоть часть последней.

На основании изложенного я просил бы съезд выразить пожелание, чтобы наши археологические учреждения и общества включили Венгрию в круг своих исследований, от времени до времени снаряжали бы туда научные экспедиции и оказывали содействие частным лицам при изучении и издании хранящихся в ней остатков славянской древности.

Источник: *Будилович А.С. О задачах славяно-русской археологии по отношению к областям и народностям нынешней Венгрии // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. С. 264-269.*

Source: *Budilovich A.S. On the objectives of Slavic-Russian archeology concerning regions and nationalities of present-day Hungary. The Works of the 10th Archeological Congress in Riga. 1896. Under the editor graf P.S. Uvarov. Moscow: Typography of G. Lissner and A. Geshel, 1899. pp. 264-269.*

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of

the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(436).08

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/7

СОВРЕМЕННЫЙ МАДЬЯРИЗМ В ПЕРСПЕКТИВАХ УГРО-СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ И ЖИЗНИ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович показывает влияние славянского фактора на историю Венгрии и современный процесс мадьяризации страны. Он анализирует эту политику, указывает на невозможность ее осуществления и ее вред для Венгерского государства.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Венгрия, славяне, русины, мадьяризация.

MODERN MAGYARISM IN THE PERSPECTIVES OF A UGRO-SLAVIC HISTORY AND LIFE

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich shows the influence of the Slavic factor on the history of Hungary, the contemporary process of the Magyarization of the country. He analyzes this policy, he points out the impossibility of its realization and the detriment of it for Hungarian statehood.

Keywords: A.S. Budilovich, Hungary, Slavs, Rusins, Magyarism.

I

Приблизительно за тысячу лет тому назад угорской или мадьярской ордой Арпада разрушено было Великоморавское государство Моймировичей, игравшее столь видную роль на заре славянской истории, особенно при основании свв. Кириллом и Мефодием славянской церкви и письменности. На развалинах этого государства в первом десятилетии X века возникло государство Угорское (или, по польской огласовке, Венгерское), которое при всех превратностях судьбы сохранилось, хотя и условно, до наших дней, пережив кру-

шение многих других смежных государств, напр., Чешского, Польского, Хорватского, основанных приблизительно в ту же пору.

Много было споров о том, чем объясняется такая живучесть Угорского государства и мадьярской народности, которая, будучи оторвана за тысячу лет назад от своего урало-алтайского ствола и заброшенная судьбой на дальний запад, сохранилась донине в долине Тисо-Дунайской, тогда как от более могущественных некогда кочевников, напр., гуннов, аваров, печенегов, никаких следов в этой долине не осталось? Одни объясняли эту историческую и этнологическую загадку выдающимся политическим смыслом мадьярского племени и вышедших из его среды государственных деятелей, вроде Арпада, св. Стефана, св. Ладислава, Бельи IV, Людовика Великого, Яна Гуниада, Матвея Корвина, Запольи, Батория, Бочкая, Бетлени, Текели, Ракоци и др.; другие – приливом в Угрию XI-XIII вв. новых половецких или куманских орд, а также оказанной мадьярам в XVI-XVII вв. поддержкой со стороны родственного им турецкого племени и государства; третьи – неорганическим характером культурных воздействий на угорские народы со стороны столь искусственных образований, как латинская церковь, латинский дипломатический язык, латинское законодательство и управление, сословная конституция, иноземный двор и т. п.; иные, наконец, – исключительно благоприятным географическим и культурно-историческим размещением мадьяр в том поясе, где мир греко-славянский соприкасается с латино-немецким и взаимно уравнивается им, вследствие чего тут образовалась как бы мёртвая точка, где не могли вполне проявиться ассимилирующие силы ни одного из этих двух противоположающихся миров¹.

Но нас занимает теперь вопрос не о причинах долговечности Угорского государства и живучести мадьярской народности, а об отношениях первого и второй к историческим задачам и жизненным интересам закарпатского славянства; другими словами, желательно бы выяснить: является ли мадьяризм как одна из основных стихий Угорского государства полезным или вредным деятелем в прошедшем и настоящем западного славянства и вообще в развитии греко-славянской образованности?

II

На этот вопрос были высказаны и в западной, и в славянской науке два противоположных мнения: одни считали вторжение в Тисо-Дунайскую долину дикой мадьярской орды вредным для интересов и человечества, ибо это вторжение повлекло за собой опустоши-

¹ Ср. мою статью: Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896. С. 19-20.

тельные набеги мадьяр на Германию, Италию, Францию, напомнившие времена гуннов и авар, и германизма, отброшенного из Паннонии в страны подальпийские, и, наконец, славянства, разбитого мадьярским клином на две части, изолированные усилия коих были недостаточны для борьбы с Германской империей; другие же, наоборот, признавали это событие если и прискорбным для тогдашних поколений закарпатского славянства, то, вместе с тем, по последствиям благодетельным для него, ибо мадьярская орда, как некогда гуннская и аварская, а впоследствии и турецкая, отодвинула от Среднего Дуная к Литове (Лейте) пограничную черту Германии и, следовательно, спасла долину Тисо-Дунайскую от окончательного затопления немцами. С особой обстоятельностью рассмотрен этот вопрос К. Я. Гротом в сочинении «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» (СПб., 1881, стр. XI-XXI), где доказано, что Велико-моравское государство было слишком слабо для усиленной борьбы с Германией и, следовательно, предоставленное собственным силам, не могло бы охранить долины Тисо-Дунайской от постепенной германизации.

Но возникает вопрос: если даже допустить относительную пользу мадьярского вторжения в эту долину при ее государственных и народных отношениях в IX-X вв., то не было ли в дальнейшем ходе угорской истории переходов, когда мадьяризм оказывался, пожалуй, уже ненужным или даже вредным для местных и смежных славян и вообще для греко-славянского мира?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить два обстоятельства: 1) не возникло ли потом в странах прикарпатских государства и народа, которые лучше Угрии и мадьяр обеспечили бы от германизации долину Тисо-Дунайскую? и 2) не оказались ли потом мадьяры изменниками греко-славянства, и не стали ли они культурными спутниками или слугами чужого, латино-немецкого мира?

Ответы на эти вопросы не представляются столь лёгкими, как бы могло казаться, ибо ни в славянской, ни в западной литературе не имеется сочинений, где история закарпатских областей была бы изложена под таким греко-славянским углом зрения. У старых угорских историков имеется, конечно, много данных о значении славянской стихии в судьбах старой Угрии: но мадьярские историки новейшего времени тенденциозно обходят этот вопрос или даже стараются его запутать, чтобы тем рельефнее выдвинуть то действительные, то мнимые заслуги в угорской истории и жизни мадьярского элемента. Но всё-таки в общих чертах возможно и теперь оценить его значение в жизни западного славянства.

III

Рассматривая историю западных славян со времени падения Великоморавии или, вернее, превращения её в Угriu, мы замечаем, что хотя в разные эпохи появлялись там довольно могущественные государства, напр., болгарское при Самуиле Шишманиде и Иоанне Асене II, сербское при Стефане Душане, хорватское при Кресимирах, чешское при Оттокаре II, Карле IV, Юрии Подебраде, польское при Ягеллонах, Батории, Сигизмунде III, но всё-таки ни одно из них не могло обеспечить государственной самобытности даже ближайших своих областей. Все эти государства пали под ударами то Византии, то Венеции, то Германии, Турции и т. д. Нет никаких оснований предположить, что их упадок был бы предотвращён в случае завоевания любым из них долины Тисо-Дунайской, тем более что были эпохи, когда названные государства вступали в династические союзы или унии с государством Угорским (напр. хорваты в XII в., Польша при Людовике Великом и некоторых Ягеллонах, Чехия при Сигизмунде Люксембургском и т. д.), что не спасло, однако, их от крушения. Если чехи не сумели отстоять от немцев даже своих кровных областей в Чехии, Моравии, Силезии, если поляки вынуждены были уступить немцам всё ляшско-балтийское поморье, и поляки даже не могли утвердиться в польской Силезии, Великой Польше, на устьях Вислы, то могли ли они что-либо предпринять для сохранения за греко-славянством долины Тисо-Дунайской? Что же касается югославян, то встарь, как и ныне, мечты их были обращены не на Тису или Дунай, а на юг, к тёплым побережьям то Адриатики, то Эгейского моря, то к заветным стенам Цареграда.

Было время, когда и наши Рюриковичи находились в живых сношениях с угорскими Арпадовичами, когда, по свидетельству «Слова о полку Игореве», Ярослав Осмомысл Галицкий «подпирал своими железными полками горы угорские, заступая королю (угорскому) путь, затворив Дунаю ворота, суды рядя до Дуная»; но и в ту пору государи червонорусские не могли прочно утвердиться за Тисой. Впоследствии же Русь была отделена от Угрии землями польско-литовскими, что отчасти продолжается донине, благодаря роковой ошибке, допущенной русскими дипломатами при разделах Польши по отношению к областям червонорусским. Ракоци II при неравной борьбе с императором германским пробовал было завязать сношения с Петром Великим, но это оказалось столь же затруднительным при чересполосности владений, как и впоследствии при императоре Николае I, когда Гергей с согласия Кошута отдавал Угriu под русское покровительство при капитуляции под Вилагошем. Отсюда следует, что и по падении Великоморавского государства не было

ещё на славянском западе государства или народа, которое имело бы и средства, и охоту взять на себя охрану для восточнохристианского мира славянского Закарпатья и областей Тисо-Дунайских.

IV

С другой стороны, нельзя не признать, что мадьяры, находясь в течение десяти веков в полнейшем взаимодействии со славянами, невольно уподобились им по физическому и нравственному типу, так что ныне являются одним из органических звеньев греко-славянского мира. На это указывает прежде всего принадлежность мадьяр к тому же чудскому племени, к которому принадлежат наши эсты, финны, лопари, зыряне, вотяки, мордва, черемисы, и которое неразрывно связано с русским народом с той отдалённой поры, когда, по преданию нашей Начальной летописи, «словене, кривичи и чудь» призвали варягов владеть и княжить в русской земле. Раньше прибытия в долину Тисо-Дунайскую мадьяры долго ведь жили под Уралом, на Волге, по Дону, Днепру и Нижнему Дунаю, где имели достаточно времени пропитаться славянскими стихиями ещё до основания Угорского государства. Впоследствии подмесь славянской крови в мадьярскую не прерывалась на протяжении целого тысячелетия, так что, с точки зрения антрополого-этнографической, трудно ныне определить в Закарпатье, где мы имеем дело с чистым мадьярином, а где с мадьяризованным славянином. Во всяком случае, мы не найдём там даже в пуштах Альфельда того белокурого или, как выражается простонародье, желтоглазого чухонца, который признается коренным представителем чудской или гиперборейской расы.

Ещё труднее допустить существование чистой чудской крови в среде мадьярской знати, немешей, интеллигенции, ибо с древнейших времён она имела в полиглотной Угрии смешанный характер. Если же могла идти речь о преобладании в этой среде той или другой народности, то таковое скорее принадлежало угро-славянам, а не мадьярам, за исключением разве первых десятилетий угорской истории. В доказательство можно сослаться на имена множества видных деятелей старой и новой Угрии, каковы, напр., Вранчич, Дражкович, Кеглевич, Юришич, Колонич, Зринский-Шубич, Запольский (Заполья), Раковский (Ракоци), Франкопан, Другет, Сечени, Кошут, Петрович (Петефи), Хорват, Слави, Тот (словак) и др. Даже нынешний так называемый национальный костюм мадьярской знати (вроде гусарского) напоминает народное одеяние словаков и хорватов, а никак не костюм настоящих мадьярских крестьян, сохранивших в пуште широкие платья наших малорусских поселян, унаследованные от степных кочевников.

Но особенно ярко отражается сильнейшее влияние славян на мадьяр в языке последних. На это было обращено внимание ещё в XVI в. знаменитым угорским государственным деятелем и лексикографом Вранчичем (Verantius †1617). Мадьярский же филолог Данковский в своём «Критико-этимологическом лексиконе мадьярского языка» (1833-36 гг.) насчитал между 4668 коренными словами этого языка не менее 1898 славянских и только 962 бесспорно мадьярских. Правда, Данковский не считается безупречным этимологом; но его выводы в значительной степени были потом подтверждены и Миклошичем. В сочинении «Die slawischen Elemente im Magyarischen» (Вена, 1871 г.) он представил доказательства славянского происхождения 956 мадьярских коренных слов, относящихся к быту церковному, государственному, экономическому и частному. Между этими заимствованиями находятся столь необходимые термины культурного быта, как названия дней недели, всех почти публичных должностей, важнейших культурных растений и животных, предметов земледелья и промышленности, домашней утвари и костюмов, членов семьи и множества племенных и местных названий. Уже из этого видно, какое обширное влияние имели славяне на все стороны культурной жизни мадьяр.

V

Это вполне подтверждается и фактами угорской истории, несмотря на крайне слабую разработку в науке вопроса о культурном взаимодействии славян с мадьярами на всём протяжении этой истории. Так мы знаем, что ещё при жизни славянских первоучителей мадьяры дважды приходили с ними в соприкосновение: раз в Крыму, во время хазарской миссии братьев, а позже – на Нижнем Дунае, незадолго до смерти св. Мефодия². Оба раза мадьяры с благоговением выслушали поучения славянских апостолов и поручили себя их молитвам. Неудивительно, что, заняв несколько позже долину Тисо-Дунайскую, мадьяры довольно скоро вошли в церковную организацию, унаследованную от Великоморавского государства, и приняли христианство в формах греко-славянской церкви³. Лишь после св. Стефана, который, по славянскому преданию, «преставился в благочестивой вере, отошел с миром в царство небесное»⁴, постепенно усилилось в Угрии влияние церкви латино-немецкой. Но всё же и в XI-XII вв. в ней на каждом шагу видны следы церкви греко-сла-

² Fontes Rer. Boh. 1, 13, 51.

³ Ср. мои: Очерки из церковной истории западных славян (Варш., 1880 г., с. 95-122), Общеславянский язык (СПб., 1892, II, 71-81).

⁴ Общеславянский язык, II, 72.

вянской, которая уже позже, при Анжуйцах, Ягеллонах, Габсбургах, была вытеснена церковью латино-немецкой путём разного рода церковных уний. Однако и теперь ещё мажарские поселяне с благоговением относятся к «вере старой» (o hit) и совершают требы в её церквях при опасной болезни или в других трудных положениях.

Правда, в среде мажарской интеллигенции мы нередко встречаем и очень враждебное отношение к «старой вере», но это объясняется не народными воззрениями и преданиями мажар, а новыми веяниями, распространяемыми то из Австрии, то из Польши, более же всего из среды мажарских масонов и евреев, составляющих ныне уже заметную примесь в мажарской интеллигенции. Всё же и в этой среде возникали уже попытки образования из унии всех греко-христианских церквей особой мажарской или, вернее, угорской церкви, наподобие галликанской во Франции. Отчасти это и осуществляется на деле введением, напр., мажарского языка вместо церковнославянского в богослужение некоторых униатских церквей на Верхней Тисе, Бодроге, Гернаде, вопреки запрещениям папы, который боится создать прецедент для введения мажарского языка вместо латинского в богослужение и угорских католиков. Да и новейшие церковно-государственные законы Угрии, открывшие возможность для мажарских католиков и кальвинистов переходить даже в еврейство, указывают на полное крушение в нынешней Угрии идей Пазмана, Караффы, Колонича, которые в XVII в. думали уже утвердить в Угрии католичество на развалинах не только протестантского, но и всех других христианских исповеданий, в том числе и заветного o hit'a.

В этом отношении мажарское общество имеет теперь бесспорное преимущество не только перед польским, но, пожалуй, и перед чешским, словинским, в среде которых идеи папизма нередко перевешивают соображения народной пользы и даже инстинкты народного самосохранения. Конечно, православие стоит ныне в глазах мажарского правительства и общества ниже всех прочих христианских исповеданий; но и это объясняется скорее государственными и племенными, чем вероисповедными условиями угорской жизни.

VI

В области государственных отношений Угрия не только в период Арпадовский, но и потом, при Людовике Великом, Гуниадовцах, Ягеллонах, находилась в самом тесном и непрерывном взаимодействии с наследием Великоморавского государства и со смежными славянскими народами. То, что называется несколько легендарно конституцией св. Стефана, основанной на жупном устройстве госу-

дарства, широком развитии вековых учреждений, децентрализации управления и федеративной связи племенных особей этого полиглотного целого, зародилось не в голове этого замечательного государя и не заимствовано из Германии, а осталось по наследству от государства Великоморавского. Потому-то и перешло в мадьярский язык из славянского такое множество терминов государственного быта, вроде, напр., краль (kiraly), жупан (ispan), князь (kenez), двор, придворный (udvar, udvarnok), столярник (asztalnok, talnok), товарник (tarnok), воевода (vajda), пристав (prisztaldus), слуга (szolga), стража (strazsa) и т. п. То же выражается во множестве славянских местных названий, перешедших и в мадьярский язык, напр. Пешт, Печь (Ресс, т. е. пять церквей, Fünfkirchen), Вышеград, Серенч (сържшти), Блатно и т. п.

Конечно, впоследствии, с XII-XIII в., всё сильнее стали вторгаться в Угriu вместе с папизмом и германизмом политические и социальные учреждения феодального Запада с постепенным усилением магнатов и шляхты (немешей) и порабощением крестьян; но частые крестьянские бунты в старой Угрии доказывают, что там в низах населения не умирали начала старославянского уклада общественной и народной жизни.

Международные отношения старой Угрии не отличались от смежных славянских стран. Те же бесконечные войны с немцами, а от времени и с восточными ордынцами, напр. с полчищами нашего Батия в XIII в., а турецких Магометов, Мурадов, Баязетов, Саламанов в XIV-XVII вв. Только в борьбе Премысла Оттокара II Чешского с Рудольфом Габсбургским угорский король Владислав IV помог последнему (в 1278 г.), чем и посодействовал грядущему величию Габсбургского дома. Это была, конечно, крупная ошибка, но не совершил ли подобной и названный Премысл II, когда пособил немецкому ордену в войне с прусскими литовцами и, между прочим, основал г. Кенигсберг (в 1255 г.), послуживший одной из главных твердынь балтийского германизма в войнах с литовцами, поляками и другими народами греко-славянской системы! А позже не повторил ли того же Иоанн Собеский под Веней, а Александр I – при освобождении немцев от Наполеона I? Да и император Николай I склонен был в период Крымской войны сравнивать себя с Собеским за спасение в 1849 г. Австрии, «удивившей позже мир своей неблагодарностью», по хвастливому изречению гр. Буоль-Шауенштейна, хотя возможна и другая, менее пессимистическая оценка нашей венгерской кампании⁵.

---

⁵ Ср. мою брошюру «О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов».

Во всяком случае, на греко-славянском западе никто – за исключением разве гуситских чехов – не отстаивал своей государственной независимости от немцев с таким упорством и одушевлением, как Угория. Когда же её собственные силы оказались недостаточными для отражения напора со стороны Германской империи, в которой при Карле V не заходило солнце, то угорские государственные люди, напр. Заполья, Бочкай, Бетлен, Текели, Ракоци, Зринский, Франкопан и др., предпочитали признать покровительство Турции, которая представлялась менее опасной для культурных и бытовых основ, чем империя Габсбургов. В конце XVIII в., когда под влиянием отчасти французской философии и революции, отчасти германизационных экспериментов Марии Терезии, Иосифа II, Фридриха II, особенно же благодаря ослаблению Турции и возвышению России при Екатерине II, началось медленное пробуждение и западных, и южных славян, и некоторых других народов греко-славянского мира, стали и угорские народы просыпаться от векового усыпления, в том числе с наибольшей энергией и сплочённостью – мадьяры. Если же народы эти всё-таки и доньше не добились хотя бы такой лишь степени государственной независимости, какой могут теперь похвастаться некоторые православные народы греко-славянского юго-запада, напр. черногорцы, сербы, болгары, греки, румыны, то объясняется это и некоторыми крайностями мадьярского возрождения, о которых скажем ниже. Но никто не станет отрицать, что завоевания германизма в течение XIX в. гораздо заметнее на племенном поле народностей польской, чехо-моравской, словинской, чем на заветных для Германии со времён Карла Великого равнинах древней Паннонии, а нынешней Угрии.

VII

Но можно ли согласить с теорией о принадлежности Угрии вообще, мадьяр в частности к восточному или южнославянскому миру утвердившееся, по-видимому, в ней господство чуждого славянству мадьярского языка и основанной на нём литературы?

Если бы иметь в виду единственно происхождение этого языка и его строение, то на вопрос этот следовало бы ответить отрицательно, так как язык мадьярский как один из финских или урало-алтайских, будучи построен не на флексии, а на агглютинации, гораздо ближе примыкает к языкам тюркским, чем к славянским и вообще арийским. Но если вспомнить, что в своём лексиконе мадьярский язык чуть ли не на треть корневого состава пропитан славянскими стихиями, которые отражаются также в мадьярской грамматике,

напр. в некоторых суффиксах и в формах спряжения⁶, то указанная морфологическая и генеалогическая дальность мадьярского языка от славянских значительно сокращается.

К тому же нужно иметь в виду, что в древнейший период угорской истории не мадьярский, а славянский, именно церковнославянский язык господствовал и в церковном, и в государственном, и в общественном употреблении. Иначе куда приурочить массу памятников этого языка, именуемых паннонскими и относимых к X, XI, XII векам? Да и старая легенда о кошельке св. Стефана с вышитой на нём церковнославянской надписью⁷ указывает на распространённость этого языка в Угрии Арпадовского периода. То же подтверждается указанным выше обилием славянских и, в частности, церковнославянских⁸ терминов, уцелевших в языке мадьярском и новейшего времени.

Только раннее распространение в Угрии латинского языка в церковном, государственном, а впоследствии и общественном употреблении постепенно ограничило область применения в ней языка церковнославянского, хотя, конечно, латинский язык как мёртвый не мог заменить для угорского общества языков живых: между последними особенно распространён был в Угрии Верхней язык словацкий или (с гуситского периода) чехо-словенский, а в Угрии Нижней – сербохорватский, игравший в XV-XVII вв. выдающуюся роль и в Константинополе⁹. Кое-где употреблялся, конечно, уже в старой Угрии и язык румынский (особенно в Семиградии), а у семиградских саксов в рудных городах Верхней Угрии и в пограничной полосе - угро-австрийской, различные диалекты языка немецкого. Но более широкое значение стал получать в Угрии этот последний только со времени Марии Терезии и Иосифа II, в затем в XIX в., при Меттернихе, Бахе, Шмерлите.

Что же касается языка мадьярского, то чрезвычайно слабая распространённость его в старой Угрии доказывается скудостью уце-

⁶ Miklosich, Die slav Elem im Magyar, 4.

⁷ Хранится в женском капуцинском монастыре и считается теперь архиерейским чулком XII-XIII в.

⁸ Сюда относятся, напр., мадьярские слова: donga (дѣга), gomba (гѣба), galamb (голѣбь), korong (крѣг), munka (мѣка), и г. Munkacs (Мукачев), paranesol (порѣчил), szombot (сѣбота), szomsed (сѣсед), Ungvar (г. Ужгород, от р. Уг, Ужок); menta (мѣта), pentak (пѣтк, пятница), rend (рѣд), szent (свѣт), szerencse (срѣшти), Lengyel (Лѣх, лях), szombor (Сѣбор), Pest (Пеш) и т. д. Ср. Mikl. Die slav. Elem. im Magyar., 9.

⁹ Ср. моё соч.: Общеслав. язык II, 191-196; 172-173.

левших его памятников. От времени Арпадовичей сохранилось всего два отрывка на этом языке, а именно: 1. Погребальное слово, в Пресбургском (ныне Будапештском) латинском миссале XIII в. и 2. Отрывки песни о непорочном зачатии, в Кенигсбергской рукописи XIV в. Несколько шире развилась мадьярская, церковная же по характеру письменность в XV и XVI вв. под влиянием сначала гуситского, а потом протестантского движения, выражаясь в легендах, переводах Библии и в полемических трактатах. Мадьярское же бытописание и поэтическая литература развивается собственно со второй половины XVI и в XVII в., когда этот язык мало-помалу проникает и в государственную область, особенно в Семиградии, при князьях Бочкае, Бетлене, Ракоци, поборниках не столько мадьяризма, сколько протестантизма.

Замечательно, что одним из первых по времени и достоинству мадьярских поэтов, как бы Ломоносовым их изящной литературы, был хорватский бан Николай Зринский (меньший), воспевший в 1651 г. на мадьярском языке «Гибель Сигета», где отличился другой, ещё более знаменитый Зрини, член той же знатной и древней хорватской фамилии.

Когда же после некоторого перерыва, обусловленного австро-иезуитской реакцией при Леопольде I и германизационными стремлениями Иосифа II, началось с конца XVIII в. более живое и непрерывное развитие мадьярской литературы, отмеченное именами Бешени (Bissenyi), Кишфалуди (Kisfaludy), Казинци (Kazincy) и за ними литературных героев XIX в. Верешмарти (Vörösmarty), Петефи (Petöfy), Арани (Arany), Иокая (Jokai), Мадаха (Madach) и др., то в этом движении приняли деятельное участие и угорские славяне, давшие мадьярам первого корифея их поэзии Петровича-Петефи. Равным образом и в научной мадьярской литературе XIX в., а также в мадьярской публицистике славянские вклады так значительны, что, быть может, и перевешивают вклады мадьяр, но это нелегко доказать примерами по той причине, что в Угрии, особенно новейшего времени, очень распространён обычай переименования своих фамилий. Да и в старое время, когда вопрос национальный ещё не играл роли, широко действовал в Угрии процесс смешения в высших и средних слоях населения разных народностей, с видоизменением фамильных названий в духе то латинского, то немецкого, то подчас и мадьярского языка. Впрочем, и сами мадьяры не отрицают ныне смешанного по племенному происхождению состава своей интеллигенции, а, следовательно, и своих писателей, ибо они употребляют слово «*magyar*» не в видовом только, но и в родовом значении, т. е. в смысле совокупности всех народностей Угорского государства,

насколько они признают «мадьяризм» национальной основой этого государства.

VIII

На этом последнем пункте мы должны остановиться несколько подробнее, так как в нём заключается разгадка того племенного антагонизма, который развился в Угрии новейшего времени и составляет главнейшее препятствие к упорядочению запутанных ныне мадыаро-славянских отношений.

Хотя возрождение мадыарского языка и литературы началось почти одновременно с таковым у западных славян и отчасти по сходным причинам, почему, думается, могло бы развиваться в направлении параллельном с развитием народностей и литературы западно-славянских, в частности же угро-славянских; однако с конца XVIII в. стало вкрадываться у мадыар в эту область такое стремление, которое не замедлило вызвать ожесточённое сопротивление со стороны всех немадыарских народностей Угрии. Увлечённые пылом борьбы с германизаторскими затеями Иосифа II мадыары или, вернее, их интеллигенты и шляхта (немешы) возомнили, что мадыарский язык призван в Угрии к той роли дипломатического или государственного языка, которая прежде принадлежала в Угрии языку церковнославянскому, потом латинскому, а со времени Марии Терезии и Иосифа II стала переходить к немецкому. Мало того, в среде мадыарской интеллигенции постепенно стало вырабатываться убеждение, что полиглотная со времён Ростислава Великоморавского и св. Стефана Угория может ещё переродиться в государство одноязычное, вроде Италии, Испании, Франции, и что роль такого племенного объединителя может принять на себя народ и язык мадыарский. Само собой, понятно, что все остальные народы и языки Угрии должны по этому плану перейти в положение национальных илотов, а затем и исчезнуть в массах мадыаризма.

Впервые проявилось у мадыар такое стремление на Пресбургском сейме 1790-1791 гг. Но окончательно оно окрепло в эпоху Меттерниха и Сечени и нашло себе открытое выражение в сеймовых декретах 1840 и след. годов. Мадыарский язык был объявлен тогда обязательным для всех граждан Угрии, а мадыарская национальность – их общей патриотической обязанностью.

Но так как подобное смешение терминов *угорский* (т. е. входящий в состав Угрии) и *мадыарский* (т. е. принадлежащий к мадыарской народности), основанное на скудости мадыарского языка, издревле употребляющего и в географическом и в племенном значении одно и то же название - *магуар*, *Magyarország*, противоречит всем историческим преданиям Угрии, которая со времён св. Стефана со-

знавала себя свободной федерацией населяющих её народов¹⁰, а не закрепощением одних из них другими, с другой же стороны, в виду того, что подобное посягательство одной народности на самое существование других не могло не вызвать в среде последних вековечных и неподавимых никакими софизмами инстинктов жизни, то стало очевидным, что на этой почве должна была возгореться смертельная борьба между дружественными дотоле народностями Угрии, полезная не для них, а единственно для *tertius gaudens* в соседней Германии.

Это и случилось в 1848-49 гг., когда все почти немадьярские народы Угрии, особенно же сербо-хорваты, словаки, угрорусы и румыны восстали против диктатуры Кошута, хотя он старался задобрить народные массы некоторыми социально-экономическими реформами. При таких условиях не могла и Россия оставаться безучастным зрителем происходившего в Угрии истребления славян и румынов мадьярскими террористами, что и привело в 1849 г. к полному крушению мадьяризма под Вилагошем.

IX

Можно было подумать, что этот печальный урок не пропадёт для мадьяр, и что в будущем они с большей верностью будут держаться народно-федеративной программы, завещанной св. Стефаном, вместо того чтобы увлекаться надеждами насильственного превращения Угрии в *regnum unius linguae unisque moris*, которое на памяти ближайшего поколения оказалось столь *imbecille et fragile*, выражаясь словами св. Стефана. К сожалению, это не оправдалось. После неудачного для Австрии исхода войн – итальянской в 1859 г. и прусской в 1866 г. – мадьяры, пользуясь её слабостью, успели мало-помалу отвоевать для себя в Угрии приблизительно то же народно-язычное положение, какое они занимали в 1840-х годах, и постепенно утвердили в ней не гегемонию только, но прямо терроризм мадьярского языка и мадьярской «политической национальности».

Правда, в первых адресах угорского сейма 1860-61 и 1864-65 гг., составленных по указаниям наиболее дальновидного из мадьярских политиков Деака, в ходатайствах о восстановлении государственных прав мадьярского языка ещё не было выражаемо посягательства на вынесение всех немадьярских языков из деловодства в областных присутствиях, в делах церковных, школьных,

¹⁰ Достаточно напомнить при этом данный св. Стефаном в завещании его сыну Эмерику совет - памятовать (на угорском престоле), что *unius linguae unisque moris regnum imbecile et fragile est*. Cp. S. Stephani Decretorum lib. I, cap. VI.

научно-литературных и т. д. В пресловутой 44 статье закона 1868 г. о народностях даже гарантированы были некоторые права и некоторый простор для языков немадьярских. Но вскоре оказалось, как это недавно разъяснено в угорском сейме депутатами Линднером (семиградский сакс, бывший профессор Колошварского университета по кафедре угорского права), Веселовским (словак) и Колларом (тоже), что забыты и добрые намерения Деака, и обещания упомянутых адресов, и даже закон 1868 г., который доньше остаётся мёртвой буквой, по собственному заявлению мадьярских депутатов сейма и самих министров.

Совершенно подавив немадьярские языки собственной Угрии и Семиградии, мадьярский язык с каждым днём всё более надвигается и на области Триединого королевства, особенно Загреб и Реку (Fiume), протесняясь к тёплым побережьям сербо-хорватской и словинской Адриатики.

Но особенно пострадали при этом словаки и наши ближайшие соплеменники угрорусы в северных и восточных жупаниях Угрии, где мадьярский терроризм выражается всего сильнее.

Такие факты, как закрытие в Турчанском св. Мартине словацкой матицы с конфискацией её библиотеки, архива, капиталов дома, а затем закрытие всех трех словацких частных гимназий по голословному, сознательно фиктивному обвинению в «панславизме» или антигосударственных стремлениях; как преследование по судам и тюрьмам словацких публицистов и учёных, всё за те же якобы антигосударственные агитации; как насильственный увод и увоз от словацких матерей их собственных детей с передачей их мадьярским поселянам Альфельда, якобы для улучшения судьбы и воспитания этих детей, призванных стать как бы янычарами хиреющего мадьяризма; как мадьяризация всех угрорусских, даже конфессиональных, средних и множества низших школ; как введение мадьярского языка даже в богослужение многих угрорусских униатских приходов; как навязывание словакам и угрорусам детских приютов для мадьяризации их детей за счёт самих родителей; как мадьяризаторская деятельность особых обществ (Енека, Femка), явно задавшихся целью вытравлять всеми мерами все немадьярские народности, особенно словацкую и угрорусскую; как полнейшая деморализация сеймовых выборов, нередко с поддержкой военной силы; как расстройство всех экономических отношений страны, особенно у горцев словацких и угрорусских, вынужденных спасаться от высасывания фискального и еврейского в Сев. Американские Штаты, Канаду, Аргентину и т. д., и т. д., - такие факты не могли не подорвать

в народах Угрии веры в политический смысл верховодящего в ней мадьяризма и в нравственные основы создаваемого им государства.

Смягчающим вину мадьяр обстоятельством является лишь то, что и славяне немало повинны в таком гипертрофизме этой «политической национальности»: 1) своей разрозненностью – вероисповедной, областной, племенной, особенно же отсутствием общего языка, который мог бы послужить дипломатическим для новой Угрии, подобно тому, как церковнославянский был таковым для Угрии древней; во-вторых же, угро-славяне виновны значительной деморализацией своих верхних слоёв, из среды которых выходили и выходят по соображениям оппортунизма бесчисленные ренегаты-мадьяроны, составляющие, наряду с мадьяронами немецкими и еврейскими, чуть ли не самую фанатическую и шовинистическую часть мадьярской интеллигенции и бюрократии.

С другой стороны, нельзя не отметить, что чисто мадьярские народные массы, насколько они сохранились, вовсе не разделяют славянофобства мадьярской и мадьяронской интеллигенции, а наоборот – доныне находятся в исконно дружественных отношениях к соседним селениям словацким, угрорусским, сербо-хорватским, румынским и т. д., охотно сообщаются с ними на одном из славянских языков и нередко выражают по разным поводам даже активное сопротивление своим мнимым благодетелям из среды немешей или бюрократии.

Из этого видно, что нынешняя система мадьяризма, не имея корней в прошлом Угорского государства, не может опереться и на чувства мадьярских масс, следовательно, является искусственным продуктом либо недомыслия, либо низменного оппортунизма, даже не задающего какими-нибудь высшими, идеальными целями. Это своего рода пена, взбитая на поверхности народной жизни случайными вихрями, или даже плесень, покрывающая сверху застоявшуюся лужу. Стоило бы только пронестись над ней благодетельной грозой или несколько усилиться противоположному движению вод этого «Блатна», как от указанного национально-язычного новообразования и следов не останется в угорской жизни, которая тогда обновилась бы на своих вековечных, кантонно-федеративных (как в Швейцарии) началах.

Х

Совершенная безнадёжность попытки омадьярить все народы Угрии с полной очевидностью представится каждому, кто хоть несколько знаком со взаимным отношением сил этих народов, их ме-

ждународным положением и вообще с процентом народной ассимиляции.

В физическом отношении, по свидетельствам даже мажарских статистиков, мажары не принадлежат к числу сильных и быстро размножающихся народов. Наоборот, они выдаются между прочими народами Угрии по малосемейности и слабому приросту населения. Так, ещё недавно мажарский статистик Евгений Варга (Varga) в соч. «Dunkle Punkte oder Vertheidigung der magyarischen Rasse», сравнивая итоги народного счисления в 1890 и в 1900 г., обратил внимание на то, что процент рождаемости понизился в Угрии в это десятилетие с 44,2 % на 1000 до 37,4, а кое-где до 24,2 на 1000. В 1890 г. в Угрии было 22 жупании с перевесом рождаемости над смертностью на 10 % на 1000, в том числе 13 чисто мажарских. По переписи же 1900 г. таких жупаний оказалось только 15 и между ними всего 6 мажарских. В некоторых кальвинских (след., мажарских) общинах рождаемость не превышает 18,3 % на 1000, следовательно, ещё ниже французской. В одной общине (Dees в жупании Tolna) в течение указанного десятилетия родилось 388, а умерло 504 лица. В некоторых общинах прекратилось-де и посещение школ за неимением детей школьного возраста¹¹.

Если тем не менее мажарские статистики утверждают, что относительная сила мажарского населения возрастает, и что теперь, по переписи 1900 г., оно якобы достигло 50 % всего населения Угрии, тогда как в 1860-х годах, по вычислениям австрийских статистиков, не превышало 38 %, то это самообман, который легко разоблачить простым расчётом национальных континентов австро-угорской армии. Из 830 т. её состава считается ныне: славян 430 т., немцев 227 т., румын 48 т., итальянцев 14 т., а мажар 127 т., т. е. едва 15 %, что при пропорциональной разверстке на Транслейтанию и Цислейтанию или Угрию даёт для последней 38 % мажарского населения¹². Это приблизительно соответствует и цифрам Чернига, насчитавшего по переписи 1851 г. всего 4 866 т. мажар на 36 398 т. населения империи (с Ломбардией и Венецией)¹³.

Но если бы мажары составляли в Угрии не треть, а половину населения, т. е. не 5, а 7 или 8 мил. душ, то и в таком случае они были бы по нынешним временам очень мелким и слабым народом, более слабым, чем, напр., поляки или румыны, которые между тем тоже не могут задаваться какими-либо ассимиляционными или вообще по-

¹¹ Ср. *Parlamentar. Wien*, 26 янв. 1902 г.

¹² Там же.

¹³ *Csoernig. Die Vertheilung der Völkerstämme in der Oesterr. Monarchie. Wien, 1856.*

литическими задачами в среде многомиллионных племенных групп современного человечества. Мадыяры, положим, относительно многочисленнее словаков, угрорусов, угросербов, угрорумын, угронемцев и т. д.; но ничто ведь не мешает угорским славянам объединиться на почве какого-нибудь общего языка, напр. русского, и тогда они в совокупности перевесят мадыярскую народность в отношении статистическом. С другой стороны, мадыяры являются оторванным от племенного ствола осколком, который лишён возможности опираться в материальном или нравственном смысле на силы, напр., Финляндии и вообще чудских соплеменников, тогда как все остальные народы Угрии имеют по соседству родичей, напр. румыны - в Молдо-Валахии, сербы - в Сербии, Боснии, Черногории, словаки - в Чехо-Моравии, угрорусы - в Галичине да и вообще в России, немцы - в Германии и т. д. Некоторые из этих народов могут опереться и на большие мировые языки, напр. немецкий, русский, с которыми, конечно, не впору тягаться языку и литературе мадыярской. Да и самая трудность изучения этого чудского языка для народов другого, именно арийского и флексивного происхождения и строения является непреодолимым препятствием для быстрого и глубокого распространения его в среде немадыярских народов Угрии. Эти трудности оказываются даже неодолимыми в низших школах и побеждаются только в школах средних, при громадной затрате времени, конечно, за счёт более важных предметов среднего образования. Немало вредит мадыяризму и давняя расколотовость мадыяр между церквами католической и кальвинской, взаимное отчуждение которых после ожесточённой двухвековой борьбы едва ли может быть устранено какой-нибудь формой унии, на началах вероисповедных или государственно-национальных. Усилившийся ныне в Угрии до опасных размеров юдаизм мог на первое время льстить мадыярам своей готовностью служить под их национальным знаменем, вплоть до открытого отречения от еврейской народности; но экономические и нравственные последствия этого «новомадыярства» (újmagyar) скоро оказались губительными не только для славян, но и для мадыяр, вызвали переворот отношений аграрных, движение эмиграционное и даже социалистическое, главным образом в жупаниях чисто мадыярских. Понятно, что этот своеобразный неомадыяризм, основанный на действительном или притворном отречении от еврейства, следовательно, на ренегатстве, не мог не понизить и общественных идеалов мадыярской интеллигенции, что отразилось и на всех ступенях жизни государственной, в деморализации учреждений законодательных, административных, даже судебных, как это ещё недавно доказано на страницах «Narodne Noviny» извест-

ным словацким юристом и деятелем Др. Мудроном и подтверждено в новейшей брошюре мадьярского публициста Людвика Мочари.

Невольно вспоминаются при этом слова блаж. Августина: «*Remota justitia, quid sunt regna nisi magna latrocinia*», которые некогда красовались на первых страницах «*Corpus juris hungarici*»...

Понятно, что при таких условиях, объявив борьбу на смерть всем немадьярским народам Угрии, государственные её люди не могут рассчитывать на патриотическую самоотверженность большинства сограждан. А так как сам мадьярский народ, даже со включением всех мадьяронов, слишком слаб для борьбы с окружающими великими государствами и народами, то при первом столкновении с ними это государство рассыплется, как это уже случилось с ним – правда, по другим, социальным причинам – после битвы под Могачем.

Кардинал Колонич при императоре Леопольде I говаривал, что он «сделает Угрию пленницей, потом нищей, а, наконец, католичкой»¹⁴. Перефразируя это историческое изречение, мы могли бы сказать, что нынешние мадьяры и мадьяроны хотят сделать Угрию ренегатской, потом мадьярской и, наконец, германской. Вся эта политика имеет смысл лишь в предположении, что она ведётся *pour le roi de Prusse*. Но так как последняя не переварила ещё своей Польши, то мадьярская Угрия выиграла некоторый срок для предварительного эксперимента.

Источник: *Будилович А.С.* Современный мадьяризм в перспективах угро-славянской истории и жизни // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1902. Октябрь. № 1. С. 2-13.

Source: *Budilovich A.S.* Modern Magyarism in the perspectives of a Ugro-Slavic history and life. News of the St. Petersburg Slavic Benevolent Society. Oct. 1902. Nr. 1. pp. 2-13.

Будилович Антон Семенович - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ

¹⁴ *Faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam.*

председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/8

ХОЛМСКАЯ РУСЬ И ПОЛЯКИ

А.С. Будилович

Резюме

Ниже опубликованы три статьи профессора А.С. Будиловича «Холмская Русь и поляки» (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). Он поднял вопрос о выделении Холмщины и Подляшья из состава польских территорий Российской империи в состав западнорусских областей.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Холмщина, русины, поляки, Российская империя, Польша.

RUS' IN THE LANDS OF KHOLM AND THE POLES

A.S. Budilovich

Abstract

Published below are 3 articles of Professor A.S. Budilovich "Rus' in the Lands of Kholm and the Poles" (reprint from "Borderlands of Russia", 1907, Nr. 2, 3, 5). He proposed the question of separating the Lands of Kholm and Podlasia from the structure of the Polish territories of the Russian Empire into the structure of the Western Russian Provinces.

Keywords: A.S. Budilovich, Kholm Lands, Rusins, Poles, Russian Empire, Poland.

I

По этим заглавию появилась в кадетской газете «Речь» (от 28 декабря 1906 г., №253) статья г. Владислава Тышкевича, в которой он от имени польского общества протестует против плана выделения из Польши Холмской Руси и включения ее в состав Киевского или Виленского генерал-губернаторства, апеллируя в этом отношении к русскому обществу. С полным вниманием относясь к мнению столь авторитетного в польской среде лица, стоящего, по-видимому, очень близко к варшавскому генерал-губернатору Скалону и к директору его канцелярии г. Ячевскому, нигде не опубликованные мнения которых по данному вопросу, а равно и направление их чувств он также излагает в своей статье, мы позволим себе остановиться на тех соображениях, которыми по этому изложению поляки и их русские

союзники мотивируют свой взгляд на невозможность перечисления Холмщины и Подляшья из состава Польши в состав западнорусских областей.

Соображения опираются отчасти на данных этнологии, отчасти же - истории и политики.

В числе данных этнологических гр. Тышкевич приводит, в сущности, теорию или, вернее, гипотезу пана Духинского о племенной отдельности западнорусской и восточнорусской ветвей русского народа, из которых первую пан Духинский, как известно, признавал славянской, а вторую - финно-татарской. Конечно, печатаясь в газете проф. Милюкова, гр. Тышкевич не решился обозвать его в глаза татаринном, а прибег к другой, более салонной терминологии, очень ходкой ныне в Галиции, где любят противопоставлять «русинов» «великороссам», или, как в Вене и Кракове охотнее выражаются, «рутенов» «москалям», «московитам». Но гр. Тышкевич забыл при этом, что псевдоантропологическая теория пана Духинского давно сдана в архив и на Западе; австро-польская же теория о племенном и историческом дуализме русинов и москалей выдумана политиками, а не учеными и ныне забракована даже на филологической кафедре Венского университета, где ее отчасти отстаивал одно время австрийский гоф-славист Миклашич. Неопровержимыми данными славянской диалектологии теперь установлено, что все наречия русского языка составляют столь же прочное единство, как все наречия польского, чешского, сербского или любого другого славянского языка. По единству же языков можно с уверенностью заключать и о единстве народов. Если же это оспаривается и теперь некоторыми профессорами Краковского, Львовского и Черновецкого университетов, то это объясняется их зависимостью от австро-польской администрации, которая со времен гр. Агенора Голуховского ревниво следит за недопущением на галицких и буковинских кафедрах опасного учения о племенном и культурном единстве русского народа.

Гр. Тышкевич должен согласиться, что и мазуры «ни в коем случае не могут быть отождествляемы» с великополянами или малополянами, а тем менее со слензаками или кашубами, и что, следовательно, на его противопоставление «русинов» «москалям» мы всегда можем возразить: не следует ли в таком случае и мазуров выделить из Польши? И этому предложению можно бы дать историческое обоснование, ибо известно, что еще в XIV в. Мазовия входила по временам в состав не Польши, а Чехии; другие же мазовецкие области до XVI в. были под немецким орденом - приблизительно те же, какие ныне входят в состав Восточной Пруссии.

Утверждение гр. Тышкевича, будто «за семь веков общей истории Польша органически слилась с Холмщиной», так что ныне «наиболее изящная искусственная оконечность не могла бы заменить полякам ампутированного члена», основано, очевидно, на предположении, что читателям «Речи» вовсе не знакома ни русская, ни польская история. Ведь коренным фактом польской истории, начиная с древних времен и до самого падения Речи Посполитой, был неорганический характер польской государственности. Сначала это был союз польских уделов с несколькими династиями, отчасти онемеченными. Со времени же Ягайлы это была федерация или, как поляки любили выражаться, уния двух государств, имеющих отличный племенной состав (в Польше - польский, а в Литве и входившей в нее Западной Руси - главным образом русский), два особых вероисповедания (там католическое, здесь православное и впоследствии униатское), два государственных языка (там латинский и позже польский, здесь же церковнославянский, а позже западнорусский), две системы права (ср. *Volumina legum* и Литовский статут) и даже две отдельные администрации (там король, здесь великий князь, а позже - особые коронные и литовские маршалы, канцлеры, гетманы и т. д.). Поляки стремились, правда, ассимилировать обе части государства в смысле племенном и культурном путем перенесения в Литву и Русь польских колоний, польской шляхты, ксендзов, иезуитов, польских школ, языка, законов. Но справиться с этой задачей они никогда не могли. Отсутствие прочного национального единства, в частности же непобежденный дуализм восточной и западной частей Речи Посполитой, был одной из главных причин ее падения.

И в этом дуализме Холмщина, составлявшая издревле органическую часть Волини и червонорусских областей, бесспорно, всегда принадлежала если не формально, то по существу к восточной, а не западной части конфедерированного государства. Русский народ искони населяет эту область; к русской системе княжеств принадлежала Холмщина со времен Владимира Святого; русские, а не польские государи построили Холм, как соседнее Берестье, а, вероятно, и Люблин (поляки называли бы его Любином); русские епископы издревле имели в Холме свой престольный храм. И этого коренного факта не могли уничтожить ни червенские походы Болеслава Храброго, ни захват червенских городов Казимиром Великим, ни насильственное включение Холмщины и Подляшья Люблинским сеймом 1569 года в круг воеводств малопольских и русско-украинских, ни присоединение ее по третьему разделу в состав Австрии, а впоследствии - в герцогство Варшавское и, наконец, в «Конгрессувку».

То обстоятельство, что Холмщина в смысле географическом стояла несколько ближе к Кракову и Варшаве, чем Восточная Воынь или Белая Русь, и что вследствие того Холмщина раньше и сильнее пришла в зависимость от Польши, чем эти последние, не изменяет факта исконной принадлежности Холмщины к культурной системе литовско-русских областей. Не меняет существенно дела и то, что после воссоединения всех западнорусских униатов с православием, сначала при Екатерине II, а затем при Николае I, одна Холмщина с Подляшьем оказалась прикованной еще на несколько десятилетий к тем промежуточным формам церковной жизни, какие издавна придумываемы были Римом – в Лионе, Флоренции, Бресте – для незаметного передвижения православных в лоно латинской церкви. Только для теоретиков догматики уния, хотя бы в формах Брестской, представляется ближе к церкви западной, чем к восточной. Для масс населения, которые в религиозной области питаются более стихиями нравственно-бытовыми и художественно-обрядовыми, чем догматическими тонкостями, уния, особенно наша западнорусская уния, сохранившая церковнославянское богослужение, старорусскую обрядность и народную иерархию, всегда представлялась в тысячу раз ближе к церкви православной, чем к римской, с ее латинским богослужением, напыщенными обрядами и целибатным клиром. Потому-то гр. Тышкевичу и не следовало бы так высокомерно относиться к описанному им влодавскому крестьянину, который находил, что уния, очищенная в своих обрядах, становится для русского поселянина настоящим православием. Ведь не мог же этот крестьянин находить последнее в догматических тонкостях о *filioque*, о папской непогрешимости и об *immaculata conceptio!*..

Этого рода взглядами простых людей на унию объясняются и известные из истории римской церкви массовые соращения униатов в православие при первом облегчении над народом гнета латинников, как это имело место и в византийских владениях, и в польско-русских.

Мы не сомневаемся, что и в Холмщине еще в сороковых годах прошлого века исчезла бы уния, если бы на эту область распространялась иерархическая власть приснопамятного Иосифа Семашко – не сомневаемся потому, что в ту пору под влиянием религиозного движения на Воыни и в Белой Руси несколько униатских приходов Люблинской губернии (Бабичи и другие селения) добровольно перешли в православие и донныне верны ему. Об аналогичном строении червонорусских униатов в Галиции и Угорской Руси можно судить по энергическим усилиям заменить унию православием в галицком селе Гнилички и закарпатском селении Иза.

Но чем же в таком случае объясняется неудача той попытки возвращения униатов в православие, которая имела место в Холмщине и Подлясье в 1875 г. и которая ныне разрешилась неожиданным переходом в латинскую церковь 150 или даже, по другому счету, 200 тысяч коренных русских людей?

Гр. Тышкевич объясняет этот факт главным образом тремя соображениями: во-первых, искренней привязанностью бывших холмских униатов к «римской церкви», в которой одной они могли-де «славить своего Бога» сначала тайно, а потом явно; во-вторых, своеобразным составом холмского духовенства, в котором преобладают-де политические, а не пастырские задачи; и, в-третьих, своеобразной миссионерской деятельностью «бывшего жандармского офицера», а позже седлецкого губернатора С.С. Громеки.

Первое из приведенных соображений опровергается тем общеизвестным фактом, что холмские униаты тысячу раз имели возможность осуществить свою «преданность римской церкви» не только в период Речи Посполитой, но и в эпоху Варшавского герцогства и Конгрессовой Польши, когда эта церковь считалась здесь господствующей, а прочие лишь терпимыми. Холмские униаты предпочли, однако, тогда «славить своего Бога» в церквях греко-славянского обряда, а не в латинских.

В 1840-х же годах, как выше упомянуто, между ними обнаружилось даже сильное стремление к православию, которое, однако, было задавлено униатской и латинской иерархией при содействии польских панов и обычном бездействии русского правительства.

«Русификаторское» направление холмского православного духовенства со времени воссоединения в 1875 г. не могло особенно пугать холмское население, потому что оно еще со времен св. Владимира было русским и этого не стыдилось. Что же касается предпочтения задач политических пастырским, то всему миру известно, что воинствующая церковь римская с ее дрессированным целибатным духовенством не уступала в этом отношении никакой другой.

Зато мы вполне согласны с гр. Тышкевичем, что в неудаче воссоединения в 1875 г. много провинился С. С. Громека, как и те – прибавлю – светские и духовные люди с гр. Толстым и епископом Попелем во главе, которые разделяли взгляд Громеки на характер унии и на способы ее устранения. Но, по нашему мнению, беда заключалась не в том, что Громека служил прежде «жандармским офицером», ибо гр. Тышкевичу должно быть известно, что и знаменитый архимиссионер Игнатий Лойола был офицером раньше, чем сделался основателем Ордена иезуитов. Неверно и то обвинение Громеки, будто он не понимал речи местных крестьян и введен был в за-

блуждение приводимой гр. Тышкевичем со слов прот. Н. Ливчака фразой на местном просторечии. Если бы даже предположить, что Громека, бывший, кажется, сам малороссом, не понял такой простой фразы, то при нем находился отец Ливчак и многие другие местные люди, которые, конечно, всегда могли ему ее растолковать. Грех и Громеки, и тогдашней греко-униатской канцелярии заключался в том, что они не поддержали епископа Куземского, который наметил для Холмской Руси испытанный способ незаметной замены унии православием – старых церковных деятелей вроде Георгия Кониского и Иосифа Семашко.

Вторая же ошибка и гр. Толстого, и г. Громеки, и еписк. Попеля состояла в том, что они считали унию какой-то народной религией, которая будто коренится в чувствах и потребностях масс населения, тогда как на деле это был искусственный налет, задевавший только иерархические верхи народа, но вовсе не проникавший в его толщу.

Если Петр Скарга, Антоний Поссевин и другие деятели русской унии, следуя, конечно, инструкциям Рима, могли ограничивать свои переговоры по этому вопросу с одними иерархами русской церкви, а эти последние считали достаточным вводить в свои изменнические планы только подведомственный им клир и более влиятельных бояр, вовсе не осведомляясь о желании или нежелании принять унию у народных масс, то очевидно, что и разуниачение русской церкви не должно было касаться последних, а ограничиваться высшей, а затем средней и, наконец, низшей иерархией, где, собственно, и пребывала идея унии. Так поступил в Белоруссии Иосиф Семашко, вследствие чего крупный по виду вероисповедный переворот прошел для народа почти не замеченным. Деятели же холмского воссоединения требовали подписки на переход в православие не только от священников, но и поголовно от каждого домохозяина, притом в такое время, когда масса населения была еще безграмотна, почему и избегала ставить даже кресты под любым письменным актом! К этому присоединилась еще агитация со стороны ксендзов и панов, на подмогу которым даже из Кракова приезжали потом иезуиты и змартвухвстанцы, совершавшие для «упорствующих» «краковские браки» и другие требы.

И все-таки, несмотря на указанные ошибки с русской стороны и безуданную агитацию с польской, число «упорствующих» в Люблинской, а особенно Седлецкой губ. не превышало 80 000 душ. Под влиянием школы и жизни это число, вероятно, постепенно сократилось бы до нуля, несмотря на всю польскую агитацию, если бы с 90-х годов прошлого столетия не начались постоянные колебания в направлении и общей администрации, и школьного дела в рус-

ском Забужье. Но окончательный удар нанесен был русскому его населению смутами нашего лихолетия и в частности тем террором, какой развит был в Люблинской и Седлецкой губерниях местными ксендзами и панами при преступном бездействии русской администрации после издания манифеста 17 апр. 1905 г. Вот в эту-то пору откололись от православной церкви не только остатки вышеупомянутых 80 000 «упорствующих», но и еще большее число твердых дотоле в православии русских забужцев!

Гр. Тышкевич, конечно, изображает все это в другом виде: он утверждает, будто отложившиеся в 1905 г. от православия в количестве 200 000 душ русские люди суть те же самые «упорствующие», которые в 1875 г. в таком же количестве отторглись от унии и тайно перешли в лоно римской церкви. Но он при этом забывает, что с 1875 г. прошло уже 30 лет, т. е. сменилось целое поколение, причем большая часть отпавших 1875 г., очевидно, почитает уже в могилах; во-вторых, если бы его утверждение было верно, то могло ли бы случиться, что после 17 апр. 1905 г., как он сам уверяет, «целые приходы остались совершенно без прихожан» (значит, раньше они были); «в десятках церквей к богослужению не является никто» (значит, раньше являлись); «выдвинулась естественная мысль упразднения многих штатов за полной их ненужностью для местного населения» (следовательно, раньше оно имело в них надобность).

Не допускает гр. Тышкевич и явлений польско-католического террора, вызванных манифестом 17 апр. 1905 г.: «Никто, - уверяет он, - не задается замыслами окатоличить или ополячить Холмскую Русь»; в частности же ручается он как один из польских помещиков, что «польский землевладельческий класс нигде не обращается в орудие политического или религиозного угнетения». Увы, эти голословные уверения опровергаются бесчисленными фактами и нашей, и галицкой жизни. В представленных холмскими жителями адресах, в живых рассказах местных людей, в газетных сообщениях множества наших и галицких повременных изданий приведены бесчисленные случаи преследований, угнетений, изгнаний, даже поджогов и смертоубийств, имевших место в целых сотнях русских селений Забужья на почве вероисповедной агитации и террора. Случаи эти, бесспорно были бы констатированы и судебным порядком, если бы наша администрация и суды в Царстве Польском не были охвачены каким-то непонятным и возмутительным столбняком по вопросам этого рода...

Гр. Тышкевич упрекает ген. Гурко за то, что он выселял в Сибирь «русинов-католиков, тайком посещавших костелы», усматривая в этом «напоминание эпохи религиозных волнений в средние века».

Но, вероятно, ген. Гурко выселял не всех таких «русинов», а только главных агитаторов между ними, ибо иначе как могли бы 200 000 тайных отщепенцев 1875 г. благополучно дожидаться не в Сибири, а в Холмщине указа 17 апр. и поголовно заявить себя явными католиками?

Таким образом, не ген. Гурко, а скорее нынешнее поколение польских ксендзов и панов напоминает своим террором в русском Забужье средневековые преследования и костры инквизиции.

С таким же скептицизмом должны мы отнестись и к уверениям гр. Тышкевича, будто и в случае дарования Польше автономии не понадобятся никакие меры для ограждения Холмской Руси от польского гнета, ибо, по словам графа, «польское общественное самосознание искренне проникнуто желанием обеспечить права национальных меньшинств». «Слишком долго, - прибавляет он, - сами поляки были уязвимы в своих лучших национальных чувствах, чтобы не уметь уважать их у других».

Если сопоставить эти уверения с тем, что делается теперь в Холмщине и Подлясье, в Варшаве, Вильне, Минске, Киеве, особенно же если присмотреться к образцам «польской автономии» в Галиции, хотя бы по данным нашей статьи «О старых и новых опытах польской государственности» («Окраины России», 1906 г. № 35, 36, 37, 42), то придется признать, что успокоительные уверения графа по адресу холмских русских представляют не что другое, как политическую иллюстрацию к крыловской басне «Добрая лисица». После всех жалобных причитаний о необходимости помогать осиротелым птенцам малиновки, когда последние?

«...Не могли с голоду сидеть в покое,

Попадали в лисе на низ...

...Она тотчас их съела

И поученья не допела».

II

В предыдущей статье мы показали на основании данных польской истории, старой и новой, печальную участь, какая предстоит Холмской Руси в случае дальнейшего оставления ее в зависимости от Варшавы. Но сверх общих исторических аналогий летальный для Холмской Руси прогноз можно подтвердить и теми взглядами на современное ее положение и ее роль в будущем, которые выражены в разбираемой статье гр. Тышкевича.

Особенно характерны в этом отношении упреки, с которыми он обращается к нынешнему холмскому духовенству. Граф называет последнее «духовной полицией, которая более считается с целями

варшавского генерал-губернатора, чем с духом Христова учения». При возбуждении вопроса о выделении Холмской губернии это духовенство руководилось-де вовсе не желанием спасти в Холмщине русское дело, которому «никто не угрожал и не угрожает», а «чисто материальными соображениями» о сохранении тех усиленных окладов, о каких не смеет-де и мечтать великорусское духовенство. Желание сохранить эти оклады и заставляет-де их быть «пионерами воинствующей русификации». Собственные же авторы проекта выделения Холмской Руси заинтересованы-де и в том, что тогда «поднимутся цены на землю в г. Холме». Словом, этот проект, на котором «настаивает исключительно местное духовенство с преосвященным Евлогием во главе», продиктован-де не какими-нибудь патриотическими или «общегосударственными интересами», а «узкоклассовыми и низменными вожделениями».

Чем же подтверждает гр. Тышкевич эти обвинения в низменном политиканстве и корыстных расчетах, которые он бросает в лицо всему холмскому духовенству?

Ничем, ибо те факты, которыми он пытается мотивировать свою клевету, основаны на выдумках и явных несообразностях. Кто дал, например, ему право приписывать возбуждение вопроса о выделении Холмщины из Царства Польского «исключительно местному духовенству», когда он сам раньше признал, что вопрос этот имеет уже длинную историю, восходя своими началами к 1863 г., когда в Холмщине почти не было еще православного духовенства? Ужели он забыл, что дело это начато было Милютиным и Черкасским, и что в дальнейшем его развитии принимали ближайшее участие то петербургские, то местные администраторы, как, например, гр. Н. П. Игнатьев и К. П. Победоносцев, ген. Гурко и гр. Шувалов, Мир. Добрянский и губернатор Тхоржевский, кн. Имеретинский и ген. Чертков, кн. Оболенский и гофм. Петров и многие другие светские деятели, не имевшие никакого отношения к «холмскому духовенству»? Да и при выработке всеподданнейшего адреса по этому предмету, поднесенного государю императору в ноябре 1905 г. особой депутацией из духовных и светских лиц, между которыми было несколько местных крестьян, вовсе не замечается «исключительно духовного» почина и авторства.

Если бы главным мотивом возбуждения этого вопроса была забота холмского духовенства о сохранении усиленных окладов жалования, то стало ли бы оно хлопотать о перечислении Холмщины и Подляшья из Царства Польского, где такие оклады существуют, в состав северо-западного или юго-западного края, где их вовсе нет? Спекуляция на подъем цен на землю в г. Холм, которая, ска-

жем в скобках, принадлежит и польским помещикам, выразилась бы в том видоизменении проекта о выделении Холмской Руси – о чем гр. Тышкевич старательно умалчивает, по которому южные уезды Забужья могут быть перечислены в состав Волынской губернии, а северные - в состав Гродненской, причем холмские землевладельцы и домовладельцы остались бы на бобах?

Но всего нелепее утверждение гр. Тышкевича, будто холмское духовенство раболепствует перед канцелярией варшавского генерал-губернатора. Решились ли бы в таком случае еп. Евлогий и подчиненное ему духовенство хлопотать о выделении Холмской Руси, когда им было хорошо известно, что «против этого плана», как констатировал и гр. Тышкевич, «высказывается светская администрация в лице начальника края ген. Скалона и директора его канцелярии г. Ячевского»?

Возмутительная несправедливость голословных нападок гр. Тышкевича на холмское духовенство настолько бросается в глаза, что не может быть двух мнений о тяжком положении, в каком очутилось бы это духовенство под автономным управлением подобных этому графу польских государственных мужей...

Но не в лучшем положении оказались бы под таким управлением и светские деятели в царстве, хотя бы они стояли на уровне не б. губернатора Громеки, а самих Милютина, Черкасского, Самарина. Гр. Тышкевич обвинил бы всех этих деятелей, как обвиняет ныне преобразователей Польши 1863 и следующих годов, в стремлении к «располячению поляков». Этим именем у него окрещена система управления, приведшая в Польше к освобождению холопов от панов, мирян от ксендзов и монахов, школ от фанатического мракобесия, страны от революционной эмиграции! Во многом, конечно, система эта изменилась в последнее десятилетие. Но все же прочно заложенные Милютиным в 1863 г. основы русской политики в Царстве Польском остаются еще в силе, так что при введении в нем рекомендуемого гр. Тышкевичем и его единомышленниками нового управления несдобровать бы, очевидно, и г. Ячевскому, несмотря на его трогательное единомыслие с гр. Тышкевичем по вопросу о выделении Холмской Руси.

Что касается масс русского Забужья, то гр. Тышкевич сулит им в составе Царства Польского лишь такие сомнительные блага, как сохранение совершенно чуждого им Code Napoleon и ипотечных форм земского кредита, которым, конечно, им редко приходилось пользоваться при незначительности их земельных участков, и не отрицаемой самим графом «экономической зависимости русинов от польского землевладельческого класса». Затем осталась бы еще для этих «ру-

синов» столь подчеркиваемая польским графом возможность «славить своего Бога» в «римской церкви!» Конечно, это привело бы их постепенно к окатоличению и ополячению, то есть к гибели в смысле национальном и культурном. Но гр. Тышкевич успокаивает их и нас тем, что и ныне между «русинами и великорусами существует только довольно отдаленная связь», а во-вторых, тем, что, и ополячившись, русины не сделались бы «изменниками общеславянской идеи».

Насколько надежна такая общеславянская связь между поляками и русскими, показывает девятивековая история взаимоотношений между Россией и Польшей. Несмотря на свое племенное братство и непосредственное соседство, русские вели с поляками бесконечные войны - быть может, еще более упорные, чем какие происходили встарь между Францией и Англией, причем войны эти со времен Болеслава Храброго и Владимира Святого вплоть до разделов Польши велись со стороны поляков наступательно, а со стороны русских только оборонительно - в национальном отношении.

Когда же славянство из факта этнологии и истории стало фактом сознания или, выражаясь словами гр. Тышкевича, проявилось в формах «общеславянской идеи», то и к этой идее поляки из всех славянских народов оказались наименее восприимчивыми. В первом поколении деятелей славянского возрождения мы встречаем еще несколько польских приверженцев этой идеи (Линде, Сташиц, Ходаковский, Суrowецкий, Воронич и нек. др.). Но позже эта общеславянская струя в польской литературе и жизни все более ослабевала, так что несколько лет тому назад один из видных польских деятелей галицкий депутат Поповский в публичном заседании Венской государственной думы не устыдился заявить, что в его глазах общеславянская идея не стоит и одной щепотки табаку для трубки!

В Кракове есть, правда, теперь польский кружок, собравшийся под знаменем всеславянства и издающий посвященный ему журнал. Но этот кружок очень тесный и невлиятельный. Да и понимает он славянскую идею, как некогда Юрий Крижанич, а в новое время еп. Штросмайер, в смысле сближения славянских народов на культурных началах латино-немецкого Запада, а не славянского или греко-славянского Востока. Довольно трудно рассчитывать на дружественное отношение между двумя столь различными по культурным основам системам славянства, из которых одна группировалась бы вокруг Австрии, а другая - России. Делались попытки примирения этих контрастов и у нас, и на Западе, но они не имели успеха. Даже дружба Пушкина с Мицкевичем не могла победить глубокого антагонизма, разделяющего польское общество от русского. Поэтическим выражением этой дружбы и этой вражды служит нарисован-

ная Мицкевичем картина двух альпийских утесов, которые, наклоняясь друг к другу, словно шепчутся заоблачными вершинами, тогда как их скаты навек разделены ложем шумящего в пропасти потока.

То же замечается исстари во взаимных отношениях между сербами и хорватами, которые, составляя по происхождению и языку один народ, глубоко расколоты культурными антагонизмами, или, что то же, различным пониманием «общеславянской идеи».

Да и из статьи гр. Тышкевича, несмотря на все ее неясности и колебания, просвечивает взгляд о преобладании культурных факторов над племенными в современной польской политике.

В одном месте статьи он высмеивает, правда, ходячее у нас в народных массах отождествление терминов «поляк» и «католик», равно терминов «русский» и «православный», приписывая это отождествление совершенно неповинному в нем Святейшему синоду и его «долговременному руководителю» К. П. Победоносцеву. Но из других мест статьи гр. Тышкевича видно, что он сам, наверно, больше К. П. Победоносцева грешит по части отождествления этнографии с религией. Это можно заметить и в самом центральном месте разбираемой статьи, которое сформулировано так: «...Русские и польские поселения в Холмщине так капризно вкраплены друг в друга, что не представляется никакой возможности выкроить на карте территорию с этнографически однородным населением. В лучшем случае в новой Холмской губернии все-таки останется от 50 до 60 % католического населения...»

Так что же, что «католического», если громадное число этих «католиков», совращенных в то старую, то в новую пору в папизм из унии и православия, живут на исконно русской земле, происходят от русских дедов и прадедов, испокон века говорят на одном из русских просторечий, живут русскими преданиями, в русских формах быта и, следовательно, этнографически не имеют ничего общего с поляками! Что есть возможность выкроить в Люблинской и Седлецкой губерниях область с большинством русского населения, это подробно показано в записке, представленной в ноябре 1905 г. холмской депутацией П. А. Столыпину, при которой приложена была и карта такой – невозможной, по гр. Тышкевичу, – территории. Если граф желает ознакомиться с этим проектом, то мы можем рекомендовать ему, во-первых, брошюру «К вопросу о выделении Холмской Руси», изданную в Петербурге Галицко-русским обществом в 1906 г., и, во-вторых, статьи на ту же тему, напечатанные в № 41 и 42 «Окраин России» за прошлый год.

Объем подлежащей, по этому проекту, выделению из Царства Польского площади приблизительно совпадает с тем, какой был

определен еще в 1898 г. при генерал-губернаторе гр. Шувалове. На площади этой, пространством до 12 000 кв. верст, вычислено было к 1 ноября 1898 г. 844 612 душ, между которыми приходилось: православных 389 804 д., католиков (русского и польского происхождения) 293 684 д., протестантов 27 872, евреев 133 196 и прочих нехристиан 57.

Какое же право имел гр. Тышкевич, без сомнения, прекрасно об этом осведомленный, признавать Холмскую Русь «национальным достоянием поляков», якобы «исторически признаваемым и Россией»?

Эта свобода обращения гр. Тышкевича и с этнографией, и с историей возмутила даже газету «Товарищ», которая в статье по этому поводу 29 декабря 1906 г. признала недопустимым и с украиноманских точек зрения признавать Холмщину «национальным достоянием поляков», не справившись даже у жителей этой области, хотя бы путем плебисцита, о их желании или нежелании принадлежать к Польше.

Но пойдут ли гр. Тышкевич и его единомышленники на плебисцит, если он находит, что отторжение от Царства Польского нескольких уездов Люблинской и Седлецкой губернии было бы «новым расчленением Польши», «ампутацией» одного из членов польского организма, нарушением «сто лет тому назад Венским конгрессом определенно очерченных границ Польши» - словом, «четвертым ее разделом»?

Из последних слов как будто следует, что гр. Тышкевич, стоя на почве третьего раздела, признает лишь то положение дел, какое было фиксировано в 1795 г. Но ужели он не замечает, что по третьему разделу в Варшаве сидели прусаки, а в Холме и Люблине австрийцы? Если бы он порылся в летописях польского народа за последние сто лет, то убедился бы, что за это время произошло много новых видоизменений в размежевании областей, принадлежавших некогда Речи Посполитой, то есть своего рода новых разделов или переделов Польши, каковыми были, например, переделы:

Четвертый, в 1807 г., когда по Тильзитскому миру из прусских владений в Великой Польше и Мазовии образовано было Варшавское герцогство, причем область Белостокская была выделена в состав России.

Пятый, в 1809 г., когда к этому герцогству присоединены были от Австрии нынешняя Холмщина и часть Малой Польши с включением г. Кракова.

Шестой, в 1813 г., когда Россия заняла Варшавское герцогство и навсегда его уничтожила.

Седьмой, в 1815 г., когда на Венском конгрессе, по настояниям Александра I, образовано было Царство Польское в его нынешних границах, с передачей Пруссии Познанского вел. княжества и части Мазовии и с учреждением в Кракове независимой республики; причем Россия в виде компенсации Австрии – быть может, именно за Холмщину – уступила ей часть кровной русской Подолии, именно Тернопольский округ, где находилось в ту пору 328 греко-униатских церквей, то есть приблизительно такое же число, как в Холмщине.

Восьмой, в 1831 г., когда вследствие вооруженного бунта поляков и низложения ими русской династии Царство Польское потеряло свою политическую автономию и слилось в законодательном и административном отношении с прочими областями империи.

Девятый, в 1846 г., когда Краковская республика после бунта была упразднена и вместе со смежными малопольскими областями включена в состав Галицко-Владимирского королевства (*Regnum Galiciae et Lodomeriae*).

Наконец, передел десятый, в 1863 г., когда вследствие нового бунта Царство Польское было упразднено как таковое и переименовано в Привислинские губернии, разграничение которых вслед за тем было совершенно изменено, и число их увеличено вдвое.

Замечательно, что когда у нас возникла уже в 1865 г., при Милютине и Черкасском, идея образования особой Холмской губернии, а впоследствии, в 1885 г., проект К.П. Победоносцева об отделении Холмщины и Подляшья от Привислинского края и подчинения их непосредственно министру внутренних дел, то в числе возражений против этого проекта, формулированных ген. Гурко, кн. Имеретинским, ген.-губ. Чертковым и ген. Скалоном, мы нигде не встречаем указаний на административную неделимость нынешней нашей Польши, как на ее старое право, восходящее к эпохе разделов или Венского конгресса!

Даже московские земцы, обсуждавшие на двух съездах 1905 г., совместно с панами Новодворским, Ледницким и другими польскими представителями вопрос о польской автономии, вовсе не считали нынешних границ Польши чем-то неприкосновенным. Наоборот, они признавали «возможную необходимость исправления ее границ».

Так же смотрят ныне на этот вопрос и литовско-жмудские патриоты, несколько раз уже возбуждавшие ходатайства о перечислении Сувалкской губернии из Царства Польского к Литве.

Известно, что и в нашей Государственной Думе 1906 г. бесследно прозвучала политическая декларация членов польского кола, опиравшаяся в своих требованиях на постановления Венского конгресса-

са. Даже польские газеты признали тогда неуместность подобных архивных справок, особенно по отношению к международному договору, в котором поляки не участвовали и, следовательно, не являются договорной стороной.

Чем же руководился гр. Тышкевич, когда в своей статье еще раз попытался стряхнуть архивную пыль, покрывающую дипломатические акты «времен очаковских и покорения Крыма»? Ужели расчетом на невежество читателей «Речи»?

И если бы еще автор мог гарантировать, что признание Буга восточной границей Польши навсегда обезопасит нас от польских притязаний на Волынь, Белоруссию, Украину! Так нет. Из самой его статьи видно, что он очень смакует включение в царство «некоторых уездов северо-западного края с преобладающим польским населением (Белостокский, Сокольский и др.)». А между тем гр. Тышкевич не мог не знать, что снаряженная в 1906 г. в Белостокский и Бельский уезды «филологическая комиссия» вовсе не нашла там селений «с преобладающим польским населением», так как тамошние католики оказались в большинстве белорусами и малорусами; живущие же в тех уездах мазуры, принявшие сначала унию, а со времен Семашки - православие, настолько уже обрусели, что не желают менять своих русских школ на польские. Эта неудача польских стремлений раздвинуть границы царства на восток в Гродненскую губернию вызвала очень желчную статью – по поводу означенной «филологической комиссии» - польского славяноведа Парчевского (ср. «Dzwon Polski», 17 ноября 1906 г. №339), который предлагает даже решать вопросы о принадлежности того или другого селения к польской либо русской народности не по данным славянской диалектологии, а на основании личных симпатий каждого! Очень жаль, что об этом открытии польского слависта не знали деятели нашей последней переписи 1897 г. Тогда, вероятно, при должных указаниях польских руководителей переписи в наших западных губерниях вовсе не оказалось бы тех полутора миллионов белорусов и малорусов католического вероисповедания, которые значатся там ныне, по переписи 1897 г. Задача бар. Роппа, пана Ледницкого и других польских политиков из Белоруссии и Украины была бы тогда значительно легче. Опираясь на эти $1\frac{1}{2}$ миллиона якобы польского населения, они с большим правом признали бы все наши западные губернии «национальным достоянием» поляков, подкрепивших такую статистику ссылкой на границы Речи Посполитой в 1772 г. Тогда бы наши поляки не очутились в столь трудном положении и в виду новейшего папского циркуляра от 13 октября 1906 г., которым разрешается употребление у русских католиков русского языка в

проповеди и дополнительном богослужении. Им стоило бы только сослаться сверх цифр переписи еще на пресловутую теорию о «gente Ruthenus, natione Polonus», чтобы доказать, что означенный циркуляр относится собственно к Петербургу, Москве, Саратову и другим «российским» местностям, но никак не к Холму, не к Городну, не к Минску, где дополнительное богослужение издревле допускалось лишь на польском языке, что еще недавно было подтверждено папским циркуляром от 11 июля 1877 г. Теперь же каждый русский человек – православный ли он или католик – может сказать полякам: какое право имеете вы вмешиваться в отношения между папой и русским народом, навязывая себя в непрошенные опекуны русских людей в Холмщине, Белоруссии, Украине?

Да и самого гр. Тышкевича, ведущего свой род не от польских, а от западнорусских бояр, крепко стоявших за православие ещё в XVI в., мы могли бы спросить: почему именно он взял на себя роль «представителя польского общества» в качестве «ответчика» «при пересмотре исторической тяжбы», как он выражается, без особых к тому полномочий, уж не потому ли, что он принадлежит к породе людей, именуемых в Галиции «gente Ruthenus, natione Polonus»?

Во всяком случае, мы считаем себя вправе напомнить гр. Тышкевичу и другим западнорусским ренегатам, вмешивающимся ныне в наши «исторические тяжбы», то место из знаменитого сочинения Мелетия Смотрицкого «Фриность» (1610 г.), где автор, оплакивая от лица православной церкви измену ей западнорусских вельмож, между прочим, говорит:

«Где теперь неоцененный камень, который я носила вместе с другими бриллиантами на моей голове, в венце, как солнце среди звезд, - где теперь мой дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей веры?»

Где и другие, также неоцененные камни моего венца, славные роды русских князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкие, Заславские, Збаражские, Вишневецкие, Сангушки, Чарторийские, Пронские, Рожинские, Соломерецкие, Головчицкие, Коширские, Массальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и другие без числа? Где вместе с ними и другие роды, древние, именитые, сильные роды славного по всему миру силой и могуществом народа русского: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Дорогостайские, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокеи, Мышковские, Гурки, Семашки, Гулевичи, Ярмолинские, Челненские, Калиновские, Кирдеи, Заборовские, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновские, Скумины, Поцеи и другие... Вы, злые люди, обнажили меня от этой дорогой

моей ризы и теперь насмехаетесь над немощным моим телом, из которого, однако, вы все вышли. Но помните: проклят всяк, открывающий наготу своей матери! Прокляты будете и вы все, насмехающиеся над моей наготой, радующиеся ей. Настанет время, что все вы будете стыдиться своих действий».

Что же касается наших варшавских и люблинских администраторов, которые, видя Холмскую Русь, израненную разбойниками и истекающую кровью, проходят мимо, как левит притчи, или, выражаясь словами гр. Тышкевича, «не видят для кесарева дела никакого вреда в настоящем его положении», считая второстепенные вопросы о кодексе Наполеона, ипотечном кредите и «огорчении» польского общества более важными, чем самое существование этой Руси, то мы посоветовали бы этим почаше читать записку по западно-русскому вопросу Н. М. Карамзина (Мнение русского гражданина), представленную в 1819 г. императору Александру I, в частности же следующее ее место:

«Старых крепостей нет в политике; иначе мы долженствовали бы восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Вольния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киев, и Чернигов, и Смоленск, ибо они так же долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего... Восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своей кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу».

Было бы, однако, крайне грустно класть теперь, как сто лет тому назад, решение русско-польской тяжбы на острие меча. Мы верим, что старинные споры братьев, или, как гр. Тышкевич выражается «исторические тяжбы» между ними, могут быть разрешаемы и по-братски, то есть творческой силой любви, а не разрушительной – ненависти. И надо сознаться, что со стороны русского народа никогда не было к тому препятствий, так как в этой тяжбе он издавна ограничивается ролью оборонительной. Нужно только дождаться времени, когда и в польском обществе исчезнут захватные стремления по отношению к исконным святорусским землям, как Холмщина, Белая Русь, Украина. Это же может быть достигнуто лишь перевоспитанием польского общества в духе кирилло-мефодиевских заветов. К этому, а не к «располячению поляков» направлена была и милютинская школа в Польше. Если же она не достигла цели, то это объясняется отчасти постепенным ослаблением в ней истинной кирилло-мефодиевской струи, отчасти же деморализующим подрастающие поколения поляков влиянием школы галицкой. Но не всегда же русское

общество будет космополитствовать. Возрождение в нем национального самосознания замечается уже и теперь, между прочим, в заметном подъеме его интереса к делам холмским. На поляков же отрезвляющим образом действует картина того, что происходит ныне в вел. княж. Познанском. Остальное, надеемся, будет сделано новыми течениями на Западе, особенно все яснее обрисовывающимся разложением латинской церкви, против которой восстали вслед за тевтонами и ближайшие ее дочери во Франции, Италии, Испании. Нельзя же предполагать, что из всех народов мира век пребудут рабами «непогрешимого» одни славяне, подвиги которых для Рима, особенно многочисленные у поляков и хорватов, ни разу еще не были награждены тиарой!.. Нынешнее «мариавитское» движение в Польше, а равно знаменательное разногласие поляков с папой по поводу его циркуляра от 13 ноября 1906 г. заставляют думать, что в случае распада папизма на отдельные национальные церкви – галликанскую, итальянскую, испанскую, немецкую и другие – найдется в их ряду место и для национальной церкви польской, о чем еще в XVI в. мечтал знаменитый польский мыслитель Андрей Фрич Модржевский.

III

В двух предыдущих статьях мы рассмотрели формулированные гр. Тышкевичем польские возражения против выделения Холмской Руси из Царства Польского. Быть может, они убедительны для поляков, но нам представляются как бы голосом из могил, в которых почивает польская государственность, подрываемая бессилием власти, самоволием панов, распушенностью шляхты, забитостью холопов, фанатизмом ксендзов и хищничеством евреев.

Но сверх поляков немало выступало и русских людей, которые также не согласны на выделение Холмской Руси – притом не в среде лишь наших бюрократов, но и в кругах общественных, не исключая холмских.

Некоторые из бюрократических возражений против выделения Холмской Руси – особенно исходящие от г. Ячевского – были отмечены и в статье гр. Тышкевича, как упомянуто уже выше. Многих других возражений граф не коснулся; но они достаточно известны, между прочим, из цитированной выше брошюры «К вопросу о выделении Холмской Руси» (СПб., 1906 г.) и из статей под тем же названием в «Окраинах России» (№ 41 и 42, 1906 г.).

Сводятся эти возражения к тому, что в бытовых условиях русского Забужья есть такие особенности, которые более сближают его с губерниями польскими, чем с западнорусскими, например григориан-

ский календарь, кодекс Наполеона, ипотечное право, особый строй землевладения, всесословная власть и т. п.; что вследствие того вряд ли удастся оторвать эту область от привислинских губерний в отношениях административном, судебном, экономическом; что, сверх того, Забужье является органическим звеном в системе нашей государственной обороны по линии Западного Буга, Нарева, Вислы; что, наконец, вековые предания и старые навыки более сближают Холмщину и Подляшье с польским западом, чем с русским востоком, вследствие чего внезапное изменение этих отношений отразилось бы неблагоприятно на материальных и нравственных интересах населения.

Но из той брошюры и статей можно убедиться, что все эти возражения, сформулированные, главным образом, чиновниками варшавской генерал-губернаторской канцелярии при генерал-губернаторах Гурко, Имеретинском, Черткове, Скалоне, давно уже и вполне основательно опровергнуты в заключениях по сему предмету генерал-губернатора гр. Шувалова, помощников генерал-губернатора Петрова и князя Оболенского и в записке К. П. Победоносцева.

Они показали, что в бытовых условиях русского населения по эту и по ту сторону Западного Буга нет, да и быть не может глубокого различия при единстве происхождения холмяков с волынцами, а подляшан с полещуками, при исконной общности основ их образования и относительной новизне навязанных нашему Забужью внешних форм западной жизни, вроде григорианского календаря, французского гражданского кодекса и тому подобных наслоений.

Если в Белостокской области замена в 1807 г. григорианского календаря юлианским не вызвала в народе никаких волнений, то тем менее имеется оснований опасаться этого в Холмщине или Подляшье, где наряду с гражданским новым календарем употребляется в жизни церковно-общественной и старый, юлианский, подобно тому, как это наблюдается доньше в Галичине, Буковине, Угроссии. Наоборот, можно утверждать, что устранение латинского календаря упростит в Забужье оборот общественной жизни, скованный доньше двойными праздниками и проистекающей отсюда путаницей в отношениях русских рабочих к польским нанимателям.

Что касается кодекса Наполеона, то сами поляки давно уже оставили его и в Кракове, и в Познани, заменив кодексами австрийским и немецким. Русскому же Забужью кодекс Наполеона, очевидно, еще более чужд, чем полякам, так как они не принадлежали к народам, усвоившим римское право, а, наоборот, издревле держались норм русского гражданского права, легшего в основу и Литовского статута. Когда завершится давно уже предпринятая у нас при уча-

стии и польских юристов работа по составлению нового гражданского уложения, то действие последнего распространится, конечно, и на наши окраины, после чего все местные кодексы, в том числе и Наполеонов, отойдут в область преданий. По крайней мере, мы видим это в Германской империи, где с изданием общего гражданского уложения немедленно вышли из употребления местные законы. В переходное же время ничто не мешает удержать в Забужье Наполеонов кодекс, сохранив, если потребуется, и связь холмских судов с Варшавской судебной палатой.

Вопрос о введении в России выработанных в Западе форм ипотеки также поставлен уже на очереди, так что Забужье может и в этом отношении сохранить свои привычные формы ипотеки и поземельного кредита, не разрывая своих связей и с Варшавским поземельным банком.

Всесословная волость, подаренная Польше Милютиным и кн. Черкасским, тоже может оставаться в Забужье, ибо и все остальные русские губернии в непродолжительном времени перейдут к этой ячейке земского самоуправления, что вызывается и новым законом об уравнении нашего крестьянства в гражданских и политических правах с прочими сословиями.

Равным образом и в военном отношении может быть сохранена связь Забужья с Варшавским военным округом, который и ныне не вполне совпадает с границами генерал-губернаторства: так, Брест-Литовская крепость, хотя расположена в Гродненской губернии, входит, однако, в Варшавский военный округ; Сувалкская же губерния, наоборот, принадлежа в административном отношении Царству Польскому, в отношении военном составляет часть Виленского округа.

При обсуждении в наших административных комиссиях вопроса о выделении Холмской Руси был указываем в качестве его неудобств и своеобразный характер выкраиваемой из Седлецкой и Люблинской губерний русской области: она тянулась длинной и узкой полосой вдоль границ Гродненской и Волынской губерний, а затем Галиции, не имея с польской стороны ни горного, ни речного прикрытия. Но это и не требуется условиями административного распределения областей империи. Если посмотреть на очертания Сувалкской губернии в Царстве Польском или Курляндской с ее изгибами у Полангена и Иллукуста, то и там можно заметить не менее своеобразные очертания областных границ. К тому же по отношению к Забужью дело значительно упростится, если Подляшье перечислить к Гродненской губернии, а Холмщину к Волынской, как это было встарь. Во всяком случае, этнография не может быть настоль-

ко подчиняема топографии, чтобы в угоду последней производить ампутацию живых членов русского народного организма, хотя бы они казались по своей конфигурации похожими на пальцы людских конечностей.

Но сверх разобранных бюрократических возражений против выделения Холмской Руси приходится встречаться и с другими, которые можно назвать национально-общественными. Некоторые из них формулированы и в напечатанной см. №5 «Украины России» (1907 г.) корреспонденции из Холма «Русского», под заглавием: «К вопросу о выделении Холмщины из пределов Царства Польского». В предположении, что выраженный автором этой корреспонденции взгляд разделяется, быть может, и некоторыми другими русскими патриотами в Холмщине, мы считаем необходимым остановиться на его соображениях по сему предмету. Суть их заключается в следующем:

1. выделение Холмщины создаст невозможное положение для тех русских меньшинств, которые останутся по ту сторону нового рубежа, в составе Варшавского генерал-губернаторства;

2. выделение еще более обострит отношения между выделяемыми из Царства Польского русским большинством и польским меньшинством, ибо последнее может считать себя обреченной жертвой грядущей русификации;

3. невыгодно отразится выделение и на настроении поляков царства, которые будут иметь тогда право считать себя как бы лежащими за рубежом Русского государства, следовательно, официально отчужденными и отрезанными от него, и, наконец,

4. выделение представляется излишним для интересов русского населения, если у нас будет твердое национальное правительство, которое может и должно обеспечить на каждой окраине национальные и государственные права русского человека.

Нет спора, что положение тех холмяков и подляшан, которые в случае выделения Забужья остались бы в составе Царства Польского – по приблизительному расчету до 40 приходов, будет не из завидных. Но все же оно не станет хуже нынешнего положения всей Холмской Руси, которая и теперь отрезана от всей России искусственным рубежом, созданным в 1795 г. на линии Западного Буга. Для сорока означенных приходов исчезло бы лишь то сомнительное и эгоистичное утешение, которое выражается известным латинским изречением: «Solamen miseris socios nabuisse dolorum», что приблизительно соответствует нашему: «На миру и смерть красна!»

Конечно, в духе евангельской притчи «о заблудшей овце» епископу Евлогию следовало бы оставить 250 выделяемых приходов

и спасать сорок оставляемых за рубежом. Но есть разница между этикой и политикой. К тому же не исключена возможность, что юрисдикция холмского епископа и впредь будет распространяться на те сорок приходов, так как у нас нередки случаи, когда границы епархий не совпадают с административными делениями. Наконец, не нужно забывать, что человек не дерево, а народ не лес, навсегда прикрепленный к одному месту. В народной жизни встречаются и переселения, которые вызываются иной раз не экономическими, а нравственными причинами, всего же чаще инстинктом племенного самосохранения. Если оставшимся за рубежом 40-50 тысячам русских в Забужье станет невозможно жить под польским «самоуправлением», то они могут передвинуться несколько на восток, как это не раз уже делали русские люди. При Геродоте они жили ведь именно на Буге и Днестре, а теперь раздвинулись до Волги, Урала, Великого океана.

Не можем не вспомнить при этом оригинального проекта решения польского вопроса, предложенного некогда нашим знаменитым синологом В.П. Васильевым: для предупреждения столкновений России с немцами, полагал он, следует переселить поляков на Дон, где они будут заниматься земледелием, а казаков - на Вислу, для охраны государственной границы!..

Ожидаемого г. «Русским» обострения отношений между русскими и поляками Холмского края в случае выделения его из Царства Польского едва ли следует опасаться. Ведь и теперь, до выделения, эти отношения слишком уж натянуты - быть может, более, чем на Волыни или в Белоруссии!

Вовсе не пугает нас и перспектива повышения польских взглядов на свою автономность или даже государственность в случае выделения Холмщины.

Да едва ли и возможно полякам идти еще дальше в этом направлении, не рискуя удариться лбом об стену.

Между тем пример Галиции доказывает, что именно распространение польской власти из Кракова на Львов, т.е. из областей польских на русские, наиболее питает польский шовинизм, подогревая надежды на восстановление ягеллоновской Польши. Потому-то русские галичане, уже начиная с 1840-х гг., не перестают хлопотать об административном выделении Галиции Восточной, русской, от Западной, польской. Только подобное выделение областей русских от польских, как в Галиции, так и в нашем Забужье, а параллельно с этим перечисление населенной литвинами Сувалкской губернии в состав Виленского генерал-губернаторства могли бы подрезать крылья для польских мечтаний о восстановлении Речи Посполитой

в границах «от моря до моря» и сосредоточить польскую мысль на другой, этнографической Польше, лежащей по ту сторону Вепря и Сяна.

Лишь тогда стало бы возможно соглашение поляков с русскими и прочими славянами и относительно общей программы в борьбе с наступающим германизмом и его еврейским авангардом.

Что касается четвертого из приведенных соображений г. «Русско-го» - о возможности обеспечить права русских в Забужье, как и в любой другой окраине, твердой национальной политикой нашего правительства, без каких бы то ни было административных переделов в империи, то оно очень напоминает мнение по тому же вопросу, высказанное бывшим министром внутренних дел Дурново, в его представлении Совету министров (рассмотренном 4 апреля 1906 г.):

«...Этот проект (выделения Холмской Руси) мог иметь некоторые основания лишь при прежнем направлении внутренней политики государства... Одновременно с географическим выделением в то время предполагалось возможным применение чисто внешних административных мер, имеющих своей задачей уберечь население от воздействия католической пропаганды. Но с возвещением манифестом 17 октября основ гражданской свободы на незыблемых началах несовместимы никакие мероприятия, имеющие характер насильственной русификации...

Все меры правительства в Холмской Руси ныне должны быть направлены к тому, чтобы путем возможно доступного образования и подъема материального положения уничтожить приниженность местного православного населения...»

Таким образом, манифест 17 октября признавался и признается нашими заправилами как бы философским камнем, который открывает возможность обращать землю в золото и уравнивать веками забитого холмского поселянина по образованию и достатку чуть ли не с гр. Замойским и банкиром Кроненбергом!

Очень красноречивой иллюстрацией к столь пышным надеждам на результаты «новой внутренней политики государства», вызванной манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 г., служат обусловленные именно этими манифестами и этой политикой проявления польского террора в Холмской Руси, приведшие там в течение одного года к отпадению от дедовской веры полутора тысяч искони русских людей! Вместо никогда не существовавшей в Забужье «насильственной русификации» возникла там «насильственная полонизация», против которой, увы, оказались совершенно бессильными начертанные в Петербурге «основы гражданской свободы». Под флагом нашей «новой внутренней политики» преисправно плодятся

теперь и в Царстве Польском, и в Литве, и в Белоруссии испытанные в Галиции орудия ополячения, вроде школ «Macierzy Polskiej», земледельческих союзов (Kolka rolnicze), съездов духовенства и дворян и тому подобных организаций. Между тем о подъеме в Польше и Западной Руси школ русских или о мерах для освобождения «приниженных» местных поселян от экономического гнета польских панов и духовного ксендзов что-то ничего не слышно. Наоборот, русская школа совершенно захирела теперь и в Польше, и в Литве, и в Прибалтике.

Насколько вообще у нас допустимо рассчитывать на твердость национальной политики правительства, это можно видеть как из опытов старого времени, например, из ее бессистемности со времен Петра Великого по вопросам польскому, западнорусскому, балтийскому, финляндскому, кавказскому, еврейскому, магометанскому и др., так и из крайней нерешительности нынешнего Совета министров по всем окраинным вопросам, не исключая и холмского.

Известно, например, что этот совет в заседании 4 апреля 1906 г. при обсуждении холмского вопроса, в частности же вышеупомянутой записки д. т. с. Дурново, сам признал, что при предстоящем введении в Царстве Польском «широкого местного самоуправления» Холмщина в ее нынешнем положении должна будет получить управление, одинаковое с прочими частями края; между тем это едва ли-де желательно ввиду различных племенных, религиозных и общих бытовых условий жизни русского населения Холмщины и соседнего польского населения. Поляки как более культурный и более обеспеченный материально элемент при самоуправлении легко-де могут захватить себе решающее влияние на течение всех местных дел и воспользоваться этим в ущерб интересам чуждого им русского населения.

Казалось бы, что отсюда вытекает для русского правительства прямой долг предупредить этот «захват» и «ущерб» немедленным выделением Холмщины еще до введения в Польше «широкого местного самоуправления». На деле Совет министров и не попытался провести это выделение, несмотря на петицию о том русских Забужья, покрытую 50 000 подписей и поддержанную большинством органов русского общественного мнения. Вместо того чтобы, не теряя времени, тушить губительный пожар, истребляющий в Холмщине исконные гнезда русской народности и образованности, совет постановил «отложить это дело впредь до выяснения дальнейших обстоятельств, касающихся окраин и, в частности, положения в русском Забужье православного населения». Если принять во внимание, что «выяснение» окраинного вопроса производится в

петербургских канцеляриях уже двести лет, без малейшего просвета в окутывающем их тумане Чухландии, что равным образом и для «выяснения» положения православного населения в Забужье было уже более чем достаточно случаев со времени включения его в империю, то станет ясно, что постановленная Советом министров отсрочка рассчитана собственно *ad calendae graecas!*

Случилось, однако, что в мае прошлого года Галицко-русское благотворительное общество представило со своей стороны адрес на высочайшее имя, в котором это общество, «присоединяясь к слезной мольбе представителей Холмской Руси о помощи Холмскому краю в его нынешнем безвыходном положении», испрашивало повеления о «безотлагательном выделении из состава Варшавского генерал-губернаторства русских уездов Люблинской и Седлецкой губернии и о присоединении этого края к юго-западным областям, как это было всегда раньше, вплоть до разделов Польши». «Этим повелением, - сказано в адресе, - была бы исправлена пагубная ошибка, допущенная русским правительством в эпоху Венского конгресса, и вместе были бы созданы условия для сохранения русского Забужья от неминуемой гибели, которая крайне ослабила бы русское дело и в Белоруссии, и на Волыни, и особенно в Подкарпатье».

Во исполнение высочайшей резолюции по содержанию этого адреса Совету министров пришлось вторично рассмотреть холмский вопрос текущей зимой, причем в его распоряжении был, сверх прежних материалов, еще доклад особой комиссии при Министерстве внутренних дел, в которой заседали в числе других люблинский и седлецкий губернаторы, правитель канцелярии варшавского генерал-губернатора и холмский епископ. Доклад комиссии клонился, по слухам, к выделению Холмской Руси из Царства Польского, хотя и в суженных размерах. Но Совет министров не решился принять на свою ответственность даже те минимальные требования с русской стороны, какие были заявлены и как будто приняты в означенной комиссии. Он постановил направить это дело в Государственную Думу, что при нынешних условиях также соответствует приблизительно отсрочке *ad calendae graecas*.

Нет, Россия не Пруссия, даже не Австрия, где все же во внутренней политике на протяжении нескольких поколений замечается некоторая – хоть династическая и культурная – преемственность. У нас это было до Петра В., но исчезло с той поры и, вероятно, еще надолго, судя по бесспорному преобладанию у нас крайнего западничества в кругах правительственных и общественных.

Неосторожно, следовательно, поступает г. «Русский» из Холма, отдавая со своей стороны предпочтение голой фразе или и мини-

стерской декларации «о твердой национальной политике» перед каким-нибудь «совершившимся фактом», вроде, например, выделения Холмщины из Царства Польского. Ужели он не предвидит, что подобная фраза, не сопровождаемая фактическими гарантиями, имела бы для будущего Холмщины, да и для всей России, столь же плачевные последствия, как те обещания, которыми сопровождалось выделение Александром I Выборгской губернии из состава прочих областей империи и включение ее в состав автономной Финляндии?

Если бы принадлежность Холмщины либо к царству, либо к Западной России была безразлична для дальнейшего хода национальной борьбы за эту часть свято-владимирского наследия, то стали бы так энергично восставать против этой меры польские политики, притом не романтики лишь, но и реалисты, усердно натравливающие теперь на своих холмских «сепаратистов» и наших публицистов левого лагеря!

«Если русские галичане, - скажем словами вышеупомянутого адреса, - в своем трехмиллионном составе и при некотором политическом развитии все-таки считают отделение русских округов Галиции от польских главным залогом спасения своей народности, то очевидно, что и Русь Холмская может сохраниться лишь при условии отделения ее от губерний польских, где эта горсть русских (300-400 000 д.) совершенно теряется в миллионных массах польского и еврейского населения».

Если Россия действительно вступает теперь на путь «новой внутренней политики», то деятелям последней непременно придется пересмотреть административное разграничение как Холмщины, так и многих других наших областей. В нынешнем их размежевании замечается слишком уж много не только случайного и искусственного, но и тенденциозного, прямо направленного против кровных интересов коренного населения империи. Так, например, почему доньше не осуществлена прочно обоснованная еще сенатором Манассеиным во всеподданнейшем отчете о ревизии Курляндской и Лифляндской губерний (1883 г.) необходимость выделения из состава Курляндии Иллукустского уезда и включения его в губернию Витебскую, к которой он принадлежит и этнографически, по преобладающему составу населения, и географически, как глубокий клин, вбитый немцами в Белоруссию по течению Западной Двины? Почему доньше остается в той же Курляндии Жмудское приморье возле Полангена, когда оно издревле принадлежало жмудякам, а не латышам или немцам и отрезано от Ковенской губернии лишь для восстановления сухопутного сообщения между немцами Либавы,

Виндавы, Риги с одной стороны, а Мемеля, Королевца, Гданска – с другой? Почему все еще числятся в составе Лифляндии и Эстляндии старые русские селения, расположенные вдоль западных и северных берегов Чудского озера, когда это озеро еще при Ярославе Мудром входило в состав Руси с прилегающей территорией, вплоть до г. Юрьева? Такой же вопрос позволителен и по отношению к озеру Ладожскому, которое даже во времена новгородские входило в состав одной из пятин, а теперь отхвачено самоопределяющимися шведами и финнами!

Нет, учреждения важнее лиц - надежнее, долговечнее; потому в первых, а не в последних должны мы искать спасения и Холмской Руси от надвигающихся с Запада бед и опасностей.

Источник: *Будилович А.С.* Холмская Русь и поляки. Три статьи профессора А.С. Будиловича (перепечатка из «Окраин России» (1907, № 2, 3 и 5). СПб.: тип. «Россия», 1907. 49 с.

Source: *Budilovich A.S.* Rus' in the Lands of Kholm and the Poles. Three articles by Professor A.S. Budilovich (reprint from "Borderlands of Russia", 1907. Nr. 2, 3, 5). St. Petersburg: Typography "Russia", 1907. 49 p.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.

УДК 821.16

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/9

ПИСЬМА Д.Н. ВЕРГУНА К П.А. КУЛАКОВСКОМУ

К.Б. Егорова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
E-mail: xenia.egorova@gmail.com

Резюме

Два письма издателя журнала «Славянский век» Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951) впервые публикуются в полном объеме с комментарием. Документы хранятся в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Ф. 572, ед. хр. № 8). Они отражают редакционную политику издателя, его взгляды на славянство и славянский мир, а также предоставляют материал для дальнейшего исследования жизненного и творческого пути Вергуна, внесшего существенный вклад в становление русинского национального самоопределения. Текст писем свидетельствует о контактах Д.Н. Вергуна с российскими славистами до его переезда в Петербург; представленные материалы позволяют проследить эволюцию замысла издателя – от приглашения авторов к сотрудничеству в работе всеславянского печатного органа, которым являлся «Славянский век», до выхода первых номеров издания.

Ключевые слова: архивные материалы, журнал «Славянский век», славяноведение, русины, Вергун, Кулаковский.

THE LETTERS OF D.N. VERGUN TO P.A. KULAKOVSKY

K.B. Egorova

Institute of Russian Literature (the Pushkin House)
4 Makarov Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

Abstract

Two letters of the publisher of the journal "Slavic Age" Dmitry Nikolayevich Vergun (1871–1951) is published here for the first time. Documents are stored in the Manuscript Department of the Institute of Russian literature Russian Academy of Sciences (F. 572, Nr. 8). They reflect the editorial policy of Vergun, his views on the Slavs and the Slavic world, as well as provide material for further study of the life and career of Vergun

who had made a significant contribution to the formation of the Rusin national self-determination. The text of the letters indicates the contacts of Vergun with Russian Slavists; the presented materials allow us to trace the evolution of the plan of the publisher of "Slavic age" before the release of the first issues of the publication.

Keywords: archive documents, Archival documents, Slavic Age, History of the Slavs, Rusins, D.N. Vergun, P.A. Kulakovsky.

В первом номере журнала «Русин» за 2015 г. была опубликована статья С.Ф. Фоминых и В. П. Зиновьева о журнале «Славянский век» как источнике по истории русинов. В этой информативной статье, восполнившей некоторые лакуны в истории этого издания, упоминалось, что комплект журнала «Славянский век» был пожертвован Императорскому Томскому университету известным славистом Платоном Андреевичем Кулаковским (1848–1913), архив которого хранится в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Ф. 572). В составе этого фонда находятся два письма Д. Н. Вергуна¹, адресованные Кулаковскому. Они относятся ко времени работы Вергуна в качестве редактора и издателя всеславянского печатного органа «Славянский век». Публикуемые ниже письма представляют интерес для дальнейшего изучения славянской идеи в Австро-Венгрии и Российской империи накануне Первой мировой войны, позволяют уточнить детали биографии Вергуна и сделать выводы о его взглядах на состав авторов учрежденного им журнал «Славянский век».

Письма Дмитрия Николаевича Вергуна к Платону Андреевичу Кулаковскому (РО ИРЛИ. Ф. 572. № 87)

I

Штамп: Редакция журнала «Славянский век»

Wien, VIII, Bennogasse 22.

Христос воскрес!

Глубокоуважаемый Платон Андреевич²!

Прилагая при сем проект «Славянского века»³, осмеливаюсь обратиться к вам с покорнейшей просьбой поддержать это славянское начинание и содействовать ему вкладами своего известного во всем славянстве пера⁴. Я просил всех выдающихся славяноведов⁵ сотрудничать в «Славянском веке», и многие уже обещали мне содействие, напр. <имер> проф. <ессор> Ягич⁶.

Надеюсь, что не откажете мне, за что прошу принять вперед выражение моей глубочайшей благодарности.

Дм. Вергун

Вена, 2 июля 1900

II

Wien 19 июня

VIII, Bennogasse 22

Глубокоуважаемый Платон Андреевич!

Спешу выразить Вам свою глубочайшую благодарность за Ваше любезное обещание составить полезную для славянства статью и отличить ею издаваемый мною всеславянский журнал.

Прошу не опасаться, чтобы участие Ваше могло возбудить лишние придирки к моему изданию авст<рийских> властей. Они и без того зорко следят за мною, но я не выхожу из рамок покорности, и придраться они не смеют. Если же издание будет, то я сумею и постараюсь за священное наше дело, как я доказал уже в 1897 г., когда меня за черновик статьи продержали около 2 месяцев в тюрьме⁷. Волка бояться - в лес не ходить.

Прошу также, если случайно встретите Ивана Порфирьевича⁸, возобновите перед ним мою просьбу о сотрудничестве. Дело разрастается, спрос непредвиденный, и нужно хорошими статьями привлечь еще больше читателей, чтобы стать прочно на ноги и преодолеть бесчисленные практические и технические препятствия, которые вырастают перед слав.<янский> изданием на каждом шагу. Ник.<олай> Ив.<анович>⁹, который провел здесь больше недели, тоже составил для «Сл.<авянского> века» статью, только сдает неоконченную еще статью для Словаря Эфрона. Сверх того, и Тимофей Дмитриевич¹⁰ на днях обещал прислать статейки две.

Итак, большое Вам спасибо, глубокоуважаемый Платон Андреевич. Буду с нетерпением ждать Вашей статьи. Поклон Ивану Порфирьевичу. Примите уверение в моей полнейшей преданности.

Д. Вергун

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951) – писатель, общественный деятель. Изучал славянскую филологию в Вене под руководством выдающегося филолога XIX в., специалиста по славянскому языкознанию Игнатия Викентьевича Ягича (1838–1923); в Вене Вергун издавал журнал «Славянский век» (1900–1904), ставший печатным органом неославистов. После ареста за участие в славянском движении переехал в Петербург (1907), где работал в газете «Новое время». После Первой мировой войны вел активную славянскую политику и принимал участие в Парижской мирной конференции в числе карпаторусских делегатов; выступал за автономию Карпатской Руси и присоединение этих земель к России. По результатам мирной конференции Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии, куда Вергун эмигрировал в 1921 г. Умер в США.

2. Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) – ученый-славист, окончил историко-филологический факультет Московского университета; в 1876 и 1878 гг. был командирован в славянские земли, предпринимал поездки по Сербии и Болгарии. Преподавал в белградской Великой школе, Варшавском университете. В сфере научных интересов Кулаковского была история сербской и хорватской литературы XVIII–XIX вв. Его труды «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (1882) и «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения» (1894) внесли значительный вклад в развитие отечественной славистики. (Подробнее о научной деятельности Кулаковского и его взглядах на славянство см.: Лаптева 1998.)

3. «Славянский век» (1900–1905) – журнал, выходивший два раза в год в Вене под редакцией Д. Н. Вергуна. Издавался на русском языке и являлся, по мысли Вергуна, всеславянским печатным органом, созданным для защиты славянских культурных интересов и распространения русского языка в Австро-Венгрии и на Балканском полуострове.

4. Вероятно, речь идет о работах Кулаковского по истории сербской и хорватской литературы «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (1882) и «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения» (1894).

5. В издании журнала в разное время принимали участие З. Бубало, М. В. Вуич, В. М. Гордон, К. Я. Грот, Ив. Драгутинович, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, И. В. Каменский, В. Н. Кораблев, Е. Ф. Корш, К. Ю. Купалов, В. Н. Лясковский, О. Мончаловский, Н. Нович, А. Павлид, Р. Пилат, Л. Х. Пиштелич, Ф. М. Подгорник, Р. И. Покорный, В. М. Радованович, И. П. Роганович, И. С. Свенцицкий, А. П. Соловьевич, Ю. А. Яворский, Н. В. Ястребов и др. Очевидно, Вергун приглашал к участию в издании более широкий круг специалистов, однако не все приняли его приглашение. (Подробнее об этом см.: Фоминых, Зиновьев 2015.)

6. Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) – австрийский филолог-славист, крупнейший специалист в области славянского языкознания, академик Петербургской академии наук.

7. В 1897 г. Вергун основал «Кружок любителей русского языка» в Вене, что открыто выражало его пророссийские симпатии и привлекло внимание австрийской полиции к активному выпускнику Венского университета. В этом же году Вергун был заключен в тюрьму за составление «Программы червонорусской молодежи», что помешало ему впоследствии занять должность лектора философского факультета Венского университета.

8. Филевич Иван Порфирьевич (1856–1913) – историк, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Автор многочисленных работ по истории Галиции, занимался изучением Карпатской Руси и унии на этой территории. Являлся экстраординарным профессором кафедры русской истории Варшавского университета, где, вероятно, познакомился с Кулаковским, также разделявшим его монархические и русофильские убеждения.

9. Вероятно, речь идет о Николае Ивановиче Коробке (1872–1920). Коробка – уроженец Волынской области, окончил историко-филологический

факультет Санкт-Петербургского университета. Был в командировках в Европе. В одной из таких командировок мог посетить Вену. Занимался этнографией и фольклором Волынского полесья; был одним из авторов статей для энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

10. Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – российский филолог-славист, издавал журнал «Славянский ежегодник», состоял в различных славянских благотворительных обществах, являлся почетным членом «Киевского клуба русских националистов». Его вклад в развитие славистики был оценен мировым научным сообществом: Флоринский был избран членом-корреспондентом Югославянской академии наук в Загребе, членом Королевского чешского общества наук в Праге, Сербской королевской академии.

ЛИТЕРАТУРА

Лаптева 1998 – *Лаптева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // *Славянская идея: история и современность*. М., 1998. С.111–126.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 572. № 87. Письма Дмитрия Николаевича Вергуна к Платону Андреевичу Кулаковскому.

Фоминых, Зиновьев 2015 – *Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // *Русин*. 2015. №1 (39). С. 87–88. DOI 10.17223/18572685/39/6

REFERENCES

Lapteva 1998 – *Lapteva L. P.* Slavjanskij vopros v mirovozzrenii P. A. Kulakovskogo (po arhivnym materialam) [Slavic question from the view of P. A. Kulakovskij (based on archival documents)]: *Slavjanskaja ideja: istorija i sovremennost'* [Slavic idea: history and contemporary state]. Moscow, 1998. pp.111–126.

RO IRLI – *Rukopisnyj otdel Instituta russoj literatury* (Pushkinskij Dom) RAN (RO IRLI) [Handwriting department of the Institute of Russian literature Russian Academy of Sciences] F. 572, Nr. 87. Pis'ma Dmitrija Nikolaevicha Verguna k Platonu Andreevichu Kulakovskomu [Letters of D. N.Vergun to P. A. Kulakovskij].

Fominyh, Zinov'ev 2015 – Fominyh S.F., Zinov'ev V.P. Zhurnal "Slavjanskij vek" kak istochnik po istorii rusinov [Magazine "Slavic century" as a source for the history of Rusins]. *Rusin*. 2015. 1 (39). pp.87–88. DOI 10.17223/18572685/39/6

Егорова Ксения Борисовна – кандидат филологических наук, ученый секретарь ИРЛИ РАН.

Egorova Ksenia Borisovna – Institute of Russian literature Russian Academy of Sciences.

E-mail: xenia.egorova@gmail.com

Rusin Journal Library

Библиотека журнала «Русин»

2017, № 1 (6)

Республиканская общественная ассоциация «РҮСЬ»
(г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 160 стр.

Республиканская общественная ассоциация «РҮСЬ»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Библиотека журнала "Русин"»:
http://journals.tsu.ru/rusin_library

Сайт международного исторического журнала «Русин»:
<http://journals.tsu.ru/rusin>

Подписано к печати 5.08.2017. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 100 экз.
Заказ 110

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Редакция не вступает в содержательное обсуждение материалов,
переписку по методике написания и оформления научных статей.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**

